Пол Стюарт, Крис Риддел
ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ
ЗИМНИЕ РЫЦАРИ

Тайна Древнего Странника раскрыта, но никто и не подозревает, чем это грозит всему Краю! Квинт — сын знаменитого воздушного пирата — поступил в Рыцарскую Академию в трудные времена. Лютые морозы промораживают насквозь летучую скалу, и недалек тот день, когда она сорвется с Якорной Цепи и город ученых будет разрушен. Один за другим улетают за спасительным грозофраксом Наследные Рыцари, но их всех ждет гибель в заснеженных просторах Края. Скоро, очень скоро наступит очередь Квинта и его друзей... Больше всего на свете юные Рыцари мечтают спасти Край, именно поэтому, нарушая устав и законы Академии, они самовольно отправляются в поход, из которого должны вернуться только победителями.

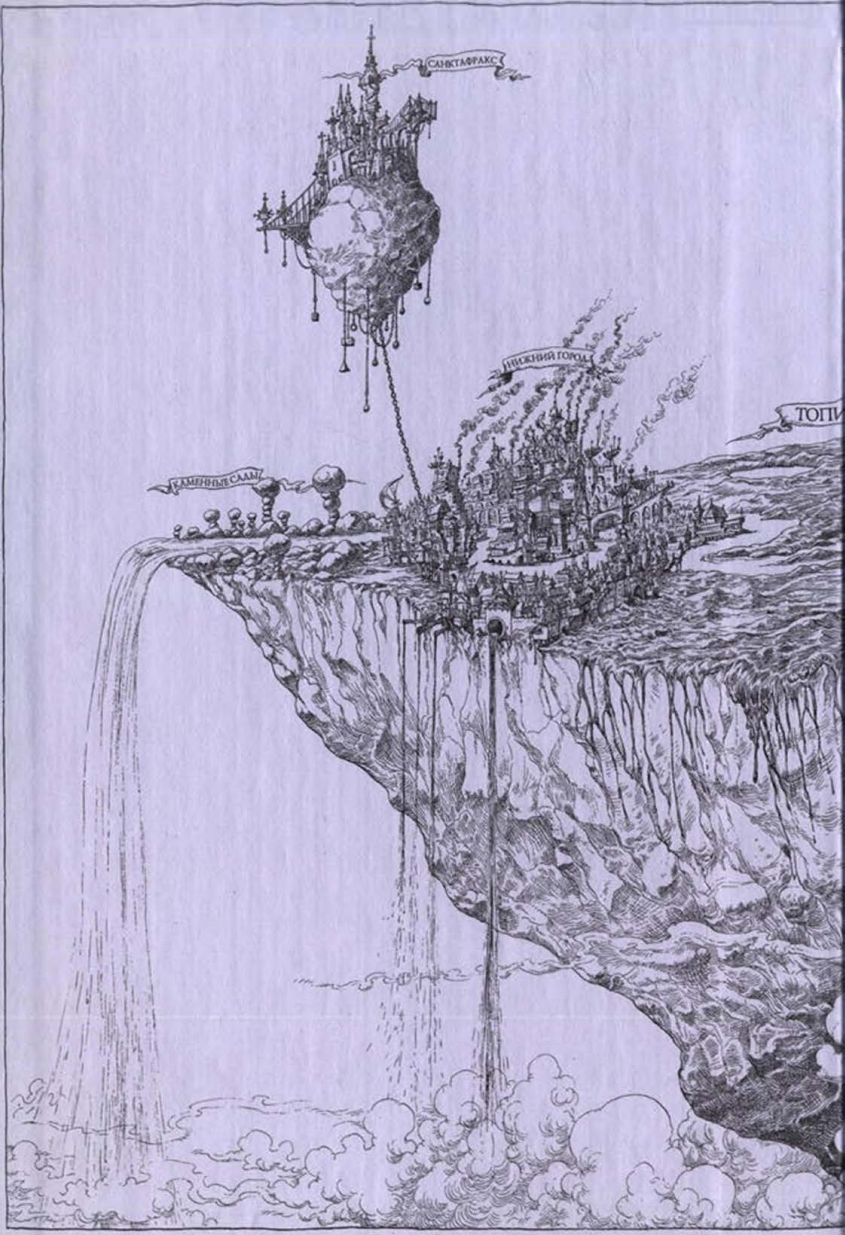
ISBN 5-352-01704-4

Пол СТЮАРТ
Крис РИДДЕЛ

ЗИМНИЕ РЫЦАРИ

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ

АЗБУКА


САНКТАФРАКС
НИЖНИЙ ГОРОД
КАМЕННЫЕ САДЫ
ТОПИ

ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА
СУМЕРЕЧНЫЙ ЛЕС
КРАЕВЫЕ ПУСТОШИ
КРАЙ

ИЗ ЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ
ИМЯ

ВОЗДУШНЫЕ
ПИРАТЫ

В серии
«Воздушные пираты»
выходят книги:

ЗА ТЕМНЫМИ ЛЕСАМИ

•

ГРОМОБОЙ

•

ПОЛНОЧЬ
НАД САНКТАФРАКСОМ

•

ДРЕВНИЙ СТРАННИК

•

ПОСЛЕДНИЙ
ВОЗДУШНЫЙ ПИРАТ

•

АКАДЕМИК ВОКС

•

ЗИМНИЕ РЫЦАРИ

•

ВОЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

Пол Стюарт · Крис Риддел

ЗИМНИЕ РЫЦАРИ

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2006

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
С 88

Paul Stewart & Chris Riddell
The Winter Knights

Text and illustrations copyright © 2005
by Paul Stewart and Chris Riddell
All rights reserved

Права П. Стюарта и К. Риддела,
являющихся авторами данного произведения,
защищены в соответствии с законом
«Об авторском праве, дизайне и патентах» 1988 года.

Публикуется с разрешения Random House Children's Books,
отделения Random House Group Ltd.

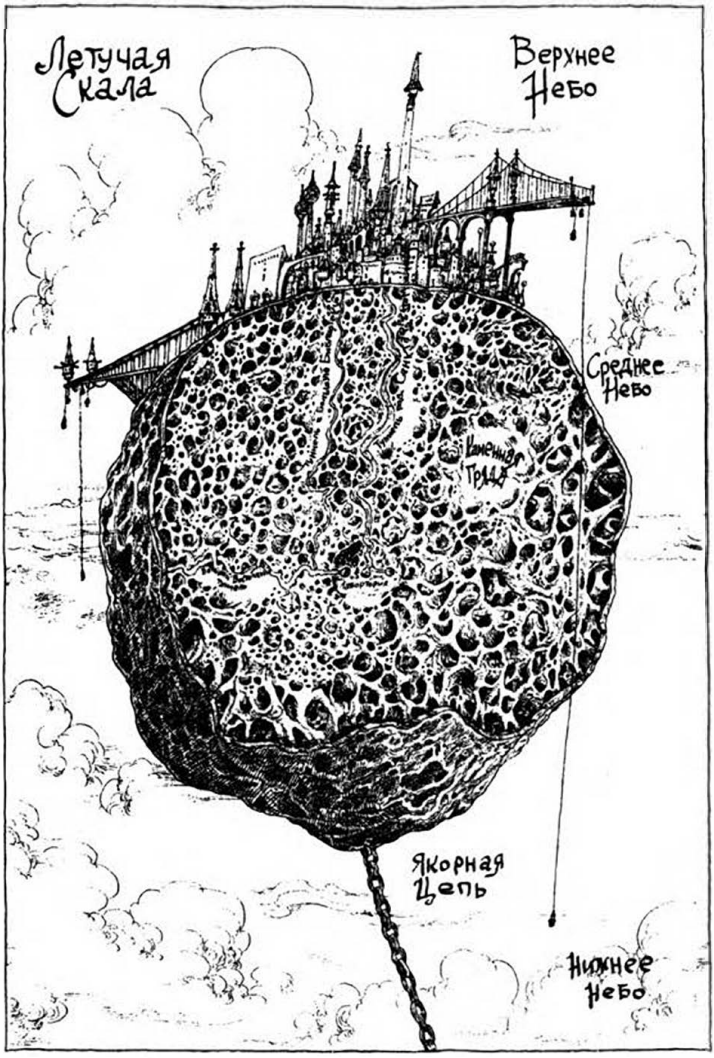
Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрнберг
за помощь в приобретении прав

Перевод с английского Юлии Скоробогатовой
Дизайн серии Вадима Пожидаева
Оформление Сергея Гончарова, Валерия Макарова
Иллюстрации Криса Риддела, Сергея Гончарова

ISBN 5-352-01704-4

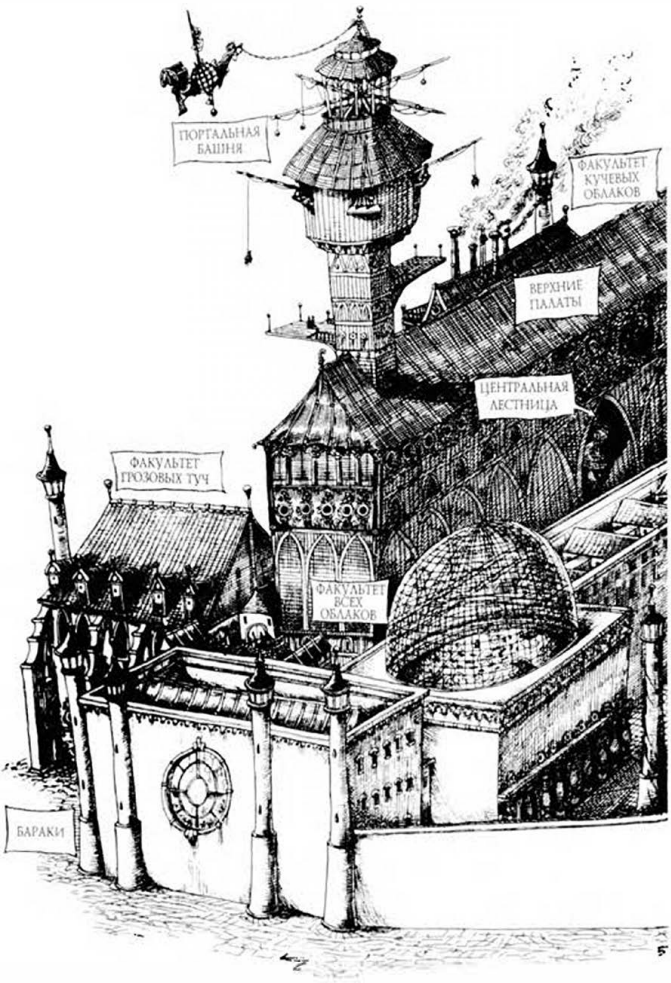
© Ю. Скоробогатова, перевод, 2006
© «Азбука-классика», 2006

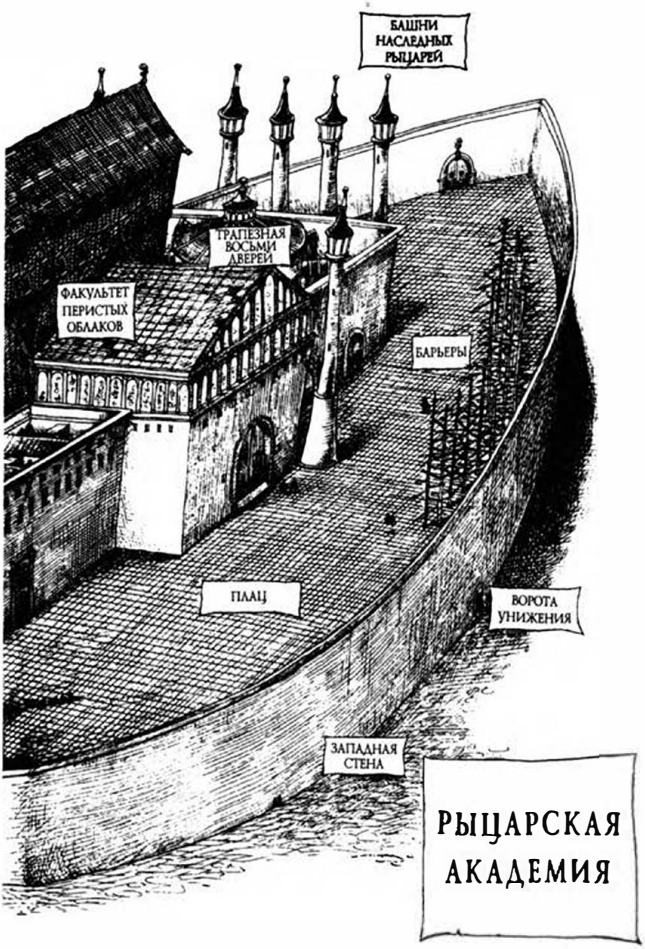
Для Уильяма,
Джозефа,
Анны,
Кэти
и Джека


Летучая Скала
Верхнее Небо
Среднее Небо
Каменный Трон
Якорная Цепь
Нижнее Небо

План Санктафракса

A Школа Света и Тьмы
B Рыцарская Академия
C Академия Ветра
D Колледж Дождя
E Институт Снега и Льда
G Школа Дымки


ПОРТАЛЬНАЯ БАШНЯ
ФАКУЛЬТЕТ КУЧЕВЫХ ОБЛАКОВ
ВЕРХНИЕ ПАЛАТЫ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕСТНИЦА
ФАКУЛЬТЕТ ГРОЗОВЫХ ТУЧ
ФАКУЛЬТЕТ ВСЕХ ОБЛАКОВ
БАРАКИ


БАШНИ НАСЛЕДНЫХ РЫЦАРЕЙ
ТРАПЕЗНАЯ ВОСЬМИ ДВЕРЕЙ
ФАКУЛЬТЕТ ПЕРИСТЫХ ОБЛАКОВ
БАРЬЕРЫ
ПЛАЦ
ВОРОТА УНИЖЕНИЯ
ЗАПАДНАЯ СТЕНА
РЫЦАРСКАЯ АКАДЕМИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий город ученых Санктафракс пребывал в тревоге с тех пор, как внезапно и тяжело заболел Высочайший Академик Линиус Паллитакс.

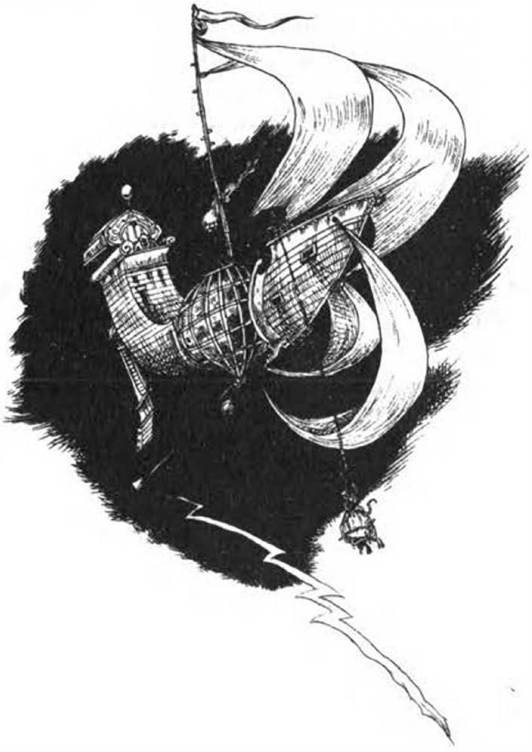
Теперь академики только об этом и говорили. Ходили слухи, что Линиус Паллитакс сделал нечто, чего делать было никак нельзя, — будто бы он взломал двери Древней Лаборатории, запечатанной еще землеведами, собрал некие секретные, совершенно запретные сведения и безрассудно попытался создать новую жизнь.

Конечно, никаких доказательств, подтверждающих это, найдено не было, но пересуды сделали свое дело, и с каждым днем жители Санктафракса все уверенней заявляли, что Линиус Паллитакс заболел не случайно. Кроме того, всех мучил вопрос: что понадобилось Высочайшему Академику на крыше в ночь, когда сгорел дотла Дворец Теней?

Но были двое, кто особенно переживали болезнь Высочайшего Академика. Это его дочь Марис, любящая отца до беспамятства. Она боялась даже предположить, что будет, если отец покинет свет. Дру-

той — Квинт Верджиникс, сын знаменитого воздушного пирата Шакала Ветров и ученик Линиуса Паллитакса.

По рекомендации Высочайшего Академика Квинт должен был получить место в Рыцарской Академии, но, лишившись своего покровителя, юноше оставалось только покинуть Санктафракс и присоединиться к воздушным пиратам.



Быть пиратом, бесспорно, почетно. В детстве Квинт не раз представлял себя на капитанском мостике, бороздящим вместе с отцом просторы Края наперекор ветрам и грозам. Путешествуя между Дремучими Лесами и шумным Нижним Городом, они уже успели преодолеть плечом к плечу множество опасностей, перевозя в трюмах «Укротителя Вихрей» незаконный и ценный груз.

Но здесь, в Санктафраксе, в должности ученика Высочайшего Академика Квинт успел выучить столько нового и он знал, что это только начало. Он всем сердцем желал поступить в Рыцарскую Академию и когда-нибудь, если будет на то воля Небес, полететь вслед за бурей в Сумеречные Леса на поиски грозофракса.

Здесь следует напомнить, что судьба Санктафракса целиком и полностью зависит от грозофраксов — ярких кристаллов, возникающих в отдаленных уголках Сумеречных Лесов от ударов молнии Великой Бури. Вес грозофракса настолько велик, что помогает сохранить равновесие парящего в небесах города. Со времен первого Рыцаря-Академика дерзкая миссия по поиску новых кристаллов стала мечтой каждого Рыцаря-Академика.

Но сейчас, когда жизнь Линиуса Паллитакса висела на волоске, будущее представлялось Квинту туманным. Все, что он мог, — это надеяться и молиться о выздоровлении Высочайшего Академика ради Марис, ради себя, ради всего Санктафракса. Но глаза Линиуса тускнели день ото дня, дыхание стано-

вилось все тяжелее, и надеяться было все трудней и трудней.

Дремучие Леса, Каменные Сады, Река Края, Нижний Город и Санктафракс — названия на географической карте.

И за каждым из них стоит множество историй — историй, записанных на древних свитках, историй, которые переходят из уст в уста, от поколения к поколению, историй, которые рассказываются и по сей день.

Одну из таких историй мы и хотим вам поведать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НИЖНИЕ ПАЛАТЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ШКОЛА ЦВЕТА И СВЕТОТЕНИ

Академик в неряшливой, заляпанной красками голубой мантии повернул свободной рукой кривошипный механизм. В тот же миг колеса заскрипели и запищали, как рассерженные летучие крысы, распахнулось окно, и в затемненную комнату заглянуло солнце. Академик опустил кисть и, прищурившись, склонил голову набок, бледно-желтые глаза уставились на юношу.

— Чуть левее, пожалуйста, мастер Квинт, — произнес он своим мягким, вкрадчивым голосом. — Выйдите на свет. Вот так...

Квинт послушно выполнил просьбу художника. Первые утренние лучи упали на лицо юноши, защекотали нос, щеки и уши. Солнечные блики заплясали на старых, потертых доспехах.

— Чудесно, мой молодой господин, — удовлетворенно прошептал академик и, окунув в белую краску кисточку из шерсти ежеобраза, нанес несколько мазков на прикрепленную к мольберту картину. — Добавим немного света, получится просто волшебно. Только не двигайтесь!

Квинт старался не шевелиться, но это давалось ему нелегко. Комнатка была маленькая, душная, а запах краски, масла и лака щипал глаза и вызывал тошноту. Ржавые, тесные доспехи давили ему на шею, а левая нога совсем онемела, кроме того, Квинту не терпелось увидеть законченный портрет.

— Рассветные лучи, — хихикнул академик. — Только они способны во всей красе показать объект. — Бледно-желтые глаза пригвоздили юношу. — А вы, мой милый господин, объект *непростой*.

Он снова хихикнул, а Квинт почувствовал, как вспыхнули щеки.

— Да-да, не кто-нибудь, а протеже самого Высочайшего Академика Санктафракса... — Художник отвернулся и лихорадочно завозил кисточкой по палитре. — Вы счастливчик, мастер Квинт. Шутка ли, получить место в самой престижной академии, не то что мы, воспитанники младших школ. Интересно... — В голосе академика появилась неприкрытая зависть. — Интересно, чем вы заслужили такую милость?

Взгляд бледно-желтых глаз снова остановился на юноше. Какие же все-таки тусклые у академика глаза, зрачки и белки почти одного цвета. «Такими их сделала кропотливая работа у мольберта», — вздрогнув, подумал Квинт. Гимнасты из Нижнего Города к старости страдают от боли в суставах, у кожевников из Дремучих Лесов по прошествии лет перестают смываться с рук кровавые пятна, глаза художников Санктафракса теряют цвет от едких испарений. А Феруль Глит пишет портреты уже не один год.

— Я был учеником Высочайшего Академика... — Квинт опустил глаза и снова покраснел, вспомнив алые языки ужасного пожара.

— Стойте смирно! — рявкнул Глит, раздраженно водя кисточкой по холсту. — Ну, конечно... — Он вдруг хитро улыбнулся. — Вы подумали о пожаре во Дворце Теней, я прав? Странное, жуткое происшествие! А как здоровье Высочайшего Академика? Надеюсь, ему стало лучше.

Бледно-желтые глаза впились в Квинта.

— Пока все без изменений, — тихо ответил юноша, но сердце сжалось, когда он вспомнил об учителе, лежащем в темной спальне Школы Дымки.

Линиус Паллитакс чуть не погиб при пожаре. Возможно, ему лучше было тогда умереть, чем лежать в постели, глядя в никуда, не узнавая никого, даже верного слугу Твизла, даже Квинта, даже единственную дочь Марис, дежурившую у его изголовья днями и ночами.

Какое-то время Феруль Глит работал молча.

— Значит, без изменений, — вымолвил он наконец. — Не слишком утешительные новости. Вы, конечно, не хотите, чтобы с Высочайшим Академиком что-то случилось, мой молодой господин. В вашем-то положении.

— В каком положении? — спросил Квинт, стараясь не шевелиться.

— Ну, вы же, если я не ошибаюсь, протеже Линиуса Паллитакса? Без его поддержки вам никогда не стать Рыцарем-Академиком. Это ясно, как день! — Феруль покачал головой. — Только рожденный и воспитанный в Санктафраксе может удостоиться такой чести. Простым смертным остается довольствоваться школами попроще.

Художник вытер кисточку тряпкой и развернул мольберт.

— Вот, — провозгласил он.

Квинт увидел перед собой миниатюру, изображающую молодого синеглазого и улыбчивого Рыцаря-Академика в сияющих новеньких доспехах. Феруль Глит из Школы Цвета и Светотени написал прекрасный портрет. Юноша поежился.

— Что-то не так? — спросил Феруль.

— Нет-нет, — прошептал Квинт.

Он не собирался рассказывать желтоглазому академику о нахлынувших воспоминаниях о своем первом портрете.

Он тогда был еще ребенком четырех, может быть, пяти лет, младшим из шести братьев. Его отец, Шакал Ветров, заказал художнику написать настенную фреску с изображением всей семьи. Какие счастливые это были времена. Они больше никогда не повторятся. Через год после того, как фреска была закончена, лживый квартирмейстер отца поджег особняк. Мать Квинта и пять братьев погибли в огне вместе с фреской.

— Но в портрете есть одна ошибка, — быстро добавил Квинт.

— В самом деле? — Глит удивленно вскинул брови.

Квинт указал на свои потертые ржавые доспехи и перевел взгляд на миниатюру.

— Завидные латы вы написали, блестящие, как начищенное серебро, тогда как на самом деле... — Он умолк, опустив глаза на старые кирасы.

Глит рассмеялся, обнажив острые, как иголки, зубы.

— Ваша правда, мастер Квинт, — кивнул он. — Эти доспехи видели лучшие времена. Я просто заглянул вперед. Когда вы станете Рыцарем-Академиком, придется много и упорно трудиться, чтобы заслужить честь носить амуницию, изображенную на этом портрете. Амуницию, достойную того, кто отправится на поиски грозофракса. Вот для чего каждый Рыцарь-Академик носит с собой портрет — чтобы помнить о великой цели.

Квинт молча кивнул и потянулся за портретом.

— Не так быстро! — отрезал Феруль Глит. — Я еще не написал фон. Академия вашего покровителя — Школа Дымки. Чтобы запечатлеть ее башни, нужно выйти на балкон, да поскорей, пока солнце не взошло слишком высоко. — Художник стал складывать краски и кисти в ящик из лафового дерева. — Вы пойдете со мной?

— Конечно, — ответил Квинт и протер глаза. — С радостью глотну свежего воздуха.

Миновав громоздкий мольберт, Квинт стал карабкаться по винтовой лестнице вслед за академиком, который нес в одной руке ящик, в другой — незаконченный портрет.

Выйдя на балкон, юноша прислонился к перилам и глубоко вдохнул. Утро выдалось морозное и ясное, в небе плавали густые облака, золотой солнечный свет лился на башни Санктафракса.

Слева и справа поднимались башенки и минареты сотен младших школ. В одном конце огромного Виадука стоял величавый Большой Зал, его купол и колокольня ярко сияли в солнечных лучах; в другом конце Виадука, возвышаясь над всеми строениями Санктафракса, тянулась к небу Обсерватория Лофтуса, прямо за ней безошибочно угадывались две башни-близнеца аналитиков Дымки.

Квинт не сводил с них глаз. Два огромных погодных шара раскачивались на вет-

ру, издавая тихую, чарующую музыку зыбкой и утонченной гармонии.

Мелодия Санктафракса пуще великолепных зданий волновала сердце Квинта. И сейчас, стоя на балконе высокой башни Школы Цвета и Светотени, он не уставал дивиться этой музыке, идущей от дома к дому, каждый из которых вливал свой удивительный голос в сладкий хор Санктафракса. Старики говорили, что и слепой не может заблудиться в городе, уши всегда подскажут, где он сейчас. Квинт был в этом уверен.

Закрыв глаза, юноша прислушался к льющимся звукам. Он слышал визг цевочных колес, скрип градовых весов, скрежет флюгеров, звон туманных колоколов. Из Академии Ветра плыли напевы ветра, так похожие на мелодию флейты, а из Башни Дождеведов доносилось звяканье многочисленных бутылок для сбора дождевой воды.

Но это были не единственные звуки, наполнявшие город. Пока Феруль Глит торопливо набрасывал на холсте контуры башен-близнецов, Квинт открыл глаза, перевесился через перила и услышал гомон множества голосов.

Внизу лежал виадук, обрамленный многочисленными башнями. Каждая башня была неповторима — одна своей зубчатой формой напоминала замок, другая венчалась шпилем, третья была удивительно похожа на перечницу, четвертая на дуршлаг. Квинт заметил высокую коническую башню, украшенную свисающими с крючков маленькими фонариками,

башню, увешанную звонкими колокольчиками, башню с рифлеными колоннами — уменьшенную копию Школы Света и Тьмы. И возле каждой башни толпились ученики.

Большинство носили голубые мантии, верный признак того, что перед вами академики из младших школ. Рядом со Школой Цвета и Светотени располагалась Школа Преломления и Отражения, ученики которой начищали линзы на телескопах для старших академий. С другой стороны находилась Школа Зрительной и Ощутимой Фильтрации, здесь из тончайшего шелка бережно ткались нежнейшие погодные инструменты.

Ученики из Школы Дымки, облаченные в красные пелерины с черно-белыми воротниками, о чем-то оживленно спорили с учениками в голубых мантиях. Профессора из Института Снега и Льда в белых и серых одеждах надменно вышагивали по прогулочным дорожкам, а озорная группа учеников из Колледжа Облаков весело смеялась над какой-то шуткой.

— Еще немного охры, — бормотал Глит.

В этот миг внимание Квинта привлек человек, выскользнувший из дверей противоположной башни. Незнакомец осторожно огляделся по сторонам, но не додумался, что кто-то, например Квинт, может наблюдать за ним сверху. Спрятав в рукаве пузырек с алой жидкостью, он поспешил прочь. Квинт заметил, что незнакомец худощав и сутулит плечи, а зеленая мантия отделана мехом. Последнее говорило

о том, что перед ним помощник профессора из Академии Ветра.

Квинт еще раз оглядел башню. Похоже, посетители здесь бывали нечасто. Ставни были плотно закрыты, черепица на крыше пооблетела, стены облупились. Что же это за школа? Возможно, ответ лежал в чучеле лисацапа, висящем над дверью, — хищной птице с пышным хвостом, массивным клювом и острыми когтями.

— Что там изучают? — спросил Квинт художника, указывая на башню.

Портретист покачал головой.

— Молодому господину из Рыцарской Академии не пристало интересоваться подобными школами и науками, которыми там занимаются, — Глит неприятно улыбнулся и показал на портрет.

На заднем плане высились две грациозные башни-близнеца аналитиков Дымки.

— Когда краска высохнет, вы сможете приколоть миниатюру на рукоятку своего меча. У вас же есть меч?

— Конечно, — Квинт кивнул и указал на кривую пиратскую саблю, подаренную отцом.

Глит криво усмехнулся и презрительно посмотрел на сияющую сталь.

— Что ж, — фыркнул он. — Немногие Рыцари-Академики смогут похвастаться *таким* мечом.

Квинт помрачнел.

— Но раз уж вы протеже Высочайшего Академика, мне остается только...

Глит не успел договорить, воздух сотрясли скорбные удары колокола. Квинт резко обернулся: звуки летели с колокольни Большого Кафедрального Зала. И как ответ в воздух из Каменных Садов, подобно снежному бурану, взлетела стая белых воронов. Ворон становилось все больше и больше, их мрачные крики заглушили звон колокола.

Побледнев, Квинт схватился за перила.

— Нет! — выкрикнул он. — Не может быть! Не сейчас, после всего, что...

Феруль Глит покачал головой, на его губах появилась злорадная улыбка.

— Звон колокола, белые вороны... Это может означать только одно. — Художник протянул Квинту портрет. — Ваш покровитель, Высочайший Академик... мертв.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХОР МЕРТВЫХ

рох-гоблины и городские гномы, отвечающие за лифтовые корзины, трудились в поте лица, спуская большие делегации академиков с Восточной и Западной Пристани в Нижний Город. Все — старые и молодые, почтенные и неискушенные в науках, профессора, ученики и будущие академики из всех институтов, школ и колледжей Санктафракса — спешили принять участие в скорбной процессии.

Среди них были представители Школы Дымки, опустившие капюшоны так низко, что были видны только кончики серебряных наносников, острые, как клювы хищной птицы. Плечо к плечу вышагивали профессора из Школы Света и Тьмы, облаченные в одежды всех оттенков серого, от аспидного до предгрозового черного. Не отставали от них и облаковеды, хотя их изрядно помятые мантии совсем не приличествовали случаю.

Академики из Колледжа Дождя выделялись в толпе своими зонтиками самых разнообразных форм и размеров. Стройной шеренгой чеканили шаг ученики всех факультетов Академии Ветра.

Вслед за представителями семи главных школ Санктафракса шли остальные четырнадцать меньших академий. Эти были одеты не в форму и позволяли себе громко судачить и задирать друг друга.

Вместе они представляли яркое полотнище. Белые и желтые капюшоны учеников Академии Шквалов Ветров перемешались с оранжевыми мантиями Академии Рассветов, и если смотреть сверху, казалось, что это играет яркими лучами рассветное солнце. За ними следовала толпа учеников и профессоров Академии Зефира, Града и Ветродуя облаченных в развевающиеся мантии цвета шторма. А позади бурной рекой колыхались голубые одежды учеников из школ Виадука.

Подняв над головами пылающие факелы и фонари, процессия двигалась по петляющим улицам Нижнего Города. Тех, кто не мог идти самостоятельно, тащили на роскошных носилках троли-несуны и глыботроги или везли в золоченых каретах зубоскалы в нарядных упряжках.

Путь лежал к Каменным Садам. Сотни академиков уже собрались в назначенном месте, но подходили все новые и новые, каждый хотел отдать последние почести Высочайшему Академику и узнать имя преемника.

Квинт этим утром встал задолго до рассвета. Покинув свою комнату, он прошел по коридорам Школы Дымки и остановился у входа в покои Линиуса Паллитакса. Из-за двери доносились судорожные рыдания Марис. Квинт не успел решить, что лучше —

войти или оставить девушку одну, как на его плечо легла стеклянная лапа. За спиной возник Твизл.

— Мы знали, что это неизбежно, — грустно проговорил паук. — Но такое несчастье все равно не укладывается в голове. Дай ей время, Квинт, примириться с потерей.

Квинт кивнул, но в душе бушевали противоречивые чувства. Он хотел утешить свою подругу, быть рядом в тяжелую для нее минуту. Но он знал, что как дочери покойного Высочайшего Академика Марис придется принять участие в погребении. Нехотя он согласился с тем, что им придется встретиться позже и уже тогда сказать друг другу слова утешения.

Между тем у Квинта тоже были обязанности. Покинув Школу Дымки, юноша торопливо направился к лифтовым корзинам. Вокруг него шумел Санктафракс. Академики прямо посреди улиц обсуждали кончину Линиуса Паллитакса и горячо спорили о преемнике.

Когда Лиф добрался до Каменных Садов, солнце уже стояло в зените. Юноша потер озябшие руки и заплясал на месте, но холодный, пронизывающий ветер безжалостно щипал щеки.

ХОР МЕРТВЫХ

Желающие посмотреть похороны Высочайшего Академика прибывали с каждой минутой. Жители Нижнего Города, преодолевая страх перед Каменными Садами, смешивались с толпой академиков. Вдруг взгляд Квинта упал на высокого, осанистого мужчину в длинном плаще и пиратской треуголке. Сердце юноши пропустило удар.

— Отец! — закричал он. — Отец! Я здесь!

И Квинт бросился со всех ног в распахнутые объятия Шакала Ветров.

— Вот и я, — улыбнулся воздушный пират, прижимая сына к груди. — Жаль только, что встретились мы при таких обстоятельствах.

— О, отец! — Квинт уткнулся лбом в складки плаща пирата. — С тех пор как ты оставил меня во Дворце Теней, столько всего произошло.

— Знаю, сынок, — кивнул Шакал Ветров. — Мы как раз совершали налет на Великий Рынок Работорговли Шрайков, когда пришло письмо от профессоров Света и Тьмы. И я немедля отправился в путь. — Он отстранил сына и с гордостью посмотрел ему в глаза. — Ты вел себя очень храбро, мой мальчик.

Академиков собралось столько, что яблоку негде было упасть. Воздушный пират легонько подтолкнул Квинта вперед.

— Пойдем, сынок, — сказал он. — У нас еще будет время поговорить о прошлом и будущем, а сейчас нужно отдать последние почести моему другу и твоему учителю.

Квинт кивнул, тайком вытер выступившие на глаза слезы и зашагал по аллеям Каменных Садов к высящейся вдали огромной скале с плоской вершиной. Вокруг нее строго по старшинству стояли академики.

Когда Шакал Ветров стал пробираться в первый ряд, послышался недовольный ропот, но остановить воздушного пирата никто не посмел. Все в Санктафраксе знали, что это друг покойного Высочайшего Академика. Так Шакал Ветров и Квинт заняли места между преподавателями Школы Света и Тьмы, которые приветствовали их короткими кивками.

— Осталось недолго, — прошептал Шакал Ветров, подняв глаза к небу.

Квинт проследил за взглядом отца и увидел над башней Обсерватории Лофтуса величавый небесный корабль с развевающимися черными парусами.

— Ох! — выдохнул юноша, вздрагивая от холода.

Небесный корабль Рыцарской Академии стал набирать скорость и поплыл в сторону Каменных Садов, белые вороны вились вокруг его стройной мачты. Когда судно приблизилось, Квинт смог разглядеть тех, кто стоял на борту.

Кораблем управляли тринадцать наследных рыцарей в блестящих доспехах, возле штурвала маячила фигурка Марис, а по бокам от нее, как верные стражи, хранили мрачное молчание профессора Света и Тьмы. На дощатом мостике лежало завернутое в белый саван тело Линиуса Паллитакса.

Квинту хотелось помахать Марис рукой, окликнуть ее, сказать, что он здесь и всем сердцем скорбит об ее отце. Но это было невозможно. Он уронил голову на грудь и почувствовал, как на плечо легла рука Шакала Ветров.

Внезапно юноше показалось, что все это сон. Этот великий город на летучей скале, служба у Высочайшего Академика... Со смертью Линиуса Паллитакса сон закончился.

Было безумием мечтать, что когда-нибудь он поступит в Рыцарскую Академию. Теперь это ясно, как день. Разве похож он на тех гордых и благородных Рыцарей-Академиков, стоящих на борту корабля? Санктафракс никогда не примет его. Сын воздушного пирата, без покровителя...

Квинт сжал руку отца.

Нет, его будущее — за штурвалом небесного корабля. Время, проведенное в Санктафраксе, было

миражем, иллюзией, зачарованным сном, который навсегда останется в прошлом.

Летучая скала. Рыцарская Академия, Высочайший Академик и... Марис.

Квинт почувствовал в горле комок.

Корабль уже проплывал над головами собравшихся, стая белых ворон кружила вокруг, как ураган. Медленно и бережно, перевязанное золотыми канатами, тело Линиуса Паллитакса стало опускаться вниз.

Квинт услышал сдавленные рыдания Марис, бормотание Твизла и прикусил губу.

Тело Высочайшего Академика опустилось на каменный пьедестал, канаты развязались. В тишине зазвучали голоса профессоров Света и Тьмы.

— Линиус Паллитакс, Высочайший Академик Санктафракса, мы предаем твою душу Небесам!

Все академики — вместе с ними Шакал Ветров и Квинт — склонили головы. Крики воронов наполнили воздух.

Квинт услышал тихое перешептывание: «Хор Мертвых», «Душа теперь на свободе», «Упокой Небо душу».

Толпа стала расходиться, Квинт оглянулся. Белые вороны набросились на бренные останки Линиуса Паллитакса, а небесный корабль отправился в Санктафракс.

— Прощай, Линиус Паллитакс, да примут тебя Небеса, — прошептал Квинт. — Прощай Санктафракс, — добавил он, глядя на покрытый туманом воздушный город.

— Не так быстро, — прошептал ему на ухо отец. — Я же сказал, нам еще предстоит поговорить о прошлом и будущем.

— Да, — согласился Квинт, шагая сквозь толпу следом за отцом. — Мое будущее с тобой, на борту «Укротителя Вихрей»...

Шакал Ветров круто развернулся и пристально посмотрел сыну в глаза.

— Неужели ты хочешь оставить свой воздушный город?

— Конечно, мне жаль расставаться с ним, отец, — начал Квинт. — Но без покровителя мне никогда не стать Рыцарем-Академиком, а превратиться в болтливого ассистента профессора Школы Дымки или сторожа в Колледже Дождя мне не хочется. Лучше я улечу с тобой.

— Прежде чем принимать скоропалительные решения, послушай, что тебе скажут новые Высочайшие Академики, — возразил Шакал Ветров.

Шагавшие рядом профессора смолкли и прислушались.

— Новые Высочайшие Академики? — переспросил Квинт.

— Да, — кивнул отец. — Это еще не объявлено, но Линиус назначил их своими преемниками, как только его вынесли из сгоревшего Дворца Теней. Его властью они станут вместе править Санктафраксом. — Воздушный пират улыбнулся. — Линиус попросил их послать за мной, что они и сделали. А теперь Высочайшие Академики желают видеть тебя.

— Но... Кто они?.. — запинаясь спросил Квинт.

Шакал Ветров снова расплылся в улыбке.

— Ну, конечно, профессора Света и Тьмы.

Раздались удивленные крики и гомон множества голосов.

— Нам лучше поторопиться, — сказал Шакал Ветров, поднимая воротник и подставляя ладонь одинокой маленькой снежинке. — Я всего лишь старый, побитый молью воздушный пират и мне далеко до ваших блистательных профессоров и ученых академиков, но скажу тебе без всяких прогнозов и логарифмов: начинается снег.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТОЧИЛЬЩИК НОЖЕЙ

овость о назначении Высочайшими Академиками сразу двух профессоров быстро разнеслась среди скорбящих, держащих путь из Каменных Садов обратно в Санктафракс. Никто не мог поверить, что это правда. Снег тем временем шел все сильнее, и мороз крепчал. Пробираясь через гудящую толпу, Квинт и Шакал Ветров спешили в центр Нижнего Города. Идти против ветра было нелегко, и спустя час пришлось признать, что они проделали лишь половину пути.

Сплетни и пересуды преследовали сына и отца по пятам. Ученики семи главных школ, помощники профессоров четырнадцати младших академий, писцы из школ Виадука и даже простые жители Нижнего Города — все говорили об одном и том же.

— *Два* Высочайших Академика, — горячился туманосборщик, чье лицо стало таким же красным, как мантия. — Невероятно! *Два*!

— Кто мог подумать? — поддержал его товарищ.

— Могу сказать одно, — вставил третий. — Это не сулит ничего хорошего нашей родной Школе Дымки.

— Правду говоришь, Пентикс, — согласился краснолицый туманосборщик. — Линиус по крайней мере был одним из нас. А чего ожидать от профессоров Школы Света и Тьмы?

— Грядут перемены, — мрачно проронил Пентикс. — И добра от них не жди.

Пропустив сплетников вперед, Шакал Ветров покачал головой.

— В стройных башнях и богатых дворцах Санктафракса злобы, зависти и интриг ничуть не меньше, чем на рынке рабов в Дремучих Лесах, — печально вздохнул он. — А может быть, даже больше.

— Я уже понял это, отец, — Квинт выдавил улыбку. — Но все же...

— Что все же? — спросил Шакал Ветров. Они уже ступили на Якорную Площадь, где стояли лифтовые корзинки.

— Все же в воздушном городе сокрыты великие чудеса, — продолжил юноша. — Шумные и красочные Ступени Виадука, залитый солнцем Мозаичный Квадрат и Большая Библиотека.

Квинт хлопнул в ладоши и возвел глаза к небу. Задумавшись, он не замечал, что происходит вокруг. А жизнь в Нижнем Городе продолжалась. Уличная банда молодых глыботрогов сновала в толпе, выворачивая карманы у зазевавшихся академиков, а шумные торговцы на все лады расхваливали свой товар, предлагая купить кто нехитрые скобяные изделия, кто грубосплетенные кружева.

— Большая Библиотека? — повторил Шакал Ветров, возвращая сына с небес на землю.

Квинт вздрогнул и смущенно улыбнулся.

— Ах, отец! Что за источник знаний в ней таится! — восторженно заговорил он. — Ты даже не представляешь. Можно всю жизнь провести, склонившись над свитками, и все равно не узнать и десятой доли премудрости! — Он вдруг помрачнел. — Но Библиотека закрыта и всеми позабыта.

Шакал Ветров усмехнулся.

— Вижу Санктафракс запал тебе в сердце, — заметил он. — Ты сейчас говоришь, как Линиус, упокой Небеса его душу. Несмотря на все допущенные ошибки и промахи, он любил этот город и не делал разницы между академиками и простым людом...

— Истинная правда! — раздался незнакомый голос.

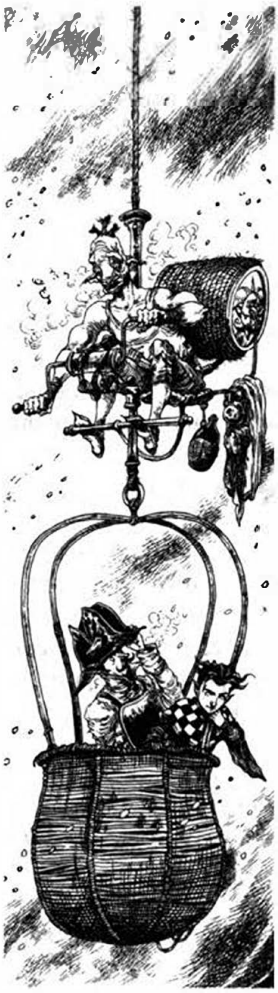
Шакал Ветров обернулся и увидел стоящего возле опустившейся лифтовой корзины седого городского гнома в поношенном сюртуке.

— Линиус Паллитакс был прославленным Высочайшим Академиком. И многие простые трудяги с благодарностью вспоминают его имя. — Он нахмурился. — Вам наверх?

Шакал Ветров кивнул.

— Тогда забирайтесь, пока сюда не притопали академики. Лифтовые корзинки сегодня на вес золота.

Квинт залез в корзинку вслед за отцом, а городской гном повернул коленчатый рычаг и завер-



тел ручные педали. Корзинка медленно поползла вверх.

— Значит, ты знал Высочайшего Академика? — обратился Шакал Ветров к городскому гному, когда улицы и аллеи Нижнего Города пропали из виду.

Городской гном широко улыбнулся.

— Да, добрый господин. В те времена я еще был землеведом.

— Ты? — Шакал Ветров опешил.

— Помощником библиотекаря, добрый господин. До тех пор, пока небоведы не выгнали нас из Санктафракса. — Он громко сплюнул. — В то время Линиус Паллитакс был совсем молодым профессором. Но это не помешало ему вступиться за меня, когда закрыли Большую Библиотеку. И хотя многие были против него, Линиус Паллитакс помог тем, кто хотел остаться в воздушном городе и получить какую-нибудь работу.

— Отлично, — одобрительно кивнул Шакал Ветров.

— Да, спасибо ему за это. Мне нравится работать корзиночником, — городской гном ощерился, обнажив голые челюсти. — Я не упускаю случая содрать побольше денег с этих надменных небоведов.

Шакал Ветров усмехнулся.

— Но вас, друга покойного Высочайшего Академика и храброго воздушного пирата, я довезу бесплатно, — добавил городской гном.

— Очень признателен, — Шакал Ветров учтиво приподнял треуголку.

— Что касается вас, молодой господин, — обратился городской гном к Квинту, когда они прибыли в Санктафракс. — Вы хорошо отзывались о Большой Библиотеке, благословят вас Небо и Земля. Спасибо.

Когда Шакал Ветров и Квинт пожали руку городского гнома и отправились в путь, было уже темно и свет уличных фонарей наполнял широкую Центральную Авеню, ведущую в центр Санктафракса. Волны золотого света заливали красные, черные и белые плиты под их ногами. И из окон приземистых домиков и высоких, раскачивающихся на ветру башен струился особенный свет.

— Нам сюда. — Квинт перевел отца по кованому мосту на правый берег.

Они миновали высокий пышный дворец с продолговатыми витражами, сквозь которые лился медовый свет. В воздухе запахло плесенью. Что-то шуршало и скрипело в темноте. Квинт резко свернул влево, и

они оказались на узкой неосвещенной аллее. Шакал Ветров споткнулся на неровной мостовой.

— Ого! Помедленнее, парень, — проворчал он, хватая сына за руку. — Ты, я гляжу, прямо настоящий академик Санктафракса. Знаешь город, как свои пять пальцев, и не сбиваешься с пути даже ночью.

Квинт кивнул и ощутил прилив гордости. Отец был прав. Запахи, звуки и тени Санктафракса помогали ему найти дорогу даже в темноте. Он кожей чувствовал свой воздушный город, жил с ним на одной волне.

— Почти пришли, — подбодрил он отца.

И, правда, уже через минуту они стояли на широкой, забитой людьми площади, где возвышался залитый огнями великолепный дворец, принадлежавший Школе Света и Тьмы.

Тонкие воздушные колонны и летящие фронтоны создавали ощущение, что здание парит в воздухе. Иллюзию эту поддерживали бегущие по фасаду лепные волны. Этаж взмывал над этажом, чередуя освещенные мысы с темными нишами, которые, казалось, колыхались в пляшущем лунном свете. Школа Света и Тьмы создавалась на гармонии контрастов. К наружным стенам были прикреплены фонарики, одновременно освещающие фасад и отбрасывающие причудливые тени, а покрытые глазурью окна то позволяли заглянуть в богатые залы дворца, то зеркально отражали прилегающий к школе пейзаж.

Шакал Ветров и Квинт приблизились к главному входу, возле которого шумела толпа. Отталкивая друг друга локтями и визгливо крича, академики

ломились в парадные двери. Перед ними с копьями наперевес плотной шеренгой стоял отряд плоскоголовых гоблинов.

Оглядевшись, Квинт понял, что перед дворцом собрались представители всех школ и академий. Облакологи, аналитики дождя и тумана, ветроведы, воздухоловы — все, как один, требовали аудиенции с Высочайшими Академиками. Размахивая петициями, профессора ломились в Школу Света и Тьмы, норовя попасть на прием вперед своих соперников.

— Это по поводу бурана! — вопил профессор из Института Снега и Льда. — Мне нужно увидеть Высочайших Академиков немедленно!

— А я, — визжал профессор из Школы Благоуханий, — я настаиваю на том, что должен сию минуту сообщить многоуважаемым Высочайшим Академикам об ароматах, плывущих с севера...

Квинт и Шакал Ветров увидели, как вперед выступил рослый плоскоголовый гоблин, с ног до головы покрытый татуировками. Золотые кольца, украшавшие все его тело, поблескивали в свете фонарей.

— Академики Санктафракса, — рявкнул он, сжимая рукоятку меча. — Все аудиенции назначены на завтра, после официального провозглашения имени преемника покойного Линиуса Паллитакса...

— Но мы знаем, кто преемник! — вскинулся профессор из Института Снега и Льда. — Точнее, преемники. И я должен увидеть их немедленно, капитан Сигборд, иначе...

— Иначе что, Пальвиус Квале? — ухмыльнулся во весь рот Сигборд, хватая профессора за белый капюшон.

— Вы... вы... не посмеете, — задрожал Пальвиус Квале, с опаской косясь на острый меч плоскоголового гоблина.

— А ты проверь, — прорычал капитан. Позади него разъяренный отряд угрожающе застучал щитами.

Бормоча проклятья, недовольная толпа стала расходиться, и Шакал Ветров с сыном смогли пробраться к парадному входу. Капитан все еще сжимал в стальных объятиях незадачливого профессора.

— А ты не потерял сноровку, пройдоха Сигборд! — рассмеялся Шакал Ветров, протягивая гоблину руку.

Сигборд разжал пальцы, и освобожденный профессор бросился наутек. Капитан и пират обменялись рукопожатиями.

— Шакал Ветров, старый небесный лис! Рад, очень рад встрече. Профессора... впрочем, не так, Высочайшие Академики ожидают тебя и твоего сына. Следуйте за мной.

Гоблин несколько раз ударил в дверь тяжелым кулаком. Заскрипели пет-

ли, и гости проследовали внутрь дворца вслед за своим мускулистым проводником. Сигборд прошел по гулкому, увешанному черно-белыми флагами коридору, миновал крутую мраморную лестницу и направился к нарядной арке.

Квинт и раньше заглядывал через дверной проем в залы великолепного дворца, но никогда прежде не переступал его порог. Школа Света и Тьмы считалась самой престижной в Санктафраксе. Немногие академики, помимо облаченных в мрачные серые одеяния профессоров этой школы, могли пройти мимо Стражей Сокровищницы, и уж тем более немногим позволялось расхаживать по этому коридору.

Квинт во все глаза смотрел по сторонам. Арка вела в просторный атриум, такой огромный, что в нем могла пришвартоваться целая флотилия небесных кораблей. По всему периметру атриума ярусами шли длинные галереи, опирающиеся на стройные колонны. Широкая лестница, соединяющая галереи между собой, исчезала под круглым черно-белым расписным куполом.

Игра света и тени была везде. Квинт видел залы, залитые таким ярким светом, что на них невозможно было смотреть; темные комнаты, обитые черным лафовым деревом; профессоров, блуждающих, как призраки, по бесконечным лабиринтам дворца, выполняя свои секретные задания, производя сложные вычисления, тихо беседуя на важные научные темы.

По двое, по трое, небольшими группами и поодиночке бродили они из комнаты в комнату, из зала в зал в ожидании новой гениальной идеи.

Профессоров Школы Света и Тьмы можно было узнать не только по одежде, но и по посохам, в рукоятки которых были встроены линзы телескопов. Кроме того, каждый профессор этой школы носил очки, иногда даже сразу несколько пар разных диоптрий — на носу, на лбу, на цепочках. Таким образом, они могли быстро подобрать пару, нужную для работы в тускло или ярко освещенной комнате.

«Как непохожи они на шумных, суетливых академиков других школ Санктафракса», — подумал Квинт. И правда, Школа Света и Тьмы была непросто самой красивой и величавой в воздушном городе, ее профессора соблюдали особую секретность и не интересовались жизнью, кипевшей за стенами черно-белой обители.

Теперь, когда к власти пришли профессора Света и Тьмы, в Санктафраксе должны были произойти большие изменения.

Тем временем капитан Сигборд провел гостей в верхние покои, расположенные под самым куполом. Длинный коридор завершался двумя дверьми — черной и белой. Гоблин остановился.

— Высочайшие Академики ждут, — он отступил в сторону, пропуская Шакала Ветров вперед.

Квинт шагнул следом, но капитан положил ему на плечо руку.

— Тебе придется подождать, паренек, — улыбнулся он. — Посиди вон там, тебя позовут.

Проследив за указательным пальцем Сигборда, Квинт заметил скамеечку, на которой коротал время

долговязый юноша в выцветшей тунике. Квинт послушно занял свободное место на скамейке, и Сигборд, благожелательно кивнув, поспешил вниз. Когда шаги гоблина стихли, Квинт прервал напряженное молчание.

— Меня зовут Квинтиниус Верджиникс. Я ученик... — он запнулся, — бывший ученик Линиуса Паллитакса.

Он протянул руку, но незнакомец бросил исподлобья подозрительный взгляд и руки не подал.

— Ты, конечно, родился и воспитывался в Санктафраксе, — фыркнул он. — Странно, что ты опустился до разговора со мной — скромным точильщиком ножей из Нижнего Города.

— Вообще-то мой отец — воздушный пират, — тихо сказал Квинт. — И я тоже родился в Нижнем Городе.

Нелюбезный собеседник прищурился:

— Что же тогда ты здесь делаешь?

— За мной послали, — ответил Квинт. Ему решительно не нравился тон своего нового знакомого. — Впрочем, этот же вопрос я могу задать тебе.

— Меня пригласил профессор Тьмы. — Чистильщик ножей важно выпятил грудь. — Я был всего лишь простой бедняк Вил Сорнисор, когда обнаружил в грязи на Якорной Площади потерянный телескоп профессора Тьмы. — Юноша счастливо улыбнулся, было видно, что его распирает от гордости. — Я почистил линзу, немного усовершенствовал свою находку и вернул профессору. Он был поражен. Да!

Лично пригласил меня в свою школу. Сказал, у меня редкий талант, которым пренебрегать — преступление.

Юноша поднялся и разгладил свою старую тунику.

— А сейчас, — он самодовольно улыбнулся, — ты видишь перед собой не кого другого, как Вилникса Подлиниуса — будущего воспитанника Рыцарской Академии, подопечного самого Высочайшего Академика!

— Одного из двух Высочайших Академиков, Вилникс, друг мой, — прозвучал раскатистый голос. — И, по-моему, я просил тебя не хвастаться?

Квинт обернулся. Черная и белая двери были распахнуты настежь, а за его спиной стоял облаченный в черную мантию профессор Тьмы. Рядом с ним улыбался одетый во все белое профессор Света. А чуть позади маячила высокая фигура Шакала Ветров.

Квинт почтительно поклонился и краем глаза заметил на лице Вилникса хмурую гримасу.

— Уже подружились? — весело спросил профессор Света юношей. — Отлично, отлично.

Вилникс выступил вперед и отвесил низкий поклон.

— Да, профессор.

— Мы должны сделать заявление, — сообщил профессор Тьмы, переводя взгляд с Квинта на Вилникса и обратно. — Важное заявление.

— Этот день войдет в историю Санктафракса, — добавил звонким голосом профессор Света. — И не только потому, что вместо одного Высочайшего Академика назначены двое. А потому, что среди двадцати двух учеников, отобранных в школах Санктафракса, в Рыцарскую Академию поступят два уроженца Нижнего Города.

— Вы хотите сказать... — начал было Квинт.

— Мы имеем в виду вас, — кивнул профессор Тьмы. — Ты, Вилникс, будешь моим протеже.

— А ты, Квинт, моим, — улыбнулся профессор Света. — Ты так много сделал для нашего дорогого Линиуса, что я почту за честь стать твоим покровителем. Уверен, ты еще заставишь говорить о себе. Вы двое завоюете Школе Света и Тьмы славу в Рыцарской Академии.

— Если, конечно, согласитесь войти в ее чертоги, — вставил профессор Тьмы.

— О, да! — выпалил Вилникс, сжимая руку своего покровителя.

Квинт задумчиво поглядел на отца. Шакал Ветров вышел вперед и нежно обнял сына.

— Думать тебе, Квинт. Как ты решишь, так и будет.

— Отец. — Квинт растерянно посмотрел на Шакала Ветров. — Я стал частью Санктафракса, а Санктафракс стал частью меня.

— Да, — произнес воздушный пират. — Я это вижу.

Вилникс прыснул со смеху, но тут же умолк под строгим взглядом профессора Тьмы.

— Кроме того, место в Рыцарской Академии не единственное, что удерживает меня в Санктафраксе. Есть другая причина.

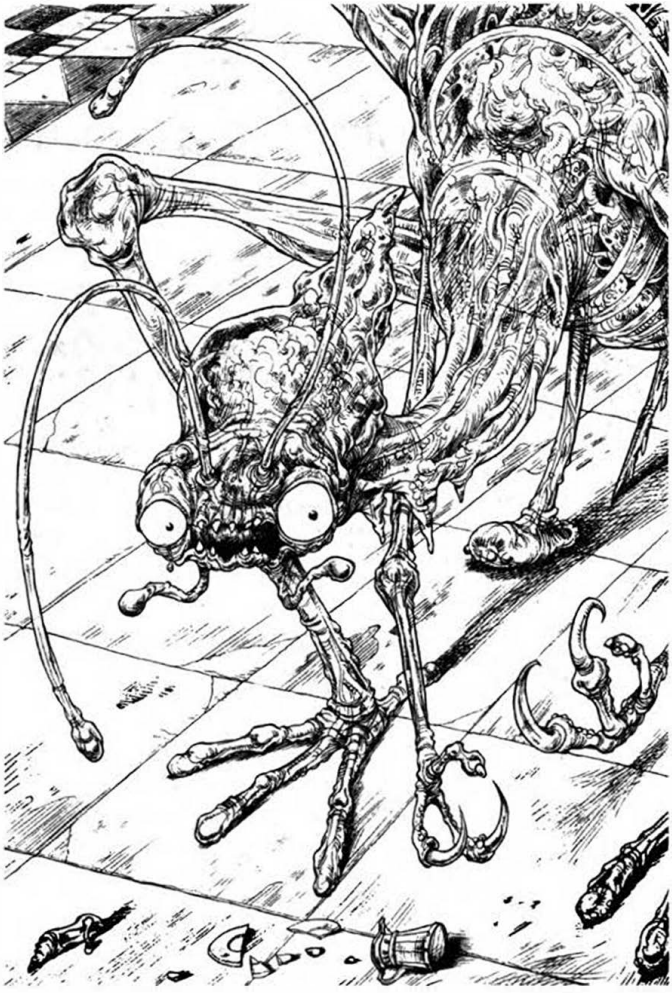
— Какая? — Шакал Ветров пристально поглядел в потемневшие глаза сына.

На какой-то миг сердцем Квинта завладели воспоминания. Тяжелые воспоминания. Воспоминания болезненные.

— Марис, — вздохнул он.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОРОТА УНИЖЕНИЯ



арис! — позвал Квинт, поворачивая ручку тяжелой золоченой двери. — Марис, меня...

Он застыл, не смея поверить своим глазам. Он стоял в роскошных личных покоях Линиуса Паллитакса, но теперь это были пустые, заброшенные комнаты, в которых гуляло эхо. Навстречу ему, причитая, вышел стеклянный паук.

— Твиэл? — прошептал Квинт. — Во имя Неба и Земли, что здесь произошло?

— Забрали, — паук скорбно покачал громадной стеклянной головой. — Все вещи хозяина, свитки, приборы, даже кровать и госпожу Марис... Все забрали.

— Забрали куда? — вспыхнул Квинт.

— В Нижний Город, — Твизл печально поглядел на юношу. — У них было письмо, подписанное господином. — Он шумно выдохнул. — Госпожа Марис уходить не хотела, но когда увидела почерк отца, послушалась. Теперь она у них...

— У *кого*? — Квинт потерял терпение. — Я не понимаю, Твизл. Что произошло?

— У Хефта Веспиуса и его жены Дачии, — пробормотал паук. — Он — известный член Лиги Сучильщи́ков и Красильщиков. Она — двоюродная сестра матери Марис.

— Двоюродная сестра, — эхом повторил Квинт.

— Да. Они всегда докучали господину разными просьбами, козыряя именем его славной покойной жены, — удрученно сообщил Твизл. — Отвратительно. Но господин не обращал внимания на их сплетни, нет! — он запнулся. — По крайней мере до этих пор. Назначить таких людей опекунами госпожи Марис, да он...

— Опекунами? — Квинт нахмурился.

— Они принесли свиток, написанный рукой господина. Там говорится, что Марис будет жить в их доме до совершеннолетия, — продолжил паук. — Они пришли в полдень, мастер Квинт. Унесли все-все вещи. К тому времени, как госпожа Марис вернулась с похорон отца, комнаты были пусты. Они и ее увели. Я едва успел попрощаться. — Паук жалобно пискнул. — А еще они прогнали меня вон! — Он звонко щелкнул стеклянными челюстями.

— Прогнали тебя?! — закричал Квинт.

— И Вельму тоже, — энергично закивал Твизл. — А мы столько лет служили милой молодой госпоже Марис...

— Что же теперь ты будешь делать? — растерянно спросил Квинт.

— О, им так легко не избавиться от Твизла, — горячо ответил паук. — Мы с Вельмой переберемся в Нижний Город и станем тайком приглядывать за

госпожой Марис. Уж поверьте, мастер Квинт. Да, кстати, только вспомнил. — Паук протянул юноше небольшой свиток.

Квинт тотчас узнал родной почерк и почувствовал, как в горле встал комок. Вздохнув, он развязал ленточку и приступил к чтению.

Дорогой Квинт. Отец назначил моими опекунами двоюродную сестру матери Дачию и ее мужа Хефта. Хефт — ужасный, вспыльчивый толстяк, но я уверена, отец знал, что делает.

Не забывай меня, Квинт, особенно теперь, когда я из богатой, беззаботной госпожи превратилась в простую горожанку, а ты стал блестящим воспитанником Рыцарской Академии. Да, я все знаю! Профессор Света рассказал мне после похорон о твоей удаче. Я так рада за тебя, и эта добрая весть будет греть мне душу в минуту печали...

Квинт вдруг ясно представил лицо Марис, полные слез зеленые глаза, но гордо поднятый волевой подбородок, этот решительный, непокорный, одной ей свойственный взгляд. Он только сейчас понял, как будет ему не хватать верной подруги..

Не позволяй этим снобам, рожденным и воспитанным в Санктафраксе, задирать тебя, мой друг. Ты лучше́ и чище их всех вместе взятых. Уверена, никто другой не смог сразиться с Хрум-Хрымсом и победить!

Я напишу тебе еще, как только удастся улучить минутку.

Всегда твоя, Марис.

Квинт свернул свиток и сунул в карман, пальцы предательски дрожали.

— Что за штука — жизнь? Он хотел остаться в Санктафраксе, чтобы быть ближе к Марис, но стоило мечте осуществиться, как сама Марис оказалась в чужом Нижнем Городе одна, без друзей, на попечении посторонних людей.

Неужели Линиус хотел для своей дочери такую судьбу? Быть этого не может.

По телу побежали мурашки, и Квинт не знал от чего — от холода или терзающего душу беспокойства. В пустой комнате, и правда, было неуютно, густой снег, как рой пчел, кружился за покрывшимся инеем окном.

Из оцепенения юношу вывел чей-то кашель. Он обернулся и увидел бесшумно вошедшего в комнату отца.

— Пойдем, сынок, — ласково сказал Шакал Ветров. — Пора собрать твои вещи. С рассветом тебя ждут в Рыцарской Академии.

Утро выдалось морозным, резкий ветер рассекал воздух, как острый нож мясника. Снег скрипел под

сапогами, и воздушный пират шел по петляющим улицам Санктафракса вместе с сыном. Каждая статуя, каждый шпиль, каждый купол, каждый мост, каждая колонна были покрыты толстым снежным покрывалом, а с серых небес сыпались новые снежинки.

— Ну и дела, — развел руками ассистент профессора из Института Снега и Льда, обращаясь к своему старшему коллеге.

— Столько лет прожил, а такое вижу впервые, — согласился тот, поправляя седые как снег волосы. — Так холодно, что в облакометре застыла ртуть.

Квинт и Шакал Ветров повернули за угол Академии Ветра, и перед глазами возникла Западная Стена Рыцарской Академии. Стены Рыцарской Академии были сооружены из утесов самого Края, а потому их поверхность сияла и переливалась тысячами

огоньков. У невысокого входа уже образовалась очередь из новеньких воспитанников.

Шакал Ветров положил руку на плечо сыну.

— Здесь я тебя оставлю, — твердо произнес он. — Если стрелка термометра опустится еще ниже, летучий камень остынет и небесный корабль не сможет отправиться в путь.

И будто в подтверждение этих слов на заснеженную площадь упала тень огромного небесного корабля, зависшего над крышами башен.

— «Укротитель Вихрей», — выдохнул Квинт. — Я почти жалею, что не отправился с тобой, отец.

— Нет, Квинт. Твое будущее там. — Шакал Ветров указал на вход в Рыцарскую Академию.

Квинт молча кивнул. Будущие воспитанники порядком замерзли и приплясывали на месте в тщетной попытке согреться. Они не могли дождаться, когда хмурый стражник в белой тунике и красной повязке позволит им войти внутрь. Квинт знал, что пока он не присоединится к остальным, двери не распахнут. Но как же тяжело расставаться с отцом...

Сверху упал веревочный трап, и Шакал Ветров легко вскочил на первую ступеньку.

— Пора прощаться, — бросил он. — Но прежде чем я улечу... — Он порылся в карманах длинного плаща и вытащил небольшую клетку. — Это на случай, если я тебе срочно понадоблюсь, сынок.

Квинт взял подарок. На тоненькой жердочке, нахохлившись, сидело маленькое зубастое существо.

— Летучая крыса, — ахнул он.

Шакал Ветров согласно кивнул.

— С «Укротителя Вихрей». Если захочешь связаться со мной, просто привяжи послание к лапе зверька и выпусти его из клетки. Летучие крысы всегда находят дорогу к родному кораблю, где бы тот ни парил.

Квинт благодарно улыбнулся.

— Я еще буду гордиться тобой, сынок! — крикнул Шакал Ветров, взобравшись по трапу на борт корабля.

Сильный порыв ветра закружил «Укротителя Вихрей», как волчок, очевидно, летучий камень все-таки остыл. Но вот мелькнула яркая вспышка, корабль расправил паруса и исчез в серых тучах.

— Я буду стараться изо всех сил, — крикнул вслед отцу Квинт.

— Я буду стараться изо всех сил, — послышался насмешливый голос. Квинт обернулся и увидел в конце очереди из воспитанников Вилникса Подлиниуса. — Для начала постарайся не задерживать нас у входа. Здесь холодно, или ты этого не заметил?

Теперь все собравшиеся смотрели на Квинта. Юноша покраснел до корней волос и быстро встал в строй. Воспитанник, стоявший рядом с Вилниксом, подмигнул Квинту.

— Сын воздушного пирата, — присвистнул он, улыбаясь. — Завидую тебе. Мой отец — профессор-дождевед. С ним особо не повеселишься!

Он обошел Вилникса и встал рядом с Квинтом. Квинт заметил, что у нового знакомого густая копна темных кудрей и серо-голубые смеющиеся глаза.

— Бельфиниус Менделликс, — представился юноша, протягивая Квинту руку. — Можно просто Фин. Рад знакомству.

— Квинт, — улыбнулся Квинт, пожимая Фину руку.

— Эй, вы! — раздался грубый окрик стражника. — Ворота Унижения ждут.

Квинт и Фин разом обернулись и увидели, что остальные воспитанники уже вошли внутрь, и у входа остались только они.

— Уже бегу! — отозвался Фин и, согнувшись вдвое, нырнул в низкий проход.

— Ты следующий, — прорычал стражник. — И поспеши, я не собираюсь торчать тут весь день.

Квинт наклонился и вошел в длинный туннель с очень низким потолком. Тяжелая дверь захлопнулась за спиной, теперь Квинт видел только спину Фина и других опередивших его воспитанников. Потолок постепенно становился все ниже и ниже, и вскоре Квинту пришлось передвигаться на четвереньках, а потом и вовсе ползти.

Но вот забрезжил свет, туннель оборвался, и Квинт оказался в огромном дворе, покрытом снегом. Вдоль Западной Стены шел широкий плац с низкими и вы-

сокими барьерами. Здесь будущие академики овладевали навыками верховой езды на зубоскалах.

Нижний этаж занимали Нижние Палаты, на втором расположились Верхние Палаты с затейливым фасадом. В западной части Верхних Палат на фоне серого неба выступали туманные очертания величественной Портальной Башни.

Взволнованные новички, не поднимаясь с колен, выстроились в линию. Несмотря на ранний час и жгучий мороз, поприветствовать их вышла вся Рыцарская Академия.

Взгляд Квинта упал на облаченных в белые туники и короткие плащи учеников. Какими самоуверенными они выглядели! Рядом с учениками, благосклонно взирая на новых воспитанников, стояли профессора. Это были самые выдающиеся ученые Рыцарской Академии, когда-нибудь каждый из них возглавит одну из школ Санктафракса. Сам Линиус Паллитакс был профессором Рыцарской Академии, до того как пришел в Школу Дымки.

По другую сторону заснеженного двора стояло войско воинов-академиков. Этим закованным в латы, закутанным в длинные черные плащи, вооруженным до зубов академикам предстояло защищать летучую скалу от любых врагов. Дисциплинированные, отчаянные воины подчинялись только приказам Высочайшего Академика.

Рядом с воинами-академиками неподвижно застыли привратники, у каждого на поясе поблескивала тяжелая связка ключей. Не обращая внимания на

презрительные взгляды своих горделивых соседей, мрачные сторожа смотрели вперед невидящими взглядами. Это были детища Нижнего Города, прекрасно понимающие, как презирают их многие академики Санктафракса. Их капитан Дексиель Ксексис стоял впереди своих подчиненных с бесстрастным лицом.

Справа от коленопреклоненных новичков выстроились наследные рыцари. Квинт узнал их по блестящим доспехам, он уже видел академиков на борту небесного корабля в день похорон Линиуса Паллитакса. Сейчас сияющие забрала были закрыты.

На почтительном расстоянии от новичков, учеников, профессоров, воинов-академиков и наследных рыцарей, затаив дыхание, ждали начала церемонии слуги всех званий и чинов. Конюхи и коровники смешались с кузнецами, столярами и гончарами.

Лакеи из покоев воинов-академиков толкались с поварами из трапезной Восьми Дверей. Взгляды всех собравшихся были прикованы к Квинту и его товарищам, застывшим на коленях у Ворот Унижения.

Но вот гомон стих, и с новичками поравнялись четверо академиков. Они по очереди представились.

— Я — Арборетум Сиклбау, — отчеканил пожилой, покрытый пятнами древесный гоблин в зеленой мантии. — Декан факультета Грозовых Туч.

— Я... я... э... я... Филиус, — пробормотал престарелый, облаченный в тяжелые доспехи, академик с пронзительно голубыми глазами, без слов говорившими о том, что их обладатель когда-то летал вслед за бурей в Сумеречные Леса. — Филиус Эмбертин. Декан... Декан...

— Факультета Кучевых Облаков, — закончил за него третий профессор с острыми чертами лица. Этот носил короткий серый плащ и сжимал в руках хлыст из тильдячьей кожи. — А я — Фенвил Вендикс, декан факультета Перистых Облаков.

Последний из четверых профессоров разгладил густую белую бороду. На нем был длинный отороченный мехом плащ, в руках поблескивал резной инкрустированный речным жемчугом посох с затейливым рисунком.

— Мое имя Хакс Востилликс, — объявил он, приложив руку к груди, на длинных пальцах засверкали драгоценные камни. — Декан факультета Всех Облаков.

Он прошел туда и обратно вдоль коленопреклоненной шеренги будущих воспитанников.

— Вы вошли в Рыцарскую Академию через Ворота Унижения, ученики, — зычный голос декана факультета Всех Облаков разлетелся по широкому двору. — В Нижних Палатах вы изучите премудрости кузнечного и столярного дела, освоите езду на зубоскалах и навигацию. Некоторые из вас будут удостоены чести войти в Верхние Палаты и стать профессорами, а может, если будет на то воля Небес, даже Рыцарями-Академиками. Остальным суждено быть воинами-академиками, защищающими наш летающий город. Какое бы будущее ни ожидало вас, юноши, обещаю одно...

Профессор Высочайших Облаков с грохотом опустил посох на землю.

— Никогда более вам не придется стоять на коленях. Поднимитесь, ученики!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФАКУЛЬТЕТ ГРОЗОВЫХ ТУЧ

улкий звонок, поднимающий воспитанников на рассвете, прокатился по кельям факультета Грозовых Туч. Четыре часа утра. Квинт застонал и перевернулся на бок. Было слышно, как внизу храпит Фин.

Квинт и остальные ученики уже три месяца изучали на факультете Грозовых Туч резьбу по дереву под начальством профессора Арборетума Сиклбау. Некоторые утверждали, что Арборетум страдает ревматизмом, а потому его настроение так часто меняется. Другие уверяли, что профессор — любитель поспорить, но неудачлив, всегда проигрывает пари и от этого ходит хмурым. Но какой бы ни была причина, Квинт никогда не видел древесного гоблина в добром расположении духа.

«Эй ты, неумеха-потеха! — вспомнил он сердитый голос Арборетума. — И это корабельный сруб? Младенец вырежет лучше! Переделай!» Или: «У тебя никак тупая пила? Да болотная коряга будет прямее! Это что, мачта? Переделай!»

Даже во сне Квинту грезилось это слово — «Переделай!». Зачем? Неужели возможно сделать модель небесного корабля, совершенную до последней щепки?

— Ладно я был бы крошечным,— однажды усмехнулся Фин.— Может, и полетал бы на этой посудине!

К несчастью, у древесного гоблина оказался острый слух.

— В один прекрасный день,— рявкнул он, шлепнув Фина по рукам узловатым посохом,— ты поймешь, что летишь над Сумеречными Лесами на корабле-развалюхе, балансируя на грани жизни и смерти, а все потому, что когда-то поленился выпилить свою первую идеальную модель. Сломай палубу и переделай!

Летучая крыса в клетке сонно закричала и уселась на жердочку. Квинт приподнялся на локтях и открыл двери своей крошечной кельи. Вверху и внизу, слева и справа открывались другие двери — воспитанники понемногу пробуждались ото сна. Тонсор Уексис потер опухшие глаза и постучал в дверь своего соседа. Наружу высунулась взлохмаченная голова Квилтиса Уистлвеба.

— Чего надо? — проворчал он.

— Светает.

— Уже?

— Да, разбуди другого.

Вскоре по веревочным лестницам, сжимая в руках свитки и эскизы, заскользили вниз молодые воспитанники. Квинт тоже не замедлил спуститься и вдруг понял, что кого-то не хватает. Закинув голову, он закричал:

— Фин! Фин! Ты опоздаешь!

Кудрявая голова друга высунулась из кельи.

— Куда? — зевнул он. — Куда опоздаю?

— На экзамен, болван! — выругался Квинт.

— Небо и Земля! — ахнул Фин, исчезая в глубине кельи и через минуту появляясь в наброшенной мантии. — Ну, конечно. Это же сегодня?!

Он быстро сполз по лестнице.

— В мастерскую! — провозгласил он, устремляясь вслед за Квинтом.. — Быть может, старый гоблин сегодня в настроении?

Слившись с шумной толпой однокашников, друзья сбежали по широким мраморным ступеням и оказались перед входом в мастерскую. Все здесь им уже было знакомо: длинные столы, высокие табуретки, ящики с инструментами, широкие полки.

Крепкие тиски сжимали модели кораблей, а над столами висели на веревках и цепях куски обработанной и шероховатой древесины.

Вдоль стен были разложены куски дерева всех форм, размеров и цветов и разнообразные устройства для его отделки и полировки. Здесь были зубчики-раздевалки, обшивочные клещи, токарные станочки, рифленые жужжащие пилы, увеличительные стекла, бревнотесы, заклепки и передвижные плоскости. Рабочие столы освещались мягким кремовым светом, льющимся из сферических ламп.

К тому времени как Квинт и Фин вошли в мастерскую, многие их товарищи уже работали. В воздухе повисло напряжение. Пора теорий и вычислений прошла. Наступило время экзаменовки. После дол-

гих недель обработки бортов, сооружения мачт, расчетов траектории полета и оснастки парусов нужно было продемонстрировать свои успехи.

Пришел день запустить корабли в полет.

Пожелав Фину удачи, Квинт подошел к своему столу, где ждал его готовый небесный корабль.

Это была классическая модель, точно такой корабль принес в Каменные Сады тело Высочайшего Академика. Квинт оглядел мачту, высокий, блестящий нос, отполированный штурвал, гладкий борт, лакированную палубу. Все балки, вырезанные из дуба-кровососа, были не толще пальца. Летучую скалу имитировал шарик из свинцового дерева, а на изготовление лафовых противовесов ушел не один долгий час кропотливого труда.

Квинт провел пальцем по корме, погладил тонкие па-

руса. Придется отдать свое произведение на суд вредного гоблина. Именно он научил зеленых юнцов хитростям столярного дела, показал, как создавать из бездушной древесины грациозные корабли. Сегодня станет ясно, не прошли ли уроки зря.

— Неплохо,— прозвучал насмешливый голос прямо у левого уха Квинта. — На таком корабле можно перевозить грузы и... И все! Впрочем, чего еще ожидать от сына воздушного пирата?!

У соседнего стола, ухмыляясь во весь рот, стоял Вилникс. Вилникс никогда не упускал возможность уколоть Квинта. Возможно, он сам боялся сравнения с учениками, рожденными и воспитанными в Санктафраксе, а потому пытался сделать посмешищем другого. Квинт слышал, как Вилникс хвастался, что его отец — влиятельный член Лиги, живущий в прекрасном дворце. Квинт знал, что это ложь, но ему было жаль Вилникса, которого никто не любил.

— Вот, — торжественно произнес Вилникс, сжимая в руке свою модель корабля. — Вот *настоящая* работа!

Квинт посмотрел на кораблик. Пришлось признать, что Вилникс потрудился на славу и его корабль получился самым красивым в классе. Кроме того, Вилникс усовершенствовал модель, добавил противовесы и укоротил мачту. На прошлом занятии его похвалил сам Арборетум Сиклбау.

— Неплохо, Подлиниус, неплохо, — кивнул головой гоблин. — Но подождем до экзамена.

И вот долгожданный час пришел.

— Доброе утро, ученики! — прозвенел тоненький голосок, и в мастерскую вошел декан. Гомон стих, только стучал по полу посох профессора. Темные глаза Арборетума Сиклбау ничего не выражали, но ходили тревожные слухи, что вчера он проиграл изрядную сумму.

— Возьмите свои корабли и следуйте за мной! — процедил Арборетум.

Перешептываясь, ученики поспешили выполнить приказ. Профессор распахнул двери в соседний зал, где стояли большие кожаные мешки в форме концертино. Из мешков выглядывали насосные трубки.

— Пожалуй, начнем, — возгласил древесный гоблин, взбираясь на кафедру и обводя глазами класс. — Во-первых, обратите внимание, в каком направлении из насоса дует воздух.

Мгновенно из мешков поплыл серый дым, и мелкие завитки полетели вверх, подхваченные воздушной струей. Квинт обратил внимание, что серые колечки кое-где отклонились от курса, свернули влево и потом завертелись по кругу, как убывающая через маленькую дырку вода.

Арборетум повернул рычаг. Дым исчез.

— Отлично, — заключил профессор. — Приступим к проверке.

Ученики встали в круг, наспех поправляя паруса и противовесы. Квинт посмотрел на Фина, тот храбро сражался со стадселем. Заметив взгляд друга, Фин широко улыбнулся. Квинт приподнял противовесы, это должно было уменьшить тягу в конце миниатюрного шторма, и поднял топсель.

Потеребив висящий на шее талисман, юноша задумался, выдержит ли его корабль испытание? Внезапно кто-то больно толкнул его локтем.

— Извини, — равнодушно бросил Вилникс. — Не заметил тебя.

Квинт вдруг увидел, что Вилникс поднял на мачте своего корабля стадсель и добавил задний противовес корпуса.

— У вас осталась одна минута, — донесся до них голос гоблина.

Квинт молча взирал на небесный корабль Вилникса. Красивое получилось судно, но Вилникс совершенно неправильно прочитал движение дыма. С таким противовесом корабль перевернется, как только попадет в эпицентр шторма.

Квинт оказался в замешательстве. Предупредить заносчивого однокашника или промолчать? А если Вилникс не сдаст экзамен? Он, конечно, мерзавец, но все же...

— Твои противовесы, — тихо прошептал Квинт.

— Что? — опешил Вилникс.

— Твои задние противовесы, — повторил Квинт. — Они перевернут корабль, передвинь их всего на три...

— Я на это не поведусь, — фыркнул Вилникс. — Знаю таких, как ты, пиратское отродье.

Квинт отвернулся.

— Запуск! — скомандовал гоблин.

Ученики выпустили рвущиеся из рук корабли, и те, как шершни, заскользили к воздушному потоку.

Арборетум Сиклбау привстал на цыпочки и придирчиво смотрел за полетом всех двадцати двух кораблей. Некоторые тотчас разлетелись в щепки.

— Ужасная работа, ученик Уексис! — проревел гоблин.

В следующую секунду его вопль заглушил шум ветра.

— Штурвал отлетел, Менделликс? Это отучит тебя пропускать уроки! — Квинт зажмурился, когда корабль его лучшего друга разлетелся на куски.

Остальные корабли летали, как фантики, повинуясь резким движениям безжалостного ветра. Нахмурившись, гоблин знаком приказал ученикам оттащить свои модели за якоря. В конце концов осталось только два корабля — Квинта и Вилникса.

Судно Подлиниуса легко брало даже самые трудные виражи, а кораблю Квинта приходилось сложнее, мачта трещала и гнулась. Юноша даже зажмурился от страха.

Прижимая к груди свои растерзанные модели и затаив дыхание, ученики ждали, чем кончится бой

со стихией. На лице Вилникса застыла торжествующая улыбка.

Но вот корабль Подлиниуса оказался в самом эпицентре бури. Задние противовесы взмыли вверх, перевернув судно вверх тормашками, с ужасным грохотом переломилась изящная мачта, затрещала палуба.

Теперь испытание на прочность ждало корабль Квинта, но грациозный, классический небесный корабль легко миновал круговорот и продолжил путь.

Древесный гоблин повернул рычаг, насосы остановились. Квинт подхватил дрожащими руками свой уцелевший корабль.

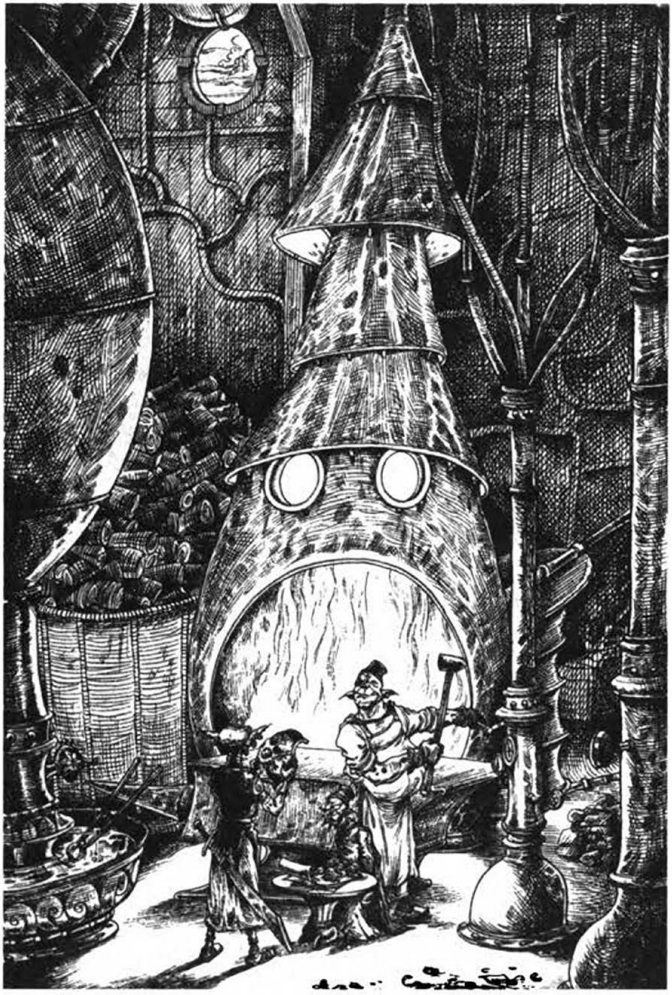
— Мне жаль, Вилникс, — сказал он. — Я пытался тебя предупредить...

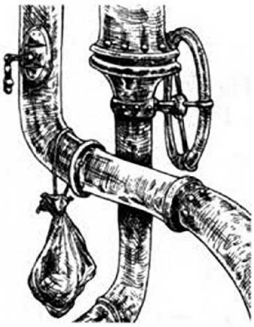
Он запнулся, заметив, какая ненависть исказила лицо Подлиниуса.

— Думаешь, ты самый умный, Квинтиниус Верджиникс? — выпалил тот. — Я тебе еще покажу! Погоди!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ФАКУЛЬТЕТ КУЧЕВЫХ ОБЛАКОВ





Сигборд улыбнулся и повертел в огромных ручищах металлическую кирасу.

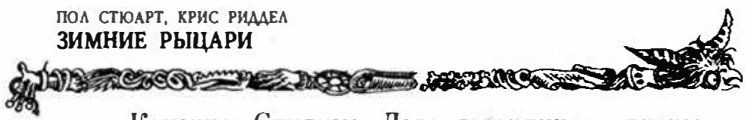
— Отлично! — похвалил он. — Великолепная работа. Последний раз видел такую много лет назад в Дремучих Лесах.

В кузнице было душно и шумно, огромная печь обдавала жаром, молотки не переставая стучали о наковальню. Спидиус Кучевал уставился на капитана блестящими жадными глазками.

— Во всем Нижнем Городе не сыскать такого качества, — продолжал Сигборд. — Ни купить за деньги, ни получить в подарок. — Он пробежал пальцами по выбитому на кирасе контуру дуба-кровососа.

— Да, я знал, что вам, славному плоскоголовому гоблину из Дремучих Лесов, должно понравиться, — залебезил Кучевал, поправляя затемненные очки. — Отличный дизайн, да, Клод? — Он подождал и нахмурился. — Я спросил: «Да, Клод?»

Грузный городской гном оторвал взгляд от причудливого переплетения металлических трубок, бегущих по потолку, как виноградная лоза.



— Конечно, Спидиус. Дело говоришь, — прорычал он, и кривая беззубая улыбка растеклась по его одутловатому лицу. — Хотя что такой нескладный обалдуй, как ты, знает о древнем искусстве Дремучих Лесов?

Спидиус хохотнул, подошел к приятелю и похлопал того по широкой спине. Маленький и тощий, он только-только доставал городскому гному до пояса.

— Меня научил всему ты, Клод — кузнец Дремучих Лесов.

Оружейники рассмеялись, резкий визгливый хохот Спидиуса заглушало громоподобное ржание Клода Грязикада. Сигборд закашлялся.

— Да,— пробормотал он наконец, нехотя опуская на стол блестящую кирасу. — Отменная, я вам скажу, работа. Но насколько я понимаю, вы двое запросите за такую немалые деньги. — Он потер подбородок. — Пятнадцать золотых и по рукам?

Спидиус Кучевал умолк. Темные глазки нехорошо засверкали.

— Да ладно, капитан, не мелочитесь, — он поджал губы и шмыгнул острым длинным носом. — Клод неделю не спал, выковывая это чудо. Как хороши вы будете в этой кирасе на День Сокровищницы, ах! — Он на минуту задумался и добавил уже шепотом: — Пятьдесят золотых.

— Пятьдесят! — Сигборд отпрянул, серьги в ушах зазвенели, как колокольчики. — Целых... Нет...

Он прикусил губу. Кираса и правда была великолепна, а капитан так хотел затмить всех в День Сокро-

вищницы. В этот день отмечалось свержение власти землеведов небоведами при поддержке отряда плоскоголовых гоблинов. Теперь потомки этих гоблинов стоят на страже Сокровищницы, а командует ими он, Сигборд.

— У меня нет такой суммы, — выдавил гоблин.

— Тогда, может быть, мы договоримся по-другому? — Спидиус сладко улыбнулся.

— Каким образом? — нахмурился Сигборд, снова потянув руки к блестящей вожделенной кирасе.

— Совершить обмен, — вставил Клод.

— Совершенно верно, — поддакнул Спидиус. — У вас, мой дорогой капитан, хранятся ключи от Сокровищницы.

— И мы готовы обменять несколько осколков грозофракса, — вкрадчиво произнес Клод.

— На эту великолепную кирасу, — закончил за него Спидиус.

— Об этом не может быть и речи! — Сигборд в негодовании отбросил кирасу в сторону.

— И еще пять таких же, — добавил Спидиус.

Капитан застыл.

Грозофракс считался священным и никто — за исключением профессоров Света и

Тьмы — не смел даже взглянуть на него. Сияющие кристаллы возникали в Сумеречных Лесах от ударов молнии Великой Бури, и Рыцари-Академики, рискуя жизнью, приносили их в Санктафракс. И, конечно, было кощунством подумать, что какой-то кузнец может заполучить осколки грозофракса. Сигборд знал, что многие академики в парящем городе мечтают обрести хотя бы частичку грозофракса и попробовать раскрыть его магические свойства.

— Несколько осколков? — тихо повторил он.

— Крошечных осколков, — закивал Спидиус. — Никто не узнает, Сигборд. Это будет наш секрет. Только представь, как лихо будут смотреться твои ребята в этих кирасах!..

— Стоуп!.. Стоуп!..

Маленький, щуплый гоблин торопливо выполз из

берлоги, которую соорудил из тряпья и соломы в дальнем углу кузницы.

— Стоуп! — от голоса Клода Грязикада дрожали трубы и насосы.

— Бегу, хозяин, бегу! — отозвался Стоуп, протирая на ходу слипшиеся ото сна глаза.

— Вот ты где! — рявкнул стоящий у огромной печи кузнец.

Схватив гоблина за воротник старой туники, Клод притянул его к себе. Стоуп не на шутку струхнул, глаза хозяина метали молнии.

— Послушай, лодырь, — прорычал Клод. — Помнишь кирасу, которую ты выковал по моему приказу?

— Да... — проблеял перепуганный бедолага.

— Ты должен сделать еще пять таких до Дня Сокровищницы.

— Но... Но осталась всего неделя... — попробовал возразить Стоуп. — Мне не хватит времени...

— Тогда начинай работу прямо сейчас, мой дорогой подмастерье, — раздался елейный голос Спидиуса. — Иначе в следующий Сливной День окажешься в Нижнем Городе.

Стоуп задрожал. Однажды в поисках лучшей жизни он покинул опасные и темные Дремучие Леса. Но в Нижнем Городе его ждало разочарование, та же нищета и грязь, что и в лесу. Один добрый корзиночник тайком переправил замерзающего гоблина в воздушный город, где тот по его наущению постучался в первую дверь со словами: «Прошу убежища в Санктафраксе».

Согласно древним законам любой, кто поднимется на скалу и попросит убежища, получит его, но взамен будет служить своему хозяину, получая в награду лишь пищу и кров. Если слуга пришелся благодетелю не по нраву, тот может выкинуть его через год в так называемый Сливной День. Стоуп попал на факультет Кучевых Облаков и показал себя талантливым мастером и прилежным учеником. Несмотря на все свои добродетели, несчастный гоблин знал, что Клод и Спидиус могут выгнать его без всякой на то причины в любой из Сливных Дней.

— Я все сделаю, — пропищал он.

Клод разжал пальцы, и Стоуп осел на пол.

— Вот и хорошо, дружок, — улыбнулся Спидиус, поворачиваясь к слуге спиной. — И, да, Стоуп... — Улыбка застыла на остроносом лице Кучевала. — Никому об этом не говори, понял?

Тяжелая маска из тильдячьей кожи не защищала лицо Стоупа от обжигающего жара печи. Гоблин проверил вентиляцию и температурный столбик. Темное железо в печи побелело, теперь его можно было переложить на наковальню. Натянув перчатки, Стоуп схватил щипцы и вытащил горячий бесформенный сплав из огня.

Было около полудня, но Стоуп не обращал внимания на время. День и ночь работал он в кузнице, упрямо борясь со сном. Две кирасы уже были готовы, каждую украшало изображение дуба-кровососа. Оставалось выковать еще три, а минуты бежа-

ли неумолимо. Стоуп взмахнул молотом, металл задрожал.

Блямс!

Яркие искры полетели во все стороны.

Блямс! Блямс! Блямс!

Металлический сплав стал принимать форму, белый цвет сменился рыжим, рыжий перешел в красный.

— Как приятно видеть мастера за работой, — раздался дребезжащий старческий голос.

Вздрогнув, Стоуп замер.

Перед ним стоял облаченный в доспехи престарелый академик. Белоснежные волосы окружали его морщинистое лицо, как ореол, а пронзительно голубые глаза сияли ярче огня.

— Декан! — воскликнул Стоуп, стягивая маску и опуская молот.

— Пожалуйста, — перебил его Филиус Эмбертин, взмахивая рукой, затянутой в латную рукавицу. — Продолжай. Ты наверняка тот чудо-кузнец, о котором мне рассказывал Спидиус...

Серое лицо гоблина залила краска.

— Меня зовут Стоуп, господин. И я счастлив служить факультету Кучевых Облаков.

— Не сомневаюсь, мой друг. — Филиус весело подмигнул гоблину. — И выковывая эти прекрасные кирасы, ты оказываешь нам услугу, о важности которой не подозреваешь...

— Я... я... — Стоуп замялся, не зная, что сказать.

— О, к нам пожаловал сам декан! — раздался голос Спидиуса, который, как всегда, как будто вырастал из-под земли. — Сигборд согласился выполнить вашу маленькую просьбу, и сделка состоится, как только мы с Клодом закончим последнюю кирасу... Конечно, с помощью молодого Стоупа.

Подоспевший Клод глупо осклабился.

Филиус повернулся к Стоупу, на лице гоблина отпечаталось недоумение.

— Хорошо, хорошо... Вы очень порадуете старого декана... — пробормотал Филиус. — Ладно... Я в общем-то заскочил на минутку... Шел к воспитанникам... На лекцию...

Спидиус расплылся в улыбке.

— Ну, конечно, декан, если вы не возражаете, мой подмастерье вас проводит. Стоуп! — Спидиус знаком приказал гоблину отложить молот и взять академика под руку.

Торопливо стащив перчатки, Стоуп выпроводил Филиуса Эмбертина из кузницы.

— Очень... очень признателен, — пробормотал академик, неуклюже шаркая по коридору. — Здесь... так легко заблудиться...

Сгибаясь под тяжестью закованного в латы академика, Стоуп поднялся по лестнице и зашагал по длинному коридору. Он слышал хриплое дыхание Филиуса Эмбертина и, искоса глядя на старика, понимал, что тот не узнает бесконечную череду ответвлений и высокие двери классных кабинетов.

Чем ближе они приближались к Лекционному Залу, тем слышней были шумные крики непоседливых воспитанников. Утомившись от бесконечного ожидания учителя, они смеялись, шутили и беззлобно подкалывали друг друга. В Стоупе проснулось любопытство, как почти глухой, забывчивый академик, который даже не может найти дорогу в Лекционный Зал, будет читать лекцию.

Но вот раздался крик: «Учитель идет», громкий топот и скрип стульев.

Стоуп посмотрел сквозь стеклянные витражи двери. Ученики уже были на местах, на коленях у них лежали грифельные доски. Стоуп повернул ручку и отступил, пропуская академика вперед.

— Э... добрый день... воспитанники... — задребезжал слабый голос Филиуса Эмбертина.

— Здравствуйте, профессор, — хором прогудел класс.

Декан шаркая пересек зал и с трудом поднялся на кафедру. Казалось, Филиус Эмбертин не замечает перешептывание своих учеников. Он остановился у макета старинных доспехов и приготовился говорить.

Стоуп устал и знал, что если сейчас же не вернется в кузницу, доспехи будет невозможно доделать в срок. Но в коридоре было так тихо и прохладно, к тому же хотелось послушать декана факультета, которого он раньше видел только в столовой. «Минута-две ничего не решат», — подумал гоблин.

Тем временем Филиус Эмбертин с задумчивым выражением лица раскачивался взад-вперед. Похоже, он силился вспомнить лекционный материал.

— Э... э... да... э... правильно... Так о чем это я? — Он уставился на доспехи, будто ожидая получить от них ответ. — Я... э...

Стоуп посмотрел на воспитанников. Некоторые были ему знакомы.

Вот тот толстяк с растрепанными волосами все время попадает в переделки. Как его имя? Тонсор? Да, точно, Тонсор Уексис. Рядом с ним кудрявый парнишка, заядлый шутник. Бельфиниус или как-то так. Рядом с ним Уистлвеб и... Да, юноша, который заметив однажды, что Стоуп обжег руку, подарил ему целебный травяной бальзам. Стоуп никогда не забудет такой доброты.

Юношу зовут Квинт. Он не родился в Санктафраксе, как остальные его беспечные счастливцы-однокашники. Квинт всегда думает о других, не пре-

зирает слуг. Он всегда найдет слова утешения и придет на помощь даже такому забитому бедняге, как Стоун. Говорят, что Квинт — сын воздушного пирата. Говорят, что он облетел с отцом весь Край.

Сколько чудес он, должно быть, повидал! В какие приключения пускался! Стоун замечтался. Ничего удивительного, что он не похож на своих ровесников, витающих в облаках. Квинт в свои годы уже успел полетать *над* облаками. Стоун задумчиво улыбнулся. Из кабинета лилось убаюкивающее бормотание академика.

— Да... Теперь мы подошли к забралу, сквозь отверстие в нем... — академик постучал указкой по закрытому забралу, — поступает воздух... — *тук, тук, тук,* — как вы видите, — *тук, тук, тук* — оно невелико, но... — *тук, тук, тук.*

В классе кто-то делал короткие пометки на грифельных досках, кто-то, согласно кивая, слушал академика, кто-то, как Стоун, клевал носом.

— Обратите внимание на любопытную форму латных перчаток, — продолжал Филиус. — Пальцы двигаются свободно... — *тук, тук, тук,* — а замок... — *тук, тук, тук* — позволяет легко совершать захват...

Когда академик дошел до любимой темы, его речь полилась плавно, как песня, и Стоуп, закрыв усталые глаза, провалился в сон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТРАПЕЗНАЯ ВОСЬМИ ДВЕРЕЙ

пластинки на коленях... — Филиус Эмбертин не успел договорить фразу, когда раздался звонок, собирающий воспитанников на обед, и те воспитанники, которых не сморил сон, испустили вздох облегчения.

— Но... э... на сегодня все... — пробормотал декан и опустил указку.

Зевая и потягиваясь, ученики потянулись из аудитории.

— Ты что-нибудь понял? — спросил Фин, встряхнув волосами.

— Более или менее, — ответил Квинт. — Все дело в энергии молниевых зарядов. Рыцарь изолируется от сумерек благодаря...

— Нет уж извини, — усмехнулся Фин. — Еще одну такую лекцию я не выдержу. Впрочем, слова старика навеяли на меня кое-что...

— Что же? — поинтересовался Квинт, собирая со стола свитки.

— Здоровый аппетит, — рассмеялся Фин. — Давай поторапливайся, а то съедят все без нас.

Выйдя из аудитории, Фин зашагал по коридору, Квинт последовал было за ним, как вдруг увидел возле

двери свернувшегося калачиком гоблина. Наклонившись, Квинт похлопал старого знакомого по плечу.

— Стоуп? Стоуп? — позвал он. — Ты же Стоуп?

Серый гоблин пошевелился, вздрогнул и открыл глаза.

— Господин Квинт! — Стоуп вскочил на ноги. — Я, видимо, задремал! Сколько времени прошло?

— Успокойся, — перебил его Квинт. — Прозвенел звонок на обед. — Он придирчиво осмотрел гоблина. — Стоуп, ты ужасно выглядишь.

— Мне нужно вернуться в кузницу! — воскликнул гоблин, порываясь убежать.

— Не так быстро, — покачал головой Квинт, хватая Стоупа за руку. — Для начала мы спустимся в трапезную, поедим похлебки и ячменного хлеба. Ты сядешь рядом со мной.

Стоуп безропотно побрел за Квинтом. При одном слове «похлебка» желудок так заурчал, что гоблин не нашел в себе силы отказаться от обеда. Коридор упирался в круглый зал, откуда в трапезную вело восемь дверей. У входа в трапезную собралось множество народа. Спидиус Кучевал и Клод Грязикад тоже были здесь, и взгляд, который они бросили на Стоупа, не предвещал ничего хорошего. Из толпы выступил Вилникс Подлиниус и направился прямо к Квинту.

— С кем это ты пришел? — фыркнул он, указав на гоблина. — Дружишь с рабами Санктафракса?

— По крайней мере, у меня есть друзья, — отчеканил Квинт и прошел мимо Вилникса. Лицо Подлиниуса побледнело, как полотно.

В этот миг заскрежетали засовы, и двери, ведущие в трапезную, распахнулись.

Первыми внутрь прошествовали горделивые Рыцари-Академики, за ними уже через другую дверь проследовали академики-воины, в третью дверь ввалились ученики Верхних Палат, еще четыре двери пропустили в трапезную учеников Нижних Палат, слуг и подмастерьев, шумящих, как стая летучих крыс.

Особенно шумели за своим столом прислужники: чистильщики зубоскалов с факультета Перистых Облаков, токари из мастерских факультета Грозовых Туч, подмастерья с факультета Всех Облаков — каждый пытался рассказать последние сплетни и узнать что-то новое.

Только за столом тринадцати наследных рыцарей было тихо. Они молча ждали начала трапезы, глядя в никуда и, возможно, мечтая о полетах за бурей, в которых было их предназначение.

Квинт и Стоуп едва успели усесться рядом с Фином, как облаченный в лиловую, расшитую болотным жемчугом мантию декан факультета Всех Облаков Хакс Востилликс поднялся с места и постучал по столу посохом.

Наступила тишина.

— Мы с Неба пришли, на Небо вернемся, — торжественно произнес декан. — Пусть плоды Земли питают Небо в наших сердцах.

— Небо в наших сердцах! — хором повторили собравшиеся.

Тут же распахнулась восьмая дверь, и в трапезную влетел холодный ветер. На пороге появились два мощных припорошенных снегом ежеобраза, везущие огромный, запечатанный котел, подогреваемый снизу передвижной жаровней. За котлом вышагивал повар — огромный глыботрог в белом переднике и высоком колпаке. За ним семенило двадцать городских гномов с плетеными корзинками, доверху набитыми хлебом.

— С пылу с жару на трапезный стол щедрого Санктафракса! — прогудел повар. — Налетай, пока обед не остыл!

Младшие ученики и слуги не стали просить себя дважды и повскакивали с мест. Ошалевшие городские гномы только и успевали раздавать горячий хлеб. Тем временем привратники в неизменно белых туниках с красными повязками подхватили красивые супницы, предназначен-

ные для старших воспитанников и профессоров, и понесли за высокие столы. Краем глаза Квинт заметил алчное выражение на лице Вилникса Подлиниуса.

— Ну же, давайте открывайте котел. Чего тянуть? — завопил какой-то подмастерье.

Потный, надрывающийся от усилий повар попробовал повернуть металлический кран, но тот не поддался. Повар повернул снова. Безрезультатно. Взвыв, глыботрог засучил рукава, но новая попытка окончилась бесславно.

— Чтоб тебя! — выругался повар, схватившись за ручку крана обеими руками. Он потянул со всей мочи, на руках вздулись жилы, на шее выступили вены, и опять неудача.

По толпе пробежал ропот, задние ряды вытягивали шеи, чтобы посмотреть, что происходит. Вскоре самые голодные подняли крик.

— Напитай Небо в наших сердцах! Напитай Небо в наших сердцах!..

Повар взревел от ярости.

— Кузнец! Здесь есть кузнец?

Его вопрос эхом разнесся по трапезной Восьми Дверей, гомон стих, все завертелись по сторонам. Вилникс ударил Квинта в бок костлявым локтем.

— Твой маленький дружок кузнец? — крикнул он. — Кузнец же?

— Пропустите его вперед! Расступитесь! — тут же подхватили стоявшие рядом прислужники. Толпа отхлынула, и Стоуп подошел к котлу. Вилникс грубо подтолкнул его вперед.

— Я работаю в кузнице, господин, — робко сказал Стоуп раскрасневшемуся повару.

— Клянусь, я не понимаю, чем вы там занимаетесь, — взвился повар. — Ремонт котлов — ваша обязанность. Так и передай своему хозяину! Небось думает о том, как потуже набить свои карманы...

Стоуп пропустил слова повара мимо ушей и опустился на колени перед котлом.

— Ну? — поторопил его глыботрог, трапезная снова зашумела.

— Кран в порядке, — протянул Стоуп. — Повреждений нет...

— В чем тогда дело? — бушевал повар. — Если кран в порядке, почему он не поворачивается?

Стоуп провел пальцем по трубке.

— Я не уверен, но может быть...

— О, у меня нет времени на досужие домыслы! — взревел глыботрог и, нагнувшись, заглянул внутрь крана. — Он сломан, говорю тебе!

Стоуп с размаху ударил по крану:

— ...неполадок нет, просто образовалась воздушная пробка...

В котле что-то забулькало и зарычало.

— Сломан он, — упрямо повторил глыботрог. — А все вы виноваты... Ох! А-а-а!..

Внезапно из крана прямо на голову повара вырвалась густая обжигающая струя похлебки. Взвыв, глыботрог откатился в сторону и повалился на пол.

— Буль... Кто-нибудь!.. — выдохнул он. — Закройте кран. Живо!

Стоуп бросился на помощь, но повар первый уцепился за кран, и теперь похлебка хлестала во все стороны.

Толпа огорченно загудела и, смирившись с потерей горячего, разбрелась по трапезной дожевывать хлеб. Истекая густой жижей, глыботрог поднялся на ноги и пошатываясь направился к Стоупу.

— Ты кузнец-недоучка! — проревел он. — Полоумный гоблин! Ты сделал это нарочно! — Схватив Стоупа за шкирку, как детеныша зубоскала, повар грубо затряс несчастного.

— Оставь его в покое! — во весь голос закричал Квинт.

— Оставить его? — проревел глыботрог. — Как бы не так! — Повар бросил Стоупа на пол, прямо в лужу из разлитой похлебки и стащил с огромного живота широкий ремень. — Сначала я преподам мерзавцу урок, который тот нескоро забудет!

Сердито шипя, повар занес ремень над головой, но Квинт оказался быстрей. Ухватившись за ремень, юноша потянул его на себя. Глыботрог потерял равновесие, поскользнулся на пролитой похлебке и в очередной раз загремел на пол. Сжав в руках ремень, Квинт склонился над склочником.

— А теперь если не хочешь получить урок от воспитанника Рыцарской Академии, извинись перед Стоупом, поблагодари его за помощь и приберись здесь! — Глаза Квинта метали молнии.

Глыботрог жалобно захныкал.

— Я не хотел обидеть вас, молодой господин, — взмолился он, вмиг сделавшись услужливым и льстивым. — Это все нерадивые кузнецы. Не хотят работать и...

Квинт хмыкнул и бросил ремень на каменный пол.

— Пойдем, Стоуп, — твердо сказал он. — Очевидно, повару не терпится самому приступить к работе...

Оставив бормочущего проклятия повара отмывать пол от похлебки, Квинт в сопровождении серого гоблина покинул шумную трапезную.

— Вы уже второй раз помогаете мне, господин, — пробормотал Стоуп, семеня следом за Квинтом.

— Неужели?

— Да, господин. В первый раз вы дали мне здоровиковый бальзам, я тогда обжег руку... И знаете... раны затянулись, как будто их и не было.

— Очень рад это слышать, Стоуп, — улыбнулся Квинт. — Но, пожалуйста, перестань называть меня

господином. Мы же ровесники. Для тебя я просто Квинт.

Стоуп счастливо улыбнулся.

— О, как вы великодушны, господин,— завел он.— Я хотел сказать — Квинт. Если только я что-нибудь могу для вас... для тебя сделать... — гоблин запнулся.

Квинт проследил за взглядом Стоупа.

Спиной к ним, о чем-то перешептываясь, стояли Филиус Эмбертин и незнакомый Рыцарь-Академик. Похоже, эти двое старались не привлекать к себе внимание. Квинт и Стоуп недоуменно переглянулись. Филиус Эмбертин сейчас был не похож на трясущегося от старости рассеянного декана, которого они привыкли видеть.

— ...а еще ходят слухи, Филиус,— говорил вполголоса Рыцарь-Академик, — что Хакс Востилликс следит за Большой Библиотекой.

— Ты, Скридиус, блестящий воспитанник Академии, и я люблю тебя, как сына,— ответил декан факультета Кучевых Облаков. Филиус Эмбертин больше не робел и не заикался. — Но даже ты не сможешь защитить меня от Хакса. Он окружен верными союзниками.

— Вы о привратниках? Бросьте! Это всего лишь грязные выскочки, — презрительно скривился Рыцарь-Академик.

— Может быть,— кивнул Филиус Эмбертин.— Но эти выскочки хорошо вооружены и не знают страха.

— Значит, их еще никто хорошенько не пугал,— отрезал тот, кого звали Скридиус.

Филиус Эмбертин тяжело вздохнул.

— Вот это-то и нужно Хаксу — спровоцировать нас на решительные шаги. Но нет! Мы должны переждать. Знаю, Скридиус, знаю, ты уже не в силах терпеть, но прошу, доверься мне. Я еще не все подготовил...

Академики медленно побрели по коридору, вскоре их голоса стихли вдали. Квинт повернулся к Стоупу.

— Все это очень странно, — протянул он. — Я никогда прежде не слышал, чтобы Филиус Эмбертин говорил о чем-то столь же связно, кроме как о доспехах.

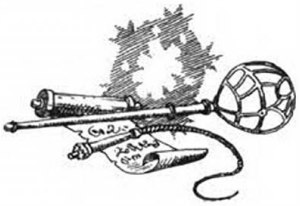
— А я слышал, — Стоуп задумчиво нахмурился. — Сегодня утром он говорил со мной в кузнице и, знаешь, Квинт, он не такой недотепа, каким кажется.

Квинт широко улыбнулся и похлопал гоблина по плечу:

— Ты, мой друг, гляжу, тоже не промах!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЕНЬ СОКРОВИЩНИЦЫ



После короткого затишья снег пошел с новой силой. Крыши, башенки, мосты и балюстрады Санктафракса укутались белым покрывалом, которое с каждой новой выпавшей снежинкой становилось все толще. Теперь было достаточно даже легкого порыва ветра, даже взмаха крыльев белого ворона, чтобы белоснежная громада обрушилась на площади и мостовые. То здесь, то там время от времени слышались тяжелые хлопки упавших снежных комьев, а иногда даже испуганные крики зазевавшихся прохожих.

Но, разумеется, не только эти звуки тревожили утреннюю тишину воздушного города. Все так же гремели на ветру, как литавры, метеорологические устройства, все так же журчали и переливались они, подобно ласковой свирели. Во время снегопада в музыку Санктафракса вплелись новые ноты. Звенели, падая, гигантские сосульки, скрипел под сапогами снег, стучали на разные лады многочисленные лопаты. Слуги из всех академий и школ Санктафракса, наемные работники из Нижнего Города трудились не

покладая рук, чтобы в срок очистить от снега улицы и площади, аллеи и причалы. Под бдительным присмотром плоскоголовых гоблинов снег выносился из центра Санктафракса к самому краю летучей скалы и оттуда сбрасывался вниз.

— Не ленитесь, бездельники! — командовал страж в толстом меховом капюшоне на лысой голове. — К началу праздника на улицах не должно быть и сугроба!

Троги и гоблины молча повиновались приказам начальства. Склонив головы и тяжело дыша, они продолжали свой утомительный, а главное, бесполезный труд. Стоило им только расчистить Мозаичный Квадрат, с серых небес сыпался новый снег.

— Чудеса в решете! — пожаловался городской гном своей старой кривоногой напарнице гоблинше. — Представляю себе процессию! — Он картинно всплеснул руками.

— Снег в День Сокровищницы, — покачала головой гоблинша. — Сказать кому, не поверят.

— Что правда, то правда. — Городской гном снова заскреб тяжелой лопатой. — Помню, в прошлом году небо было синее, погода стояла безветренная. В позапрошлом, конечно, немного моросило, но чтобы снег в День Сокровищницы! Да не было отродясь такого.

— А сейчас хоть глазам своим не верь, — вмешался в разговор неуклюжий бедняк глыботрог. — Может быть, праздник отменят или отложат...

— Да нет, — продребезжал тоненький голосок. Городской гном, гоблинша и глыботрог обернулись,

позади с метлой в тоненьких ручках стоял вейф. — День Сокровищницы отмечается в первый день второй луны. Так было и так будет — это традиция. А традицию, чтобы там ни говорили, отменить нельзя...

— А мы вкалывай, — проворчал городской гном. — Греби и потей!.. — Он показал небу кулак. — Снег, снег, снова снег, проклятые небеса!

— Проклятые небеса? — переспросил глыботрог. — Похоже на речи землеведов...

— Ну и что из этого? — горячо возразил городской гном. — Между прочим, землеведы кое в чем знали толк...

Слушатели отпрянули, повисла тишина. Такие разговоры в Санктафраксе, где землеведы были не в почете, могли счесть преступными, особенно сегодня, в День Сокровищницы.

По небу пролетела стая белых воронов, белый снег укрывал их от глаз прохожих, но хриплое карканье выдавало мрачных птиц.

— Только послушайте, — пробурчал городской гном. — Эти вороны так же несчастны, как мы.

— Наверное, это из-за холода, — предположил вейф.

— Из-за холода? — хрипло расхохотался глыботрог. — У них хотя бы есть теплые перья!

Вейф многозначительно улыбнулся.

— Я имел в виду влияние холода на Каменные Сады, — пояснил он. — Летучие скалы растут медленно. Прежде чем они созреют, пройдет несколько

лет. Белые вороны каким-то образом чувствуют, что скала выросла и стала летучей.

Слушатели согласно кивнули. Все знали, что белые вороны громкими криками оповещают академиков о том, что скалы созрели и их можно собирать.

— В последние дни бедные птицы просто не знают, что им делать. В такой зверский холод скалы

созревают намного быстрей и улетают, еще не окрепнув. Вот увидите, в этом году урожая не будет.

— Это еще не все, — влезла в разговор троллиха-несун, ловя длинным липким языком лезущие в вытянутые, как стебли, глаза, снежинки. — Я слышала, что летучие скалы с небесных кораблей «сходят с ума».

— Правда-правда! — подтвердила гоблинша. — Мой брат служит на воздушном корабле, так команда уже который день не может выйти в небо.

— Теперь Лиги потерпят страшные убытки, — покачал головой городской гном.

— А если «сходят с ума» летучие скалы воздушных кораблей, — продолжила троллиха, — что произойдет с самой большой летучей скалой Края?

Снова наступило молчание. И как бы в ответ на вопрос, Санктафракс задрожал и затрясся, летучая скала, на которой высился город, взвилась вверх, но Якорная Цепь его удержала. Глыботрог оступился и полетел в большущий сугроб.

— Если скала, на которой стоит Санктафракс, замерзнет, — прошептал, поджав лопоухие уши, вейф, — то понадобится новая порция грозофраксов, а значит, скоро какой-нибудь Рыцарь-Академик отправится в Сумеречные Леса вслед за Великой Бурей.

— Эй вы, сплетники, довольно там! — прикрикнул плоскоголовый надсмотрщик. — Вам платят за работу, а не за болтовню!

Глыботрог с трудом вылез из сугроба и, не сказав ни слова, взялся за лопату. Вскоре Мозаичный Квадрат был расчищен, сугробы сместились к Колледжу Дождя, а затем к самому краю скалы.

— Поберегись! — рявкнул глыботрог, когда огромная снежная глыба полетела с обрыва в Нижний Город. Впрочем, эти слова вряд ли бы успели предупредить горожанина-ротозея, если б тот решил

прогуляться в тот час по Якорной Площади. К счастью, на этот раз прохожих не было, и все обошлось.

В это время на Мозаичном Квадрате, несмотря на непогоду, в предвкушении ежегодного представления уже собирались жители Санктафракса. Профессора, академики, ученики, слуги — все переминались с ноги на ногу, кутаясь в теплые одежды, которые у одних были оторочены мехом, у других подшиты тряпьем.

Головные уборы тоже потрясали воображение. Академики щеголяли в экстравагантных ушанках и толстых шарфах. Молодые профессора из Института Снега и Льда надели объемные тюрбаны, а помощники профессоров из Школы Слякоти облачились в лохматые шапки из меха ежеобразов и дивные перчатки из кожи свиномордов. Но последним писком моды считались изящные «кузнечные береты» с крошечным вшитым обогревателем.

Вот зазвучали шаги, и вдали показались стройные шеренги учеников в нарядных плащах и серебряных шлемах. По бокам вышагивали привратники в неизменных белых туниках с красными повязками.

Толпа зашепталась и завертелась, каждый хотел получше разглядеть парадное шествие.

— Глядите! Это воспитанники Рыцарской Академии!

— Да хранят их Небеса!

— Скоро кто-то из них полетит за грозофраксом!

Глядя прямо перед собой, Квинт шел посредине первого ряда, стараясь не сбиться. Позади шагали ученики из Верхних и Нижних Палат, а замыкали шествие вооруженные до зубов наследные рыцари.

В одной шеренге с Квинтом шел Фин, Квилтис, Вилникс и другие юные воспитанники. Краем глаза Квинт заметил отпечаток презрительного превосходства и торжества на хмуром лице Вилникса.

Квинт отогнал мрачные мысли. Сегодня он первый раз за несколько недель вышел за стены Рыцарской Академии. Серебряный шлем жал, плащ продувало насквозь, но юноша был необычайно горд собой. В прошлом году он присутствовал на церемонии в качестве зрителя, на этот раз все было по-другому.

В прошлом году он стоял на Мозаичном Квадрате вместе с Марис. Тогда они оба были ничем не примечательными воспитанниками Фонтанного Дома. Теперь же к стоящему у входа в Сокровищницу Квинту были прикованы все взгляды.

Внезапно Квинт испытал глубокое чувство вины перед Марис. Дочь Линиуса Паллитакса переехала в Нижний Город и не присутствовала на празднике. Квинт с грустью огляделся, его друг Фин, не подозревая о тяжелых думах, обуревающих друга, весело улыбнулся, смахнув со лба кудрявую челку.

— Академия, смирно! — прозвучала команда Хакса Востилликса. — Кругом!

Шеренги поменялись местами, и Квинт, к своему разочарованию, оказался в самом последнем ряду рядом со зрителями.

Толпа подалась вперед, все жаждали увидеть начало церемонии. Квинт ощутил, как кто-то настойчиво дергает его за плащ.

— Мастер Квинт, — раздался звонкий голос. — Это же вы, мастер Квинт?

Обернувшись, Квинт увидел старую знакомую. Маленькая и пухленькая, с крошечным носиком и сухими губами лесная троллиха в ворсистом пальто и старом чепце улыбаясь смотрела на него во все глаза. На плече у нее сидел полосатый лемкин.

— Вельма! — закричал Квинт, бросаясь в теплые объятия троллихи. Лемкин пронзительно завизжал и натянул поводок. — И Палец! — Квинт почесал пушистый комочек за ухом. — Как у вас дела?

— С тех пор как увидели вас, мастер Квинт, гораздо лучше, — затараторила Вельма, перекрикивая беспокойное

бормотание — кха-кха-кха-кха — лемкина. Тонсор и Фин с любопытством уставились на троллиху. — Сначала все полетело кувырком. Но потом мы с Твизлом сняли комнаты в доме торговцев скобяными изделиями. Между прочим, очень милая семья гоблинов. Твизл стал продавать на Ступенях Виадука настойки и зелья, а я... там приберусь, здесь помою... Ничего особенного, но жить можно...

— А Марис? — спросил Квинт, заметив про себя, что на них с Вельмой смотрят уже и ученики из Верхних Палат.

— Я здесь как раз из-за нее, — прочирикала Вельма. — Дачия тетка Марис глаз с нее не спускает... — Произнося это имя, Вельма скривилась. — Но на прошлой неделе на базаре мне удалось перебросить с нашей девочкой несколькими словами. — Вельма порылась в карманах. — Она просила меня не волноваться и наказала передать вам вот это.

Вельма показала Квинту свиток, на котором юноша увидел свое имя, написанное рукой Марис.

— Больше она ничего не сказала? — спросил он.

Вельма кивнула и сунула Квинту свиток.

— Ну, пожалуй, я побегу, — засуетилась она. — Пока эти доблестные воспитанники не сделали мне выговор за разговоры с будущим блестящим Рыцарем-Академиком. — Она весело подмигнула и сжала руки Квинта в своих ладонях. — Благословят вас Небо и Земля, мой дорогой. — И прежде чем Квинт успел что-то ответить, исчезла в толпе.

— Кто это был? — фыркнул Вилникс. — Твоя няня? Боится, как бы ее деточка не простыла на морозе...

— Закрой рот, Вилникс, — сердито бросил Фин.

Квинт обнял друга за плечи:

— Не обращай внимания. Он того не стоит.

— Послушайте, друзья, — один из старшекурсников, наблюдавший за сценой, вмешался в разговор. Это был высокий юноша со щербатой улыбкой и в круглых очках. — Нельзя ли немного потише? Старая добрая церемония сейчас начнется, а вы же не хотите ее пропустить?

Вилникс демонстративно отвернулся, а Фин покраснел до корней волос и уставился в землю. Квинт виновато улыбнулся.

— Простите, меня просто пришел проведать старый друг.

— Понимаю, — добродушно ответил старшекурсник. — Вы же новенькие?

Квинт и его товарищи кивнули.

— Значит, мы скоро увидимся в Верхних Палатах. Меня зовут Раффикс Эмилиус, — старшекурсник улыбнулся и протянул костлявую руку. — Рад знакомству.

Квинт ответил на рукопожатие, неожиданно крепкое для такого худощавого юноши.

— Квинт Верджиникс.

— Очень приятно, Квинт. Вот идет стража, так что если ты и твои друзья встанете на цыпочки, то разглядите их головы. Ох, ничего себе, какие у них превосходные кирасы! — воскликнул Раффикс.

Грянули фанфары, и к входу в Сокровищницу подъехала разукрашенная колесница. Колесницу тянул мощный зубоскал в нарядной, вышитой драгоценными каменьями упряжи и лиловом султане.

По обе стороны колесницы вышагивали четверо плоскоголовых гоблинов в блестящих доспехах, на сияющих кирасах был выкован дуб-кровосос. Один из Стражников подошел к колеснице и помог выйти на заснеженную площадь профессору в темно-сером одеянии. На тонких цепочках, свисающих с шеи академика, болтались очки самых разнообразных диоптрий. Традиция требовала, чтобы Высочайшие Академики прислали в каменные соты своего преемника — «Следующего Высочайшего Академика».

Следуя древним предписаниям, академик ударил посохом в дверь — раз, два, три раза, — и Главный страж капитан Сигборд сам распахнул двери Сокровищницы. Сигборд гордо выпятил грудь, закованную в блестящую кирасу, и пропустил в недры Сокровищницы «Следующего Высочайшего Академика» и его свиту. Мозаичный Квадрат огласился громкими криками «Верь Небесам!».

Дверь из свинцового дерева захлопнулась с громким, гулким стуком, и крики стихли. Шумного праздника не получилось. И толпа нехотя стала расходиться.

Обычно День Сокровищницы отмечался весело и широко, но сейчас было холодно, шел снег, и настроение у всех было подавленное. Унылые профессора

и уставшие слуги разбрелись по своим школам и институтам.

— Академия! Разойдись! — отдал команду Хакс Востилликс, стройные ряды рассеялись, и Квинт отчетливо увидел декана факультета Всех Облаков в теплых белых одеждах из меха тильдера и других деканов. Позади них, как статуи, стояли воины-академики, лица их все еще закрывали блестящие забрала, из которых вылетал пар.

— Вечерний гонг соберет вас на праздничный ужин! — объявил Хакс. — Не опаздывайте.

Развернувшись декан факультета Всех Облаков зашагал прочь с Мозаичного Квадрата, за ним последовали остальные деканы и академики.

— Ну что ж, — протянул Раффикс Эмилиус, поправляя очки. — У нас еще весь день впереди. Предлагаю устроить поединок. — Он накло-

нился и взял в руки целую пригоршню снега. — Верхние Палаты против Нижних!

Вскоре на Мозаичном квадрате под оголтелые крики воспитанников началась баталия. Во все стороны летели крепкие снежки, ученики не успевали уворачиваться.

— Фин, не зевай! — крикнул Квинт, когда друг получил в грудь третий снежок подряд.

— Сам не зевай! — рассмеялся Фин и тут же получил следующий снежок прямо в рот.

— Готовься! — заорал Квинт, бросаясь к Раффиксу и его однокашникам. — Пли! Ура!

Целая очередь снежков ударила юноше в лицо, задыхаясь от смеха, он рухнул на колени, но успел увидеть, как товарищи взяли в кольцо соперников.

Наконец промокшие и уставшие воспитанники заключили перемирие и дружной толпой направились в родную Рыцарскую Академию.

— А ты отличный командир, Квинт Верджиникс, — похвалил Раффикс, хлопая Квинта по спине. — Ты и твои друзья сражались на славу.

— Спасибо, Раффикс, — улыбнулся Квинт, вздрагивая от холода. — Вы прекрасно держали оборону.

— Можешь звать меня Рафф, — благодушно рассмеялся старшекурсник. — Теперь мы друзья. Это и к тебе относится, Фин.

— Я польщен, Рафф. — Фин отвесил шутливый поклон. — Теперь ты можешь занимать для меня место в очереди перед котлом!

— Ой, я и забыл! — Квинт ускорил шаг. — Скоро ужин. Поторопитесь, а то опоздаем за праздничный стол.

Вечером в трапезной царило приподнятое настроение, ученики и академики отмечали День Сокровищницы. Квинт с удовольствием попробовал жареную птицу снежника и пирог с тильдятиной. Фин, уплетая ужин за обе щеки, не переставал расхваливать прекрасные кирасы, выкованные Стоупом.

— Тише! — взмолился серый гоблин, польщенно улыбаясь. — Это секрет! Никто не должен об этом знать! Ну, пожалуйста, Фин, тише!

— За самого талантливого кузнеца Академии! — провозгласил Фин, поднимая кружку эля.

Раффикс рассмеялся.

— Если б я только знал, что у вас так весело, давно бы пересел сюда. За тебя, Стоуп! — Он поднял свою кружку.

— Спасибо, Рафф, — просиял Стоуп, тоже хватаясь за кружку.

— За нас всех, — добавил Квинт, чокаясь с товарищами.

За противоположным концом стола, склоняясь над тарелкой, хмуро глядел на веселую компанию Вилникс Подлиниус. Все они считают себя лучше его, даже этот глупый серый гоблин. А особенно это пиратское отродье Квинт. О! Вилникс читает это в их глазах.

Ничего, он еще покажет им! Покажет им *всем*!

Он не стал сегодня играть в снежки. Что за чушь придумал этот кривляка-старшекурсник? Рафф! Что за идиотское имя!

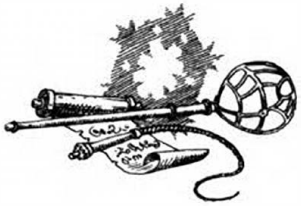
Вилникс неприятно улыбнулся. Нет, вместо того чтобы носиться по площади с бестолковыми мальчишками, он направился в одну из башен Виадука. Ту, на которой висит скелет лисацапа. Очень занятное местечко.

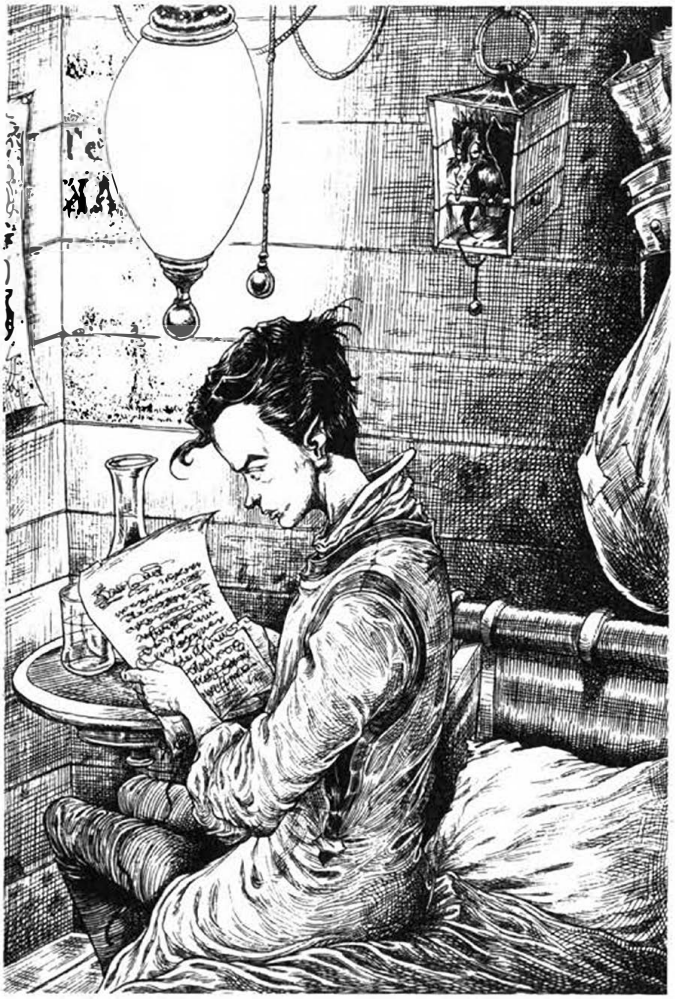
Вилникс погладил оттопыренный карман, зло усмехнулся и сделал большой глоток эля.

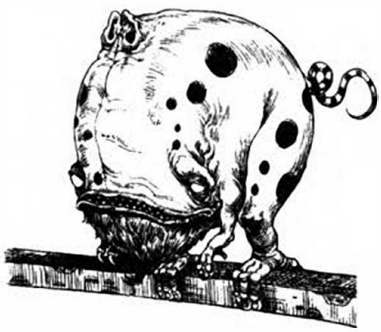
— За вас, глупцы!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ФАКУЛЬТЕТ ПЕРИСТЫХ ОБЛАКОВ







а окном, как голодный сердитый волк, выл ветер, он гулял по крышам Санктафракса, раскачивал фонари, грозил сорвать с петель ставни. Казалось, в келье должно быть тепло и уютно, но, хоть Квинт и закрыл плотно лафовую дверь и укрылся с головой теплым одеялом, набитым перьями птицы снежника, он чувствовал сильнейший сквозняк.

Легкие, воздушные дворцы Санктафракса были не рассчитаны на такие морозы. Смирившись с тем, что уже не заснет, Квинт сел на постели и стал одеваться.

Он уже натягивал тунику с длинными рукавами, как услышал какой-то шорох и замер. Тишина. Наверное, это летучая крыса.

Нащупав в темноте фонарь, Квинт зажег свет. Нет, его зверюшка спит в клетке, спрятав голову под крыло. Квинт повесил фонарь на крючок и снова потянул тунику. Опять шорох, теперь Квинт знал, откуда тот идет.

Юноша порылся в карманах и застонал. Письмо Марис так и пролежало там всю ночь, непрочитанное и даже нераспечатанное.

— Земля и Небо, — протянул Квинт. — Как я *мог*?

Из клетки донеслось сонное урчание. Летучая крыса зашевелилась и просунула сквозь прутья острую мордочку.

— О, Острокрыл, — Квинт бросил внутрь клетки кусочек хлеба. — Я совсем забыл о Марис. *Хороший* друг, ничего не скажешь!

Развернув озябшими пальцами свиток, Квинт углубился в чтение.

Дорогой Квинт!

В Нижнем Городе жуткие морозы, и я едва могу писать тебе эти строки, до того сводит пальцы. Мой опекун Хефт — настоящий скупердяй, знаешь, он разрешает разжигать камин только в своих комнатах. А мы — повар Грюлок, маленькая служанка городская гномиха, которая плачет целыми днями, старый дворецкий гоблин Пуль и я — мерзнем до костей!

Знаю, я не должна жаловаться, но, Квинт, мне здесь так скучно и одиноко! Комната моя маленькая и неуютная, а на окошках решетки. Хефт и Дачия просто помешались, представляешь, они запирают в доме все двери! Клянусь, они и мою комнату на ночь закрывают на замок. Я слышала, как поворачивается ключ. Куда, скажи на милость, я могу убежать?

Впрочем, все не так плохо. Мое окно выходит на базарную площадь, и когда мимо проходит Вельма, я могу окликнуть ее и помахать рукой. Только если не видит Дачия, она считает, что такое поведение не подобает дочери Высочайшего Академика.

Я так скучаю по отцу, Квинт, по нашей жизни в Санктафраксе. Через сколько приключений мы прошли! А теперь Дачия следит за мной днем и ночью, я почти не выхожу из комнаты, а если выхожу, то стою за креслом тетушки во время званых обедов, на которых присутствуют скучные купцы и их жены. Я должна вести себя очень тихо, делать реверансы и отвечать, только если меня спрашивают, а спрашивают меня не часто. Все время говорит Хефт.

Ты даже не представляешь, что он рассказывает, Квинт. Из его слов выходит то, что отец считал его лучшим другом и никогда не принимал решений, не посоветовавшись прежде с ним. Это пустое бахвальство, ложь, но я знаю, что если дядюшке возражать, он разгневается, а гневается он обычно на слуг.

Вот недавно он опять очень шумел оттого, что я отказалась подписать какие-то бумаги. Отец говорил, что нельзя подписывать то, что ты не читал. Я так и сказала дяде. Он весь покраснел, накричал на меня и запретил мне выходить из комнаты в течение недели! Хефт — просто чудовище!

Что-то я совсем раскисла! Вот что, Квинт, не думай об этом! Как дела у тебя? Уверена, ты будешь

просто неотразим в День Сокровищницы! Помнишь, как в прошлом году мы вместе ходили на церемонию? Кажется, это было целую вечность назад. Не забывай меня и, пожалуйста, черкни строчку, если найдешь свободную минутку.

Пожалуй, на этом все. Скоро к Хефту придут гости, меня позовут в гостиную. Там, по крайней мере, топят камин!

Я передам письмо с Вельмой, когда старый скряга пошлет меня с Дачией на базар.

Твоя подруга

Марис.

Квинт свернул письмо и перевязал шелковистой паучьей нитью. Ему очень не нравились опекуны Марис. Юноша задумчиво посмотрел на летучую крысу, доедающую мягкую горбушку.

Быть может, стоит предупредить отца?

Квинт взял в руки пенал из тильдячьей кожи, вытащил перья и чернила, но, помедлив, отказался от этой идеи. Что он напишет Шакалу Ветров? Что Марис держат взаперти в холодной комнате?

Пожалуй, сначала лучше повидаться с девочкой самому. Он сегодня же пошлет ей длинное письмо...

Тук! Тук! Тук!

— Эй, Квинт, ты проснулся? — раздался голос Фина. Приятель, проживающий ниже этажом, барабанил в потолок.

Квинт слез с постели и распахнул дверь. В келью ворвался ветерок, предательски застучали зубы.

ФАКУЛЬТЕТ ПЕРИСТЫХ ОБЛАКОВ

— Я к-как р-раз собир-рался писать п-письмо... — пробормотал он, поеживаясь.

Фин забрался по веревочной лестнице в келью друга. Квинт увидел, что на нем целых три свитера и большой тюрбан.

— Как я тебе? — весело спросил Фин. — Купил эту штуковину у паренька из Института Снега и Льда. Голова теперь не мерзнет.

— *Мне*-то нравится, — ухмыльнулся Квинт. — Но понравится ли декану факультета Перистых Облаков?

Фин помрачнел.

— Конечно, — проворчал он. — Я и забыл, что занятия у Вендикса начинаются сегодня!

В эту минуту раздался сигнал к подъему.

— Придется тебе позже взяться за письмо, Квинт, — Фин снова повеселел. — Если Фенвил Вендикс и вправду такой строгий, как рассказывают, не стоит заставлять его ждать!

Двадцать минут спустя, позавтракав кексами и молоком ежеобраза, ученики стояли перед входом на факультет Перистых Облаков. Через закрытую дверь доносились резкие крики зубоскалов, сердце Квинта забилось чаще. Позади долгие

часы зубрежки правил кораблестроительства и изучения доспехов, теперь их ждут настоящие, живые, теплые существа.

Поступив в Рыцарскую Академию, Квинт использовал любую возможность, чтобы посмотреть за старшими воспитанниками и наследными рыцарями, тренирующими на плацу зубоскалов. Эти животные были такими проворными и ловкими, так изящно брали барьеры и виртуозно маневрировали, и теперь Квинт сам сможет оседлать одного из них.

Двери со скрипом распахнулись, в нос ударил теплый прелый запах, и тут же грянула команда «Класс, шагом марш!».

Квинт затаил дыхание и переступил порог. Запахло свежим сеном, сухой соломой, сырым мясом и самими зубоскалами. Квинт и раньше чувствовал этот запах, но здесь, на факультете Перистых Облаков, от него даже глаза щипало.

По всему огромному залу тянулись стройные ряды высоких квадратных колонн, на которые опирались насесты, или, как их называли, «ветки». На колоннах были выступы, чтобы слуги и ученики могли при необходимости легко забраться вверх к зубоскалам. Иногда этими выступами пользовались старые зубоскалы, которые уже не могли преодолеть высоту одним прыжком. А упавшего подстраховывали большие навесы с соломой. По шумному залу сновали многочисленные слуги — одни тащили солому, другие несли ведра с водой, отбросами и специальной едкой смесью для массажа суставов верховых живот-

ных, жокеи выводили зубоскалов на ежедневную тренировку. Все на факультете было в движении. Каждый запах, каждый звук был юношам внове.

Ученики прошли по выстланному соломой полу, без конца оглядываясь по сторонам. Квинт заметил на лице Вилникса гримасу отвращения, когда мимо проскочил слуга с ведром отходов.

— Класс, стой!

Это была уже вторая команда, отданная деканом факультета Перистых Облаков. Воспитанники замешкались, но затем быстро сообразили выстроиться в ряд. От высокой колонны отделилась тень, и вперед вышел Фенвил Вендикс. Маленькие внимательные глаза пробежали по лицам новичков и остановились на Фине.

Академик поджал губы и высоко вскинул брови. Вид ученика в неопрятном тюрбане, судя по всему, пришелся

ему не по душе. Фенвил Вендикс молча указал хлыстом на тюрбан.

— Да, профессор, — покрасневший Фин немедленно стянул с кудрявой шевелюры вычурный головной убор. — Простите, профессор.

На минуту Квинту показалось, что хлыст Вендикса обрушится на голову беспечного друга, так сузились глаза академика.

Вилникс прыснул от смеха, и внимание Вендикса переключилось на него. Подлиниус вытянулся по струнке, улыбка исчезла, как не бывало, на лоб выступили капельки пота. С минуту все молчали. Вдруг сверху донесся непонятный, похожий на мяуканье звук.

— Класс, вверх! — рявкнул декан.

Ученики подскочили на месте. Повторять дважды Вендиксу не пришлось. Подталкивая друг друга, воспитанники полезли под потолок. На одной из «веток» их поджидал улыбающийся крох-гоблин.

— Добро пожаловать, ученики, — пропел он, добродушно разглядывая новичков. — Для многих из вас обучение в Рыцарской Академии будет интереснейшим жизненным этапом, для кого-то труднейшим.

Воспитанники внимательно ловили каждое слово помощника Фенвила Вендикса.

— Для работы с зубоскалами мало того, что находится здесь. — Крох-гоблин постучал себя по макушке. — Вам потребуется другое. — Он приложил руку к груди. — Сердце.

Квинт согласно кивнул, Вилникс равнодушно отвернулся.

— Если вы заглянете в гнезда, — продолжал крох-гоблин, — то увидите, что вас давно ждут.

Квинт посмотрел под ноги. С «ветки», на которой он стоял, свисало уютное гнездышко из соломы, а в нем лежало яйцо зубоскала. Оно было мягкое, похожее на желе. Сквозь прозрачную оболочку виднелись очертания детеныша. Маленькое существо издавало тихое мяуканье и царапало коготками свою тесную темницу. Квинт охнул и опустился на колени.

Остальные ученики проделали то же самое, у каждого под ногами обнаружилось симпатичное гнездо, в каждом лежало яйцо с зубоскалом. Один Вилникс Подлиниус уставился на ближайшее гнездо с отвращением. Внезапно одно за другим яйца лопнули, и освобожденные зубоскалы пружинистыми прыжками взлетели в воздух.

— Класс, взять их! — снизу послышалась команда Фенвила Вендикса.

— Ох!

Секунда, и детеныши зубоскалов грациозно опустились на вытянутые руки своих хозяев, крепко обхватив запястья когтями, как будто это были «ветви».

— Потрясающе! — выдохнул Фин.

— Чудеса! Фантастика! — согласились с ним остальные однокашники, с восхищением глядя на малюток.

— Что вцепился? — рявкнул Вилникс своему зверьку. — Грязное, мерзкое чудище!

Квинт с благоговением смотрел на своего зубоскала. Крошка только-только покрылся пушком, да и тот был липким и сырым, глазки детеныша еще не прорезались, но равновесие он сохранял изумительно. Цепкие коготки плотно сжимали руку юноши, зубоскальчик звонко мяукал. Улыбнувшись, Квинт свободной рукой почесал малышу подбородок, в этот момент существо открыло огромные наивные глаза. Квинт и маленький зубоскал с интересом уставились друг на друга.

— Да ты просто красавец, — ласково вымолвил Квинт. — Правда, мальчик? Ну и как же мы тебя назовем?

— Никаких имен! — раздался у него за спиной тявкающий голос забравшегося на «ветку» декана.

Квинт вздрогнул, зубоскальчик обиженно закричал.

— Да, профессор. Простите, профессор, — пробормотал он.

— Отлично, отлично, ученики, — весело прокричал крох-гоблин. — А теперь почистите зверюшек, вот так...

Он взял охапку соломы и потер ею шерстку ближайшего детеныша, Квинт и другие воспитанники последовали его примеру, с минуту слышалось только тихое урчание зубоскалов.

— Теперь можно их покормить... Только немного... — Крох-гоблин положил в разинутый рот малютки пригóршню потрохов ежеобраза. — Передайте ведро с кормом по цепочке.

— Хороший мальчик! — Квинт сунул в розовый рот своего подопечного кровавые куски мяса. — Умница!

Зубоскальчик облизался и заплясал на месте. До Квинта долетел недовольный голос Вилникса.

— Это отвратительно... Меня сейчас стошнит!

Фенвил одарил Подлиниуса суровым взглядом, и тот быстро закрыл рот.

— Теперь научите своих питомцев забираться на «ветку»! — продолжал крох-гоблин. Он присел на корточки и слегка подтолкнул зубоскала. Ученики повторили движения учителя, и скоро все детеныши сидели на «ветках». Вилникс вздохнул с облегчением, когда его зверюшка разжала коготки и перебралась на жердочку.

— Детенышей необходимо кормить днем и ночью каждый час в течение трех недель, — пояснил крох-гоблин. — Бодрствовать по ночам довольно тяжело,

поэтому предлагаю вам объединить усилия! Корм и нарукавники вы найдете внизу.

Фенвил Вендикс прошел вдоль вытянувшихся воспитанников и, мрачно улыбнувшись, стал спускаться вниз.

— Удачи, класс! — бросил он напоследок.

Прошли недели, и Квинт часто вспоминал тот первый урок на факультете Перистых Облаков. Тогда все казалось таким сложным — сплошная суета и беспорядок. Это теперь он понял, что все было продумано до мелочей.

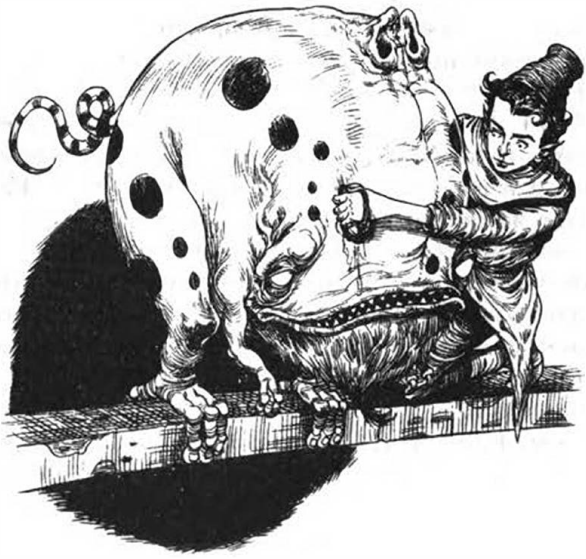
Так, например, он заметил, что зубоскалы по мере роста и взросления занимают на насестах разные места. Насесты, расположенные слева от входа, занимали зубоскалы-тяжеловозы, предназначенные для перевозки пассажиров и грузов. В глубине зала сидели самые сильные и крупные зубоскалы-производители. Справа гнездились детеныши, которых выхаживали ученики. Там же самки зубоскалов вынашивали и производили на свет потомство в гнездах из жеваной соломы. Потом они возвращались на высокие насесты, где ждали появления нового помета.

— На воле, — наставлял крох-гоблин, которого, оказывается, звали Тагл, — детеныши зубоскалов начинают сами заботиться о себе с рождения. Но здесь, в Санктафраксе, — он задорно рассмеялся, поглядев на Вилникса, — у них есть отличные няньки — это вы, ученики!

Первые три недели оказались самыми сложными, никто из воспитанников не высыпался. Фин и

Квинт по очереди бегали кормить и чистить своих питомцев. Вскоре их подопечные подросли и окрепли. Квинт мог часами расчесывать медную блестящую шерстку своего зубоскала, полировать коготки, точить зубы, массировать суставы, смазывать мозоли.

— Когда-нибудь ты станешь рыцарским зубоскалом, да, малыш? — приговаривал он, в сотый раз проводя расческой по густой бородке детеныша. Зубоскальчик смотрел на хозяина большими желтыми глазами и ласково урчал. — Самым большим, самым сильным, самым известным зубоскалом в истории Санктафракса.



Квинт посмотрел на колонну, стоящую в центре зала, на ее тяжелых «ветвях» сидело тринадцать рыцарских зубоскалов. В отличие от своих собратьев эти животные имели имена: Фелвикс, Борикс, Демквикс... Каждый был должен, когда придет время, отправиться вместе со своим хозяином в Сумеречные Леса на поиски грозофракса.

Но не все ученики обхватывали зубоскалов так, как Квинт и Фин. Подопечный Вилникса рос хилым, облезлым существом с грустными-прегрустными глазами. Квинт считал, что если бы Вилникс трудился как следует, его зубоскальчик был бы таким же жизнерадостным и бойким, как все остальные. Вилникс, однако, придерживался другого мнения.

— Это не моя вина, — бушевал он. — Глупое животное отказывается от еды! Кроме того, я один должен за ним присматривать! Вы-то помогаете друг другу... Это нечестно.

Квинт понимал, что в словах Подлиниуса есть здравый смысл. Все ученики разбились по парам и тройкам и сообща заботились о зубоскалах. С Вилниксом же никто не захотел иметь дело, таким он был грубым и заносчивым. Впрочем, Подлиниус долго не переживал и попросту перестал наведываться к зубоскальчику. Квинт жалел беднягу и частенько кормил его втихаря.

Но однажды случилось непредвиденное.

Квинт проснулся рано утром в своей келье и потянулся. Руки, ноги, спина болели от постоянной физической нагрузки. Уже три месяца он выхажи-

вал зубоскала и поднимался еще до побудки. Мысль о том, что на факультете Перистых Облаков его ждет голодный питомец, заставляла его покинуть теплую постель и бегом бежать в зубоскальню.

В этот раз, поднимаясь вверх по колонне к своему любимцу, юноша почувствовал, что что-то произошло.

Зубоскалы были необычайно возбуждены, они повизгивали, кричали и носились взад и вперед по раскидистым «ветвям». Сгибаясь под тяжестью железных ведер с кормом, Квинт добрался до своего зубоскальчика, поставил перед ним мясной завтрак и уже собирался кормить подопечного Фина, как вдруг его взгляд скользнул в сторону.

Там, завалившись на бок и тяжело дыша, лежал зубоскал Вилникса. Животное выглядело ужасно, глаза впали, ребра вылезали наружу. Квинт опустился пред бедняжкой на колени и погладил редкую шерстку.

— Ну, ну, малыш, что ты? — ласково прошептал он. — Вот, поешь немного.

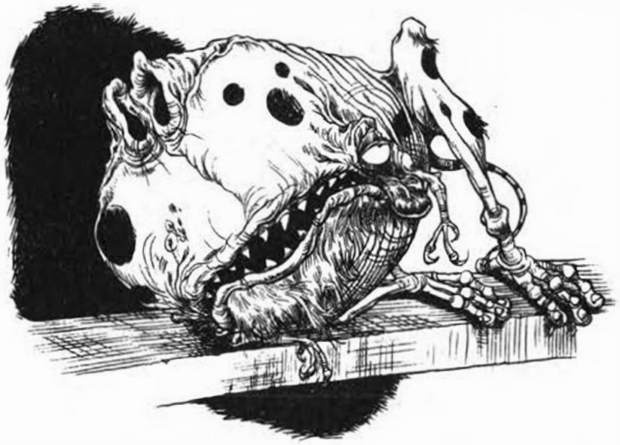
Ноздри зубоскальчика задрожали, тусклые глаза скосились на Квинта. Покачнувшись, зубоскал привстал и разинул рот. Квинт живо положил заморышу в рот свежее мясо, тот жадно проглотил еду, даже не пережевывая, и снова разинул рот. Квинт продолжал кормить малыша с руки.

— Ты совсем оголодал! — сердито воскликнул он. — Ничего, погоди, я еще устрою взбучку Вилниксу Подлиниусу.

— Вилниксу Подлиниусу? — прогремел раскатистый низкий голос, и Квинт, обернувшись, увидел искаженное от ярости лицо Фенвила Вендикса. — Это зубоскал Вилникса Подлиниуса?!

Квинт покраснел. Как же он не заметил декана раньше?

— Профессор, возможно, Вилникс не виноват... — начал было он, не желая подставлять однокашника.



— Животное умирает с голоду! — рявкнул декан, щелкнув по «ветке» тонким хлыстом.

Почувствовав недовольство Вендикса, зубоскалы завыли и зарычали. Профессор сыпал приказы направо и налево, и уже через минуту Квинта и больного звереныша окружили прислужники факультета.

— Все будет хорошо, мы заберем его отсюда, — сказал один из гоблинов, приподнимая зубоскальчика.

— Мы посадим его к старикам и потихоньку выходим, он поправится, — добавил другой, придя на помощь приятелю.

— Удивительно, на курсе всегда находится беспечный лентяй, готовый уморить бедное животное, — пробормотал первый, осторожно спускаясь вниз. — И удивительно, — он бросил сердитый взгляд на Квинта, — другие ученики всегда прикрывают бездельника.

— Держатся вместе, как же! — фыркнул третий с огромной охапкой соломы, присоединяясь к товарищам. — Обычное дело у воспитанников. Так было и будет, ха!

Квинт грустно посмотрел прислужникам вслед. В его душе гнев боролся с чувством вины. Он ужасно злился на ленивого, бессердечного Вилникса, злился на себя, что не остановил однокашника раньше, и в то же время чувствовал себя виноватым в том, что покрывал, и в том, что *сдал* его профессору. Понурив голову, юноша покинул факультет Перистых Облаков в самом мрачном расположении духа.

Погода была под стать его настроению, по коридорам свистал ветер. Поежившись, Квинт побрел вверх по винтовой лестнице и на полпути встретил Фина. Друг несся вниз во всю прыть, его взлохмаченные кудри торчали во все стороны.

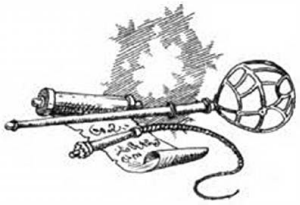
— Квинт! Вот ты где. Никогда не угадаешь, что произошло, — затараторил он, пританцовывая на месте. — Фенвил Вендикс ворвался к нам несколько минут тому назад и вытащил Вилникса из постели прямо за шиворот. Он был вне себя. Кричал, что Вилникс замучил своего зубоскала! Кто-то рассказал все декану, представляешь? Наверное, кто-то из прислуги? Может быть, Тагл? Или кто-то другой? Вилникса все ненавидят! Точно одно, — Фин подхватил Квинта под руку и поволок в трапезную, из которой плыл аромат свежевыпеченных пирогов, — это сделал не ученик.

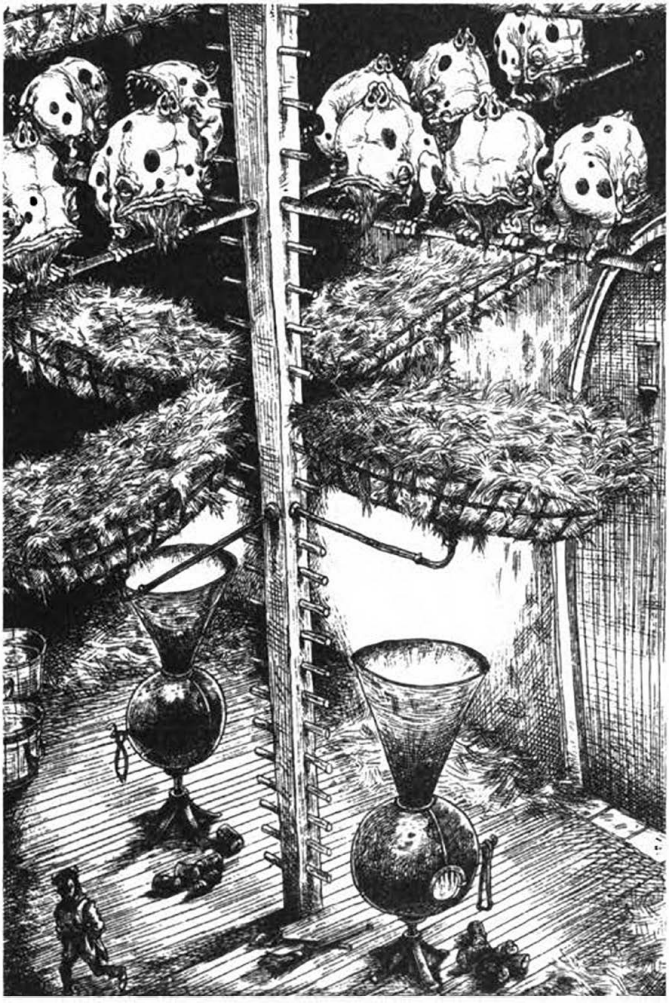
— Почему? — тихо спросил Квинт, чувствуя, что в горле пересохло.

— Такого просто не может быть, — замотал головой товарищ. — Ученики всегда держатся вместе, ты же знаешь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СКРИДИУС ТОЛЛИНКС





олодным, туманным вечером на факультете Перистых Облаков было очень тихо. Большинство «веток» еще пустовало, на остальных, похрапывая, дремали молодые и старые зубоскалы. Особенно громкий храп издавали дюжие рыцарские зубоскалы, не предназначенные, как другие сородичи, для каждодневного утомительного труда. Ярусом ниже мяукали в своих соломенных гнездах маленькие зубоскальчики, только вырвавшиеся из мягкой скорлупы.

Тихо в эти вечера было во всем Санктафраксе. Зима взяла город в холодный плен. Иней толстой коркой покрывал башни и мосты, Санктафракс больше не пел. Вьюги заморозили мелодии метеорологических устройств, снег приглушил разговоры прохожих.

Жаровни на факультете горели ярким фиолетовым цветом, пахло лафовыми ветвями. Эти жаровни установили пару дней назад по приказу Фенвила Вендикса, после того как несколько зубоскалов подхватили насморк и заработали кашель. Тепло доле-

тало до самого потолка, но сквозняк, просачивавшийся сквозь мелкие трещинки и дыры, требовал постоянного добавления хвороста.

— Надеюсь, вам тепло, мешки с потрохами! — горько прокричал чей-то знакомый голос.

Квинт обернулся и увидел шагающего по зубоскальне Вилникса. Подлиниус надел теплое пальто на подкладке из тильдячьей шерсти, натянул толстые штаны, обул высокие сапоги. В таком одеянии Вилникс двигался неуклюже и слегка заторможенно. Подлиниус кулаком погрозил зубоскалам, повернулся, увидел Квинта и зло прищурился

— А, ты здесь, — процедил он. — Пришел проведать своего питомца?

Квинт поднял глаза вверх, на третьей «ветке» с конца дремал его зубоскал, он был уже совсем взрослый, блестящая рыжая шерсть лоснилась от хорошего ухода, Квинт узнал бы его из тысячи других. Как же он все-таки вымахал, гораздо выше других зубоскалов своего помета. Когда-нибудь он станет рыцарским избранником.

— Нет, у него и так все хорошо, — промолвил Квинт. — Правда, Пух? — Я пришел к тебе, Вилникс. Хочешь, я тебе помогу?

После того как Фенвил Вендикс прознал о гнусном поведении Вилникса, он приказал ему каждый день протапливать зубоскальню.

— Отвечаешь за жаровню! — бросил тогда декан без лишних разглагольствований, все недовольство профессор выразил ударом хлыста. Прошли недели,

а шрам на щеке Подлиниуса все еще был багрово-красным. Хлыст у Фенвила Вендикса оказался острее ножа. При взгляде на этот шрам Квинт изнывал от чувства вины, хотя понимал, что случайно выдал однокашника профессору.

Вилникс вздрогнул и отступил в сторону.

— Что ж, будь моим гостем, — проворчал он, прислонившись к колонне.

Квинт засучил рукава и стал забрасывать в жаровню хворост, вязанку за вязанкой. Он старался держаться подальше от огня. Давным-давно в пожаре погибли его мать и старшие братья, с тех пор Квинт всячески сторонился языков пламени.

— А я в тебе ошибался, — протянул Подлиниус, лениво потягиваясь. — Ты не похож на остальных тупых воспитанников. На Тонсора и этого вечно улыбающегося Фина. Все они одинаковы...

— Фин мой друг, — напомнил Квинт, не отрываясь от работы.

— Они делают все, что им скажет неотесанный Фенвил, — продолжал гнуть свое Вилникс. — Но ты, Квинтиниус, другой. Только подумай, меня наказали за то, что мой зубоскал заболел! Это же нечестно!

Квинт закусил губу и кинул в жаркое пламя новую порцию хвороста. Он слышал это уже не раз. Каждый вечер Подлиниус повторял одну и ту же историю.

— Почему меня так не любят? — визгливо спрашивал Вилникс. — Знаю, оттого что я умнее. В этом

дело. Я умнее всех однокашников, рожденных и воспитанных в Санктафраксе. Мой покровитель — сам профессор Тьмы, один из Высочайших Академиков, так-то! Поэтому мне завидуют, отсюда такая ненависть!

Взгляд Подлиниуса ожесточился, и Квинт уже знал, что за этим последует.

— Если только я узнаю, кто донес на меня декану... Я... Я... — Вилникс задохнулся, на его лице отразилась смесь гнева и жалости к самому себе.

— Что ж, — Квинт почувствовал, что краснеет. — Почему бы тебе не пойти на ужин, а я закончу работу. Сегодня обещали бифштекс из ежеобраза.

Вилникс с минуту молчал.

— Да, Квинтиниус, ты не похож на остальных остолопов. Я не забуду этого, обещаю тебе, — развернувшись, он медленно потащился к выходу.

Сходив еще четыре раза в кладовые за хворостом и разогрев жаровню, Квинт понял, что не чувствует под собой ног. Тяжело вздохнув, он опустился на корточки и, не двигаясь, сидел так несколько минут. В таком состоянии и нашел его Раффикс Эмилиус.

— Только не говори, что помогаешь этому жалкому, кислому балбесу! — взмолился он, укоризненно покачивая головой. — Зачем тебе это, Квинт?

— Ну, Вилникс не такой уж плохой, — попробовал отбиться Квинт, поднимаясь на ноги.

— Да? — недоверчиво спросил Раффикс. — А я слышал, что он чуть не заморил голодом своего зубоскала. Ничего удивительного, что Фенвил вышел

из себя. Моя бы воля, я бы выкинул такого из Рыцарской Академии. — Он нахмурился. — Я вот чего не пойму, Квинт. Что ты взялся ему помогать?

— Ученики должны держаться вместе, — тихо произнес Квинт.

— Это все знают, но совсем необязательно отбывать за другого наказание...

— Ты не понимаешь, Рафф. — Квинт вспыхнул от стыда. — Просто я... — Он огляделся по сторонам и, убедившись, что никого нет, сознался: — Я проболтался, что Вилникс не кормил зубоскала. Фенвил услышал мои слова случайно. Из-за меня получается Вилникс ходит со шрамом.

Раффикс заморгал.

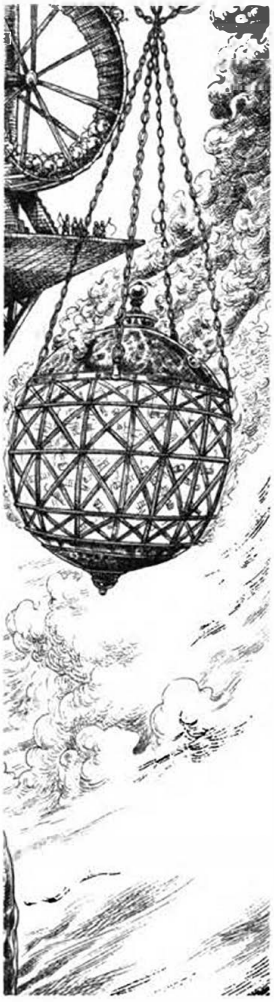
— Ну да, это, конечно, неприятно, но лентяй получил по заслугам. — Он покачал головой. — Теперь я понимаю, почему ты помогаешь Подлиниусу. Ты очень честный человек, Квинт... — Раффикс обнял товарища за плечи. — Послушай, старина, я поговорю с деканом. Посмотрим, может, он сменит гнев на милость и смягчит Вилниксу наказание. Тогда он справится со всем один, а ты в свободное время сможешь поупражняться в верховой езде. Кстати... — Старшекурсник расплылся в улыбке. — Ты не хочешь сегодня покататься со мной?

Квинт не поверил своим ушам.

— На плацу? Ты не шутишь? Пойду оседлаю Пуха!

Раффикс вскинул брови.

— Не вздумай повторить это при Фенвиле, — крикнул он вслед Квинту. — Помни, никаких имен!



Но вот в коридоре послышался шум. После напряженного рабочего дня на факультет возвращались зубоскалы-тяжеловозы. Отворились тяжелые двери, и гоблины в грязных ботфортах и меховых шляпах ввели внутрь уставших, потных зубоскалов самых разнообразных расцветок: рыжих, черных, бурых, серых, пегих и в яблоко. В стаде был даже один альбинос — белоснежный с розовыми глазами. За хвосты и шерстку зубоскалов цеплялись густые колечки тумана.

Стадо возвращалось с топчака Западной Лестницы. День напролет они вращали гигантское колесо из свинцового дерева. Колесо поднимало и опускало с помощью лебедки огромную форсунку, обогревающую летучую скалу, на которой был воздвигнут Санктафракс. Считалось, что это сделает скалу менее летучей.

Квинт тем временем лез по колонне к Пуху. Мимо него устало скакали с «ветки» на «ветку» вернувшиеся на факультет зубоскалы.

Вскоре подоспело стадо с топчака Восточной Лестницы. Весь день оно выполняло ту же работу, обогревая скалу уже с другой стороны. В конце дня нескольких зубоскалов направили в Нижний Город, но и эти должны были с минуту на минуту вернуться. Как бы то ни было, факультет снова загудел.

— Здравствуй, Пух, — улыбнулся Квинт, ласково поглаживая своего зубоскала по носу. — Ты скучал по мне? Пора поразмяться!

Юноша накинул на спину питомца седло из тильдячьей кожи, зубоскал радостно закричал.

Зубоскалы, проработавшие весь день на Восточной Лестнице, уже карабкались на «ветви». После жгучего мороза животным не терпелось погреться на теплых насестах. К слову сказать, именно жаровни Фенвила Вендикса надоумили профессоров Света и Тьмы искусственно обогревать летучую скалу.

Конечно, это было временное решение. Каждый день тратилось огромное количество древесины Дремучих Лесов, а дровосеки с неохотой работали в такой холод.

Корабли Лиги, прорвавшиеся сквозь пиратский кордон, регулярно привозили древесные срубы. Лафовое дерево горело превосходно, но купцы старались брать на топку менее драгоценную древесину. Кроме того, бури легко выводили из строя корабли с пустыми трюмами, и те терялись в открытом небе.

С причалов дерево забирали городские гномы и глыботроги. Погрузив бревна на телеги и повозки, запряженные ежеобразами, они доставляли их на Якорную Площадь Нижнего Города, и на рассвете новая порция древесины отправлялась в форсунку.

Квинт бросил последний взгляд на уставших зубоскалов и снующих с ведрами прислужников.

— Пойдем, Пух, — сказал он, залезая в седло. — Нужно найти в этой суматохе Раффикса.

Проурчав, Пух спрыгнул с «ветки» и приземлился на пол зубоскальни. Там их уже ждал Раффикс верхом на большом буром зубоскале, которого он растил с самого рождения. Друзья вместе отправились на плац.

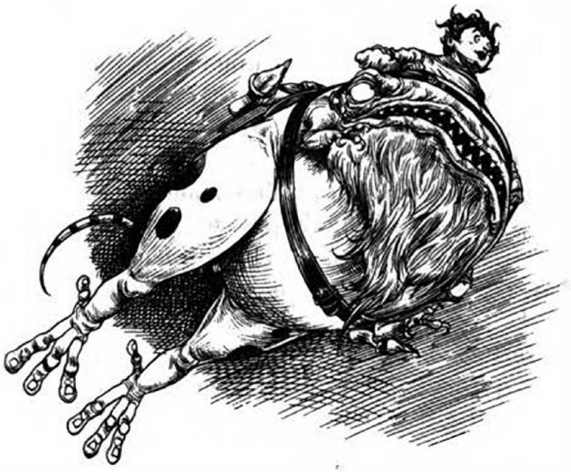
А Квинт-то еще считал, что в зубоскальне холодно. Сильный ветер сразу же ударил юноше в лицо, глаза заслезились, щеки нещадно щипал мороз. Квинт едва мог дышать.

В лунном свете плац напоминал белый свиток. Прямо напротив Ворот Унижения стояли деревянные барьеры в форме деревьев. Здесь наездники тренировали своих зубоскалов, заставляя их совершать прыжки различной высоты и ширины.

— Догоняй, старичок! — воскликнул Раффикс, пуская вскачь своего бурого питомца.

Какое-то мгновение — и веселый старшекурсник был уже в пределах недосягаемости, а на снегу остались глубокие следы огромного зубоскала.

Квинт сунул ноги в стремена и слегка натянул поводья. Он всем телом ощущал под собой мощь



зубоскала, а тот недолго думая оттолкнулся от земли. Западная Стена осталась внизу, ветер шумел в ушах, Квинт не смог сдержать крик.

Внезапно Пух приземлился на «ветку» барьера. На соседней «ветке» на своем зубоскале сидел Раффикс.

— Доверься животному! — закричал откуда-то снизу Фенвил Вендикс, и Квинт плотнее обхватил ногами зубоскала, Пух немедленно пустился вскачь, преодолевая один барьер за другим. — Но не забывай уворачиваться!

— *Ох!*

Прямо перед глазами Квинта мелькнула перекладина. Одна, другая, третья, казалось, Пух никогда не остановится.

— *Ай!*

Зубоскал сделал последний прыжок и застыл. Остановка была такой неожиданной, что Квинт выпал из седла и полетел на землю. Падение замедлили «ветви», Квинту оставалось только кричать:

— *Ай! Ай! Ой!*

Первый урок окончился бесславно, Квинт бухнулся в огромный сугроб. Сверху на него внимательно смотрел Пух. В следующую минуту, небрежно пришпорив своего зубоскала, на землю опустился Раффикс.

— Не повезло тебе, дружище! А ведь уже почти прошел полосу препятствий. Еще чуть-чуть бы и... эх! — Он рассмеялся и указал пальцем на припорошенные снегом Ворота Унижения, стоявшие прямо за спиной Квинта. — Ты вернулся туда, откуда начинал!

— Да, да, очень смешно, — проворчал Квинт, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. — Мне просто нужно потренироваться.

— Ладно, пойду в столовую, — вздохнул Раффикс и озорно подмигнул другу. — Если хочешь, возьму для тебя горячий бифштекс или проскользну на кухню и выпрошу кусок сырого мяса ежеобраза, приложишь потом к синякам!

Раффикс скрылся за поворотом, а Квинт, задрав голову вверх, уставился на своего зубоскала.

— Ко мне, Пух! Ко мне! — позвал он, перекрикивая шум ветра.

В следующий миг задрожал воздух, зазвенели шпоры, и на землю, как молния, спустился облачен-

ный в блестящие доспехи наследный рыцарь на огромном черном зубоскале. Через закрытое забрало на Квинта смотрели два сверкающих глаза.

— Объяснитесь, молодой человек! — прогремел сильный голос, лунный свет нарисовал вокруг головы незнакомца сияющий ореол. Блеск был таким ярким, что Квинту пришлось закрыть глаза руками.

— Я... Я... — начал он заикаться.

— Вы назвали этого зубоскала по имени!

— Д... д... да, — выдавил Квинт, уставившись на свои сапоги. Он слышал, как сверху сердито пищит Пух.

— Разве вам неизвестно, что имена присваиваются только рыцарским зубоскалам?

Квинт смущенно кивнул. Черный зубоскал бил по земле ногой, как будто подтверждал, что хозяин прав.

На широкой уздечке Квинт прочитал вышитое серебром слово «Ванквикс».

Так звали зубоскала Скридиуса Толлинкса. У Квинта закружилась голова. Значит, сейчас он разговаривает с самим Толлинксом — самым известным и бескомпромиссным наследным рыцарем.

— Это потому, что я сам его вырастил. У него с рождения вокруг рта пушок. Потому я его так и назвал. Пух — это прозвище...

— Замолчите! — перебил его Толлинкс. — Чему вас только учат? Здесь, в Санктафраксе, правят небоведы. А это существо, — рыцарь указал на зубоскала, — земного происхождения. Зубоскалы получают имя, только когда полностью готовы к священному полету за грозофраксом! Иначе это пережитки землеведения. Понятно?

Квинт молча кивнул.

Рыцарь открыл забрало, и Квинт увидел суровое, но ни в коем случае не злое лицо.

— Вы еще молоды, — молвил Толлинкс уже гораздо мягче. — И осознали свою ошибку. В нашей почетной академии зубоскалы — всего лишь слуги. Мы терпим их, поскольку они нам нужны. Мой добрый Ванквикс тоже простой слуга. — Он потрепал зубоскала по холке. — Мы принадлежим Небу, отрекаемся от всего земного, — продолжал Толлинкс, не сводя глаз с Квинта, — и ждем дня, когда сможем принести дар Санктафраксу.

— Грозофракс... — прошептал Квинт.

Наследный рыцарь кивнул.

— Да, и скоро грядет Великая Буря. Я чувствую ее приближение. Потому и стоят такие морозы, идет Мать Ветров. Я ждал ее всю сознательную жизнь. И вот она рядом... Когда меня изберут... — он запнулся, — *если* меня изберут, я не подведу наш воздушный город.

Квинт знал, что в Рыцарской Академии есть еще двенадцать претендентов, но Скридиус Толлинкс казался самым достойным из них. Он уже не раз доказывал свою доблесть и отвагу. Квинт внимательно глядел на Толлинкса. А тот будто бы забыл, что разговаривает с молодым воспитанником.

— Я нагоню Великую Бурю, — убежденно говорил он. — Проникну в ее сердце и полечу в Сумеречные Леса. И когда ударит молния, мы с Ванквиксом ринемся вниз и добудем священный грозофракс, даже если тот уйдет под землю! Мы вернемся домой героями!..

Глаза Скридиуса Толлинкса фанатично горели, щеки раскраснелись, как маки.

— Я сделаю это! *Сделаю!*

Бросив эти последние слова, наследный рыцарь развернул своего зубоскала и рысью поскакал через двор к своей одинокой башне.

В Академии было еще двенадцать таких же высоких и одиноких башен, в каждой из них жил такой пылкий наследный рыцарь, как Скридиус, каждый хотел добыть для города грозофракс. Возможно, когда-нибудь Квинт станет одним из них. Квинт знал наверняка одно: если он станет избранным, ему

понадобится рыжий зубоскал с пушком вокруг рта, сидящий сейчас на высоком барьере.

— Ко мне, малыш! — вскричал он, снова задирая голову. — Ко мне, хороший!

Прошло еще три недели. Квинт проснулся на рассвете в дурном настроении. На минуту ему показалось, что время, проведенное на факультете Перистых Облаков, — всего лишь сон. Небо за окном было серое, тихо падал снег.

Многие воспитанники уже проснулись. Сегодня они заканчивали обучение у Фенвила Вендикса и переходили в распоряжение Хакса Востилликса. Квинт встряхнул головой, перед глазами встал грозный образ декана факультета Всех Облаков. Впрочем, Фенвил Вендикс тоже сначала казался ученикам не слишком приветливым. А теперь все воспитанники горячо полюбили его.

Все, кроме Вилникса Подлиниуса. И хотя по просьбе Раффикса Фенвил смягчил ему наказание, Вилникс продолжал всей душой ненавидеть строгого декана.

Но вот распахнулись двери, вошел Фенвил Вендикс, и все внимание Квинта переключилось на него. По традиции декан проходил мимо выстроившихся в шеренгу воспитанников, пожимая всем по очереди руки.

Квинт почувствовал, что дрожит от волнения. Это рукопожатие было знаком уважения декана к молодым ученикам. На факультете Перистых Облаков юношам приходилось порой не сладко, но они прошли все испытания, и теперь декан гордился своими

подопечными. Каждый из них вырастил зубоскала, когда-то маленькие крошки превратились в сильных и мощных верховых животных.

Фенвил пожал руку Квилтису. Настала очередь Тонсора. Следующим декан должен поздравить Фина. Краем глаза Квинт заметил, что, пожимая руку молодого Менделликса, Вендикс слегка улыбнулся одними уголками рта.

Следующим в строю стоял он.

Фенвил Вендикс пристально посмотрел на Квинта, и глаза его просветлели. Юношу потрясла спокойная сила, с которой Фенвил пожал ему руку, пожал как равному. Квинт слегка поклонился, сердце распирало от гордости и восторга.

Не сказав ни слова, декан пошел дальше.

Поздравив еще десятерых воспитанников, он остановился напротив последнего — Вилникса Подлиниуса. Вилникс был бледен, как полотно, но выражение глаз было дерзким.

Фенвил молча протянул непокорному воспитаннику руку.

Вилникс поджал губы, на его лице отпечаталось такое презрение, что казалось, он сам без всякого хлыста ударил декана по лицу. Они молча скрепили рукопожатие и стояли так несколько мгновений, показавшихся каждому вечностью.

Наконец декан ушел.

Как только за ним затворилась дверь, ученики загалдели. Друг спешил обнять друга, поздравить с окончанием курса. Только на Вилникса никто не

обращал внимания, и тот никем не замеченный прислонился к колонне.

— Квинт! Фин! — зазвенел голос Раффикса. — Глядите, кто пришел со мной вас поздравить!

Друзья обернулись и увидели рядом с высоким старшекурсником сияющего Стоупа.

— Стоуп! — закричали хором Квинт и Фин, бросаясь в объятия серого гоблина. Так они кружились по залу, смеялись и улюлюкали. Улучив минутку, Квинт отвел Раффикса в сторону.

— Я хотел поблагодарить тебя за разговор с Фенвилом, — улыбнулся он. — Вилникс, похоже, этого не оценил, но мне стало жить гораздо легче!

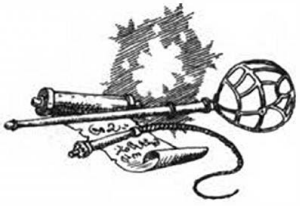
— Не стоит, старина! — рассмеялся Раффикс. — Это Подлиниус должен меня благодарить, а не ты. Ты виноват только в том, что случайно выдал его декану. А он чуть не уморил с голоду зубоскала.

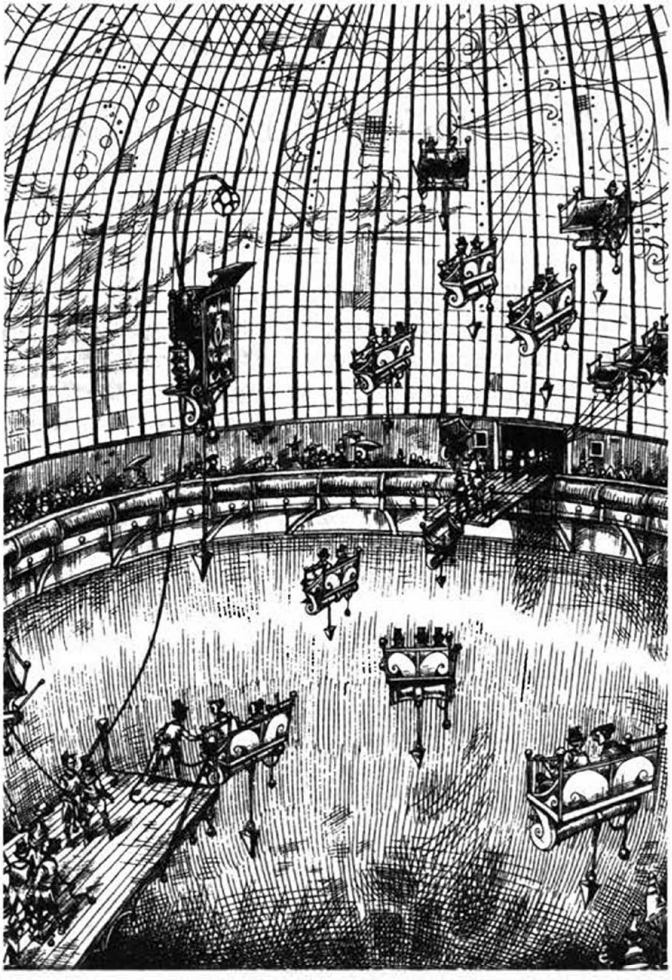
Сбоку раздался какой-то шорох, Квинт обернулся и увидел прячущегося за колонной Вилникса. Его лицо казалось еще белее, шрам алел, как огонь, глаза метали молнии.

— Так это ты донес на меня? — прошипел Подлиниус. — Я не забуду этого, Квинтиниус. Никогда не забуду!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ФАКУЛЬТЕТ ВСЕХ ОБЛАКОВ





екционный Зал факультета Всех Облаков оказался таким же величественным, каким представлял его себе Квинт. Его спроектировал известный зодчий Флакс Картиус. Считалось, что эта лучшая работа мастера затмила красотой Большой Зал Центрального Виадука и башни-близнецов аналитиков Дымки. Шагнув под широкие своды Лекционного Зала, Квинт в который раз понял, как повезло ему и его однокашникам в том, что они зачислены в Рыцарскую Академию.

Пройдя по великолепному дощатому причалу, они увидели знаменитые летающие скамейки и роскошные профессорские ложи. Квинт тут же завертел головой, так хотелось ему разглядеть огромный прозрачный купол.

Стеклянный купол казался хрупким и невесомым, как паутина. Дуги, вырезанные из мягкого лафового дерева, напоминали грациозные арки. Стекло было взято прозрачное, как слеза. Такое умели делать только в эпоху величайших мастеров. Кое-где стекло было затемнено, где-то поражало затейливой

гравировкой. Слушая лекцию, можно было любоваться проплывающими над головой облаками самого разного цвета и размера.

К сожалению, стеклодувные и стеклолитейные секреты давно забылись, хотя некоторые школы Виадука стремились воспроизвести древнее искусство. Но новые стекла можно было отличить от старых невооруженным глазом. Так домотканый шелк отличен от тонких нитей шелкопряда, медовуха — от вина, добротное — от прекрасного.

— Эй, не спи! — Голос Фина вернул Квинта с небес на землю.

И хотя друг говорил тихо, его слова эхом разлетелись по Лекционному Залу. Они уже подошли к самому краю причала, площадь пола оказалась гораздо меньше диаметра купола. Квинту показалось, что они в центре огромного яйца.

Акустика в зале была превосходной, даже тихо сказанное слово разносилось гулким эхом. Шептаться здесь нужно было с оглядкой, чтобы личный разговор не подслушали праздные уши. Даже сейчас Квинт слышал обрывки чужих фраз.

— Декан факультета Всех Облаков...

— Слышал, будет важный доклад...

— ...о погоде...

— ...о времени...

Оратор еще не поднялся на кафедру, поэтому гул и шепот доносились со всех сторон. Академики и профессора Рыцарской Академии в длинных темных одеждах сидели в креслах бельэтажа, бегущего по

периметру Лекционного Зала. Приглашенные ученые из Школы Света и Тьмы, Колледжа Облаков, Школы Дымки, Академии Ветра и других престижных институтов Санктафракса занимали верхние ложи. Ученики Верхних и Нижних Палат размещались на плавающих в воздухе скамейках, одна из таких остановилась рядом с Квинтом, Тонсор и Фин уже заняли на ней свои места.

— Не раскачивайте, — попросил Квинт и осторожно опустился на сиденье рядом с друзьями. Теперь предстояло разобраться, как управлять грузиком из свинцового дерева.

Процедура была проста, воспитанники усаживались на скамейки по двое, по трое, иногда даже вчетвером и вертели грузик, пока скамейка не поднималась на нужную высоту.

Сиденья были такими удобными, что малейшего движения было достаточно, чтоб развернуть их в любом направлении, поднять вверх, опустить вниз. Освоившись, ученики принимались соперничать друг с другом в попытке занять самое лучшее место в зале.

— Смотри куда летишь! — крикнул Фин вслед пронесшейся мимо скамейке, выбившей их из равновесия.

— Прочь с моей дороги, — огрызнулся в ответ Вилникс Подлиниус, сидевший на ней в полном одиночестве.

Не обращая внимания на грубость однокашника, Квинт поправил грузик, и скамейка поплыла ввысь, откуда открывался лучший обзор.

Вот в дверях появился Хакс Востилликс в сопровождении хмурого главного привратника Дексиеля Ксексиса. На декане были роскошные шелковые одежды, отороченные мехом лемкина и расшитые болотным жемчугом. Подняв вверх тяжелый черный посох, он призвал аудиторию к молчанию. Так в полной тишине декан факультета Всех Облаков поднялся на летучую кафедру.

Дексиель Ксексис ловко отрегулировал грузики, и кафедра медленно поплыла вверх. Хакс Востилликс остановился в самом центре Лекционного Зала, отсюда его могли отлично видеть и профессора и ученики. Декан с грохотом опустил посох, лекция началась.

— Уважаемые члены Рыцарской Академии... — разлетелся по залу его зычный, раскатистый голос. Профессора, воины-академики и на-

следные рыцари приветствовали его поклонами. Остальные деканы — закованный в доспехи Филиус Эмбертин, маленький, сухопарый древесный гоблин Арборетум Сиклбау, подтянутый и грозный Фенвил Вендикс — коротко кивнули коллеге.

— Гости из семи почетных школ... — Хакс пробежал взглядом по верхним ложам, профессора и академики польщенно заулыбались. Востилликс улыбнулся в ответ какой-то волчьей улыбкой, которая, правда, мгновенно исчезла с его лица.

Еще до начала лекции Хакс Востилликс приказал очистить купол от снега, теперь казалось, что стекла нет вообще, таким оно стало прозрачным. Декан посмотрел на небо, все проследили за его взглядом.

— Обратите свои взоры к небу, мои ученые друзья, разглядите облака, — продолжил декан. Летучие скамейки встали под углом, воспитанники уставились на купол. — Изучите их плотность, завитки, кучность...

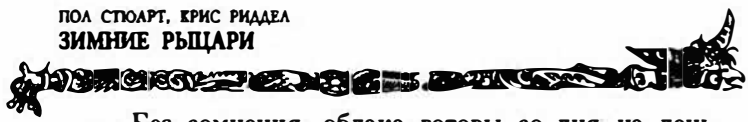
Квинт взглянул на грозные тучи и попробовал прочитать логарифмы и уравнения, выгравированные на стекле. Несколько минут в зале стоял напряженный шепот.

— Три восьмых облачных слоя приравниваются к...

— Видимость в тумане равна одной десятой, помноженной на...

— Туманное неизвестное...

Хакс Востилликс продолжил свою речь:



— Без сомнения, облака готовы со дня на день разрешиться. Я произвел все необходимые вычисления. И это еще не все. — Декан выдержал паузу и указал на ложу для гостей. — Наши коллеги из Школы Дымки сообщили, что облака богаты кислыми частицами.

Аудитория взорвалась криками. Квинт разобрал «Спасибо Небесам!» и «Да будет благословенно Небо!».

— Вы правильно поняли меня, — старался перекричать академиков Востилликс. — Облака — посланники Великой Бури.

Лекционный Зал утонул в море радостных голосов. Профессора и ученики бросали в воздух треуголки, воины-академики громыхали мечами, в ложе деканов Квинт заметил не кого иного, как счастливого Скридиуса Толлинкса, сотрясающего руку Филиуса Эмбертина.

Хакс поднял посох, и постепенно крики стихли. Квинт посмотрел на декана факультета Всех Облаков, и его поразило выражение ярости на лице ученого.

— Помните ли вы день, когда землеведы были изгнаны из Санктафракса? Помните ли вы, почему небоведы приняли много лет назад такое решение? Тогда нашей священной скале угрожала опасность. Такая же, как нависла над Санктафраксом сегодня. И что же сделали землеведы, чтобы предотвратить ужасное?

Он умолк, безумные глаза горели, как угли.

— Они решили искать помощь в Дремучих Лесах! Глупцы! — выпалил он, ненависть сквозила теперь

в каждом слове декана. — Они даже не желали слушать нас, небоведов. А мы уже тогда утверждали, что только Небо может спасти Санктафракс. И были правы! Священный грозофракс, рожденный Великой Бурей, спасает нас уже не одно десятилетие. И знаете, мои дорогие коллеги...

Хакс понизил голос и хмуро оглядел аудиторию:

— Сейчас великие Небеса снова желают устроить нам проверку. В свое время во имя будущих поколений ученых мы были вынуждены изгнать прочь всех землеведов без исключения. Сегодня Небеса требуют от нас таких же решительных действий!

По ложам пробежал ропот. Фин незаметно толкнул Квинта в бок.

— Эй, друг, — прошептал он. — Посмотри на Вилникса. Он прямо зачарован речью Хакса.

Квинт посмотрел на соседнюю скамейку. Вцепившись в сиденье так крепко, что побелели пальцы, Подлиниус неотрывно смотрел на декана факультета Всех Облаков.

— Он тебе никого не напоминает? — усмехнулся Фин.

Квинт перевел взгляд с Вилникса на Хакса и обратно.

— Хакса Востилликса, — прошептал он.

И правда, на лице Вилникса запечатлелась та же глубокая ненависть и ярость, что и у Хакса.

— Ему бы еще бороду и эти роскошные одежды! — хихикнул Фин.

— Землеведение еще не стерто с улиц Санктафракса! — вопил декан, брызгая слюной. — Землеведы спрятались, но не исчезли, они шепчутся по углам, ждут возможности снова захватить власть в свои грязные руки. Они даже поразили своей заразой Рыцарскую Академию!

Крики «Нет!» и «Этого не может быть!» заглушили слова декана.

— Нет, это правда, мои дорогие небоведы, — не унимался Хакс. — Враги здесь, в Академии, забивают своими вредными идеями головы молодых воспитанников!

Недовольные возгласы и свист сердитой толпы уже было невозможно остановить. Хакс улыбался, его речи возымели действие.

— До тех пор пока среди нас остается хотя бы один землевед, грязная наука не сгинет с чистого лица Санктафракса! — Глаза декана факультета Всех Облаков приобрели стальной оттенок. — Предыдущий Высочайший Академик, несмотря на все мои петиции и обращения, отказался снести Большую Библиотеку. И по сей день этот символ землеведения существует в нашем городе. Хранящиеся там свитки, об опасности которых вы, мои друзья, конечно, догадываетесь, будут и дальше вдохновлять глупцов и предателей на изучение вредных теорий. Я повторяю: если мы не пройдем второе испытание Небес, у Санктафракса нет будущего.

Аудитория негодовала. Достопочтенные ученые сотрясали кулаками, выкрикивали ругательства. Квинт

обратил внимание на то, что Вилникс шумит больше всех. Глаза Подлиниуса сделались узкими, как щелочки, на лице не было ни кровинки, руки дрожали.

Квинт отвернулся. Отец уже рассказывал ему о силе толпы, предупреждал о хитрых подстрекателях

и наставлял держаться подальше от тех, кому кружит голову шальная слава бунтаря. Хакс только что нелестно отозвался о предыдущем Высочайшем Академике Линиусе Паллитаксе, отце Марис. Квинт твердо знал, что его покровитель, несмотря на все допущенные промахи, желал Санктафраксу только добра.

Да, Линиус сохранил Большую Библиотеку. Но почему? Да, потому что всем сердцем верил в разумность

знаний, понимал, что предшественники могут многому научить следующие поколения; и мечтал, что когда-нибудь землеведы и небоведы объединятся вместе на благо Санктафракса. Кроме того, Квинт лично знал Высочайшего Библиотекаря Бунгуса Септрилла, мудрого хранителя землеведения, который пожертвовал своей жизнью ради спасения Марис. Разве мог Квинт согласиться с Хаксом?

К сожалению, никто не разделял его настроения. Быть может, только три декана, мрачно взирающих на беснующуюся толпу.

— Взгляните на Небеса! — провозгласил Востилликс, в очередной раз поднимая над головой посох. — Они испытывают нас! Готовы ли вы доказать свою преданность небоведению, как когда-то это сделали ваши деды?

Все глаза устремились к небу. Уже стемнело, но лампы еще не зажглись. Темные грозовые тучи заволокли прозрачный купол.

— Да! — проревели в ответ академики.

— Вы готовы очистить Рыцарскую Академию от поклонников землеведения? — гремел Востилликс.

— Да! Да! Да! — гудела толпа.

Квинт беспокойно заерзал на стуле. Внезапно он заметил, что деканы поднялись с кресел и идут к выходу. Удивительно, выход из ложи им преградили привратники.

— Оставайтесь на месте! — грубо приказал деканам Дексиель Ксексис.

Хакс во второй раз за лекцию ехидно ухмыльнулся.

— Арборетум Сиклбау, декан факультета Грозовых Туч... — завопил он, прищурившись. — Отрицаешь ли ты свое увлечение землеведением?

— Конечно, отрицаю! — отрезал древесный гоблин. — Это нелепые домыслы!

— Значит, ты отрицаешь то, что хранишь в своих покоях свитки из Большой Библиотеки? — Брезгливо держа двумя пальцами пожелтевшие листы, Хакс продемонстрировал их залу.

— Это всего лишь пособия по свиномордам, — попытался оправдаться Сиклбау. — Здесь рассказывается об их бойцовских качествах. Совершенно безобидная информация. Все знают, я большой любитель пари...

— Безобидная информация? — взревел Хакс, с грохотом опуская кулак на кафедру. — Безобидная? Неуемный азарт разорил тебя, желая разбогатеть, ты презрел Небеса! Вот пример того,

как коварное землеведение поражает самые блестящие умы!

Арборетум понурил голову.

— Я и не думал, что зайду так далеко. Мне просто не везло в игре. Я решил, что если узнаю побольше об этих животных, то...

— Ты — позор Рыцарской Академии! — перебил древесного гоблина Хакс Востилликс и медленно перевел взгляд на Фенвила Вендикса. — А вот и наш декан факультета Перистых Облаков...

Фенвил храбро выдержал колючий взгляд обвинителя, только крепче сжал в кулаке хлыст.

— Фенвил Вендикс, отрицаешь ли ты свое поклонение землеведению?

— Отрицаю, — отчеканил декан факультета Перистых Облаков.

— Отрицаешь ли ты, что поставил жизнь зубоскала выше чести воспитанника Рыцарской Академии?

— Отрицаю! — гаркнул Фенвил Вендикс.

Хакс, конечно, говорил о Вилниксе Подлиниусе, который поспешил встать с места и теперь торжествующе смотрел на побледневшего декана.

— Значит, ты отрицаешь, что прилюдно ударил этого достойного юношу плетью за то, что его зубоскал оказался немощным?

Плеть в руке Фенвила дрогнула, он ничего не ответил.

— Вот пример того, как приверженность землеведению и любовь к отродью земли заставила учителя

поднять руку на ученика. Повторяю, на ученика! Наше будущее, нашу надежду! — возопил Хакс, а зал вторил ему: «Позор! Позор!»

— Да, Фенвил Вендикс, ты — позор Рыцарской Академии! — заключил Хакс Востилликс.

— Ну, хватит! — не сдержался декан факультета Кучевых Облаков Филиус Эмбертин. Его голос был твердым и глубоким, уже не таким безжизненным, как обычно. — Я протестую!

— А, великий Филиус Эмбертин, вот мы дошли и до тебя. — В голосе Хакса засквозила горечь, лицо исказила гримаса боли.

Лекционный Зал притих. Каждый здесь знал, что Филиуса Эмбертина упрекнуть не в чем. Он был самым старым и самым прославленным членом Рыцарской Академии. Дважды он пускался в опасную экспедицию в Сумеречные Леса, дважды возвращался домой с грозофраксом, в одиночку спасая летучую скалу небесных ученых.

Квинт озадаченно глядел на Филиуса Эмбертина. Этому нечего предъявить. Или есть?

— Даже ты, — простонал Хакс, — не избежал заразы землеведения.

— Что?.. Я не понимаю, о чем речь? — Филиус выглядел одновременно озадаченным и смущенным.

— С большим прискорбием вынужден сообщить вам, дорогие коллеги, что наш всеми любимый Филиус Эмбертин пренебрег целым рядом священных законов, — печально проговорил Востилликс. — Высочайшие Академики пребывают в растерянности. Не знаю

даже, что повлияло на рассудок декана, опаснейшие путешествия или миражи Сумеречных Лесов...

— Чепуха! Филиус Эмбертин пребывает в здравом уме! — Вперед выступил Скридиус Толлинкс, глаза Рыцаря-Академика горели истовым негодованием. — Это какая-то ошибка...

— Мне бы тоже хотелось так думать, — покачал головой Хакс. — Уж поверьте мне. Но перед тем как наш храбрый и доблестный Скридиус Толлинкс ринется на защиту своего покровителя, позвольте представить вам неопровержимые доказательства. Нам стало известно, что Филиус Эмбертин приказал двум кузнецам подкупить стражу Сокровищницы, чтобы те в обмен на прекрасные кирасы передали ему несколько осколков грозофракса. Возможно, декан желал получить хоть частицу того, что добыл тяжким трудом, возможно, он хотел на склоне лет еще раз увидеть прекрасные камни. Кто знает? Быть может, Филиус Эмбертин вернул бы грозофракс обратно в Сокровищницу... — Хакс покачал головой. — Какие мысли могли возникнуть в больной голове потерявшего рассудок декана?..

— Нет, это неправда, все было не так! — вскричал Филиус Эмбертин, бросаясь к краю ложи. — Вы не понимаете...

— О, я прекрасно понимаю, — неожиданно резко ответил Хакс Востилликс. — *Это* дает мне ответы на все вопросы!

Он продемонстрировал собравшимся свежий бумажный свиток, испещренный убористым почерком.

ФАКУЛЬТЕТ ВСЕХ ОБЛАКОВ

— Капитан Сигборд сегодня утром решил все же пойти навстречу следствию и написал признание, — объявил Востилликс, очевидно, очень довольный собой. — Спидиус Кучевал и Клод Грязикад тоже оказали добровольное содействие. В ваших покоях, декан, был проведен обыск, и в шкатулке нашелся разыскиваемый грозофракс. Должен сказать, что присутствующие при обыске Высочайшие Академики были столь же поражены, сколь и я!

— Да послушайте же... — простонал Филиус, повалившись на колени. Его лицо стало серым под цвет доспехов.

— Кроме того, изучив ваши личные бумаги, мы нашли множество свитков из Большой Библиотеки. Немудрено, что вы лишились рассудка.

— Ты глупец, Хакс Востилликс, — выпалил Филиус Эмбертин. — Слепой глупец. В этих свитках хранятся... ответы... на...

— Молчать! — взревел Востилликс. — Филиус Эмбертин стал позором нашей Рыцарской Академии! Привратники, уведите его. Уведите их *всех*!

Привратники обнажили мечи, но Скридиус Толлинкс оказался проворней.

— Скридиус Толлинкс! — прогудел Хакс Востилликс, свесившись с кафедры. — Прежде чем выступить против меня, вспомни кое о чем!

— О чем же? — Скридиус обратил к Хаксу негодующий взгляд.

— Грядет Буря, Санктафраксу понадобятся талантливые Рыцари-Академики. Подумай об этом.

Скридиус с минуту смотрел на декана факультета Всех Облаков, затем перевел взгляд на своего сгорбленного покровителя. Как будто бы прочитав мысли своего ученика, Филиус Эмбертин кивнул головой. Скридиус опустил меч и отвернулся. Привратники вывели деканов из ложи.

— Мои друзья небоведы! Началась Большая Чистка! — провозгласил Хакс Востилликс. — Мы *спасем* Санктафракс!

Откинувшись на скамейку, Квинт с грустью слушал радостные крики профессоров и учеников. Ему уже не так хотелось стать Рыцарем-Академиком.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕТРОВ»

елескоп в руках профессора Тьмы противно заскрипел.

— Ничего не могу поделать, мой друг, — пожаловался он профессору Света, который уже несколько минут ждал его на винтовой лестнице Обсерватории Лофтуса. — Проклятый механизм замерз, и теперь мне даже не поменять фокус.

Постучав по обледенелой линзе кулаком, профессор, кряхтя, поднялся со стула и поплелся вниз.

— Не нравится мне все это, — покачал головой профессор Света. — Конечно, кислые частицы — верный признак Великой Бури, но форма облаков... — Он покачал головой. — Слишком уж они плотные и медленные. Да и густота дымки не вызывает у меня доверия...

— У меня тоже, дорогой друг, — согласился профессор Тьмы. — У меня тоже. Однако нашего уважаемого коллегу декана факультета Всех Облаков это, похоже, не смущает. А все школы и факультеты слушают только его.

— Власть толпы, — хмуро заметил профессор Света. — Одна половина академиков ищет — в Санктафраксе землеведов, вторая ждет Бури...

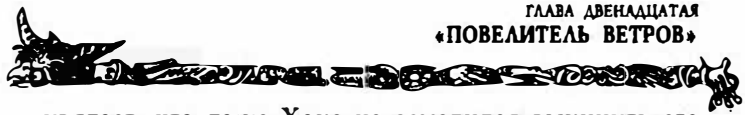
— А Хаксу Востилликсу только этого **и надо,** — тяжело вздохнул профессор Тьмы. — Я думал, **Лиииус** Паллитакс, упокой Небеса его душу, **сможет** снова объединить землеведов и небоведов.

— Кстати о землеведах, — понизил голос профессор Света. — Как там наши деканы?

— Ты хочешь сказать, отставные деканы, мой друг, — ответил профессор Тьмы. — Фенвил Вендикс теперь работает на форсунке Западной Лестницы. Не может перенести разлуку с любимыми зубоскалами. Хакс велел привратникам выкинуть его немедля, если он покажет нос в Санктафраксе. Арборетум, бедняга, бежал в Нижний Город. Оказывается, он по уши в долгах. Некоторые профессора из школ Виадука до сих пор его ищут.

— А Эмбертин?

— О да, Филиус. Вот это и вправду грустная история, — покачал головой профессор Тьмы. — Он слег в постель, до сих пор продолжает отрицать свою вину. Бедняга так быстро



увядает, что даже Хакс не осмелился выкинуть его прочь. Плохи дела, — пробормотал профессор, ступив на последнюю ступеньку. — Очень плохи.

— Послушай меня, — сказал профессор Света, выходя следом за другом на заснеженную улицу. — Хакс Востилликс сейчас считается спасителем Санктафракса, но если он ошибается и Великой Бури не будет, академики быстро ополчатся против него.

В эти дни декана Всех Облаков на факультете было не застать. Квинт лениво откинулся на спинку летучей скамьи.

Рядом с ним корпел над исписанной, покрытой кляксами рукописью Фин.

Бедный Фин. Квинт невольно улыбнулся. Облаковедение дается ему с таким трудом.

— Знаешь, — прошептал Фин на ухо другу, — если бы я хотел провести жизнь, глядя на облака, то остался бы в Академии Ветра. Там, по крайней мере, можно спокойно болтать.

— Тише, — зашипел на него Квинт. — Вдруг кто-нибудь услышит?

Этот кто-нибудь был Вилникс Подлиниус, парящий на скамейке под самым куполом, как всегда, в полном одиночестве. Однокашники избегали его общества не только в Лекционном Зале, но и в трапезной, и на прогулках.

Впрочем, Вилникса такой поворот дел вполне устраивал. Он был слишком занят обхаживанием Хакса Востилликса в минуты его редкого появления

на факультете, в остальное время он наушничал и с радостью доносил на товарищей, сказавших по рассеянности неосторожное слово. Многие были настолько уверены, что Подлиниус хочет уличить их в пристрастии к землеведению, что вообще молчали в его присутствии. Квинт надеялся, что Вилникс не зашел так далеко, но все же остерегался говорить при нем лишнее.

Каждый день профессора факультета приходили читать новые лекции. Каждое новое уравнение было длинней, каждая новая формула — сложней. Глядя на купольную гравировку, воспитанники учились определять плотность, направление полета и скорость движения облаков. По окончании теоретической части класс должен был перейти к практической навигации. А здесь было важно учитывать все: силу ветра, валовые приливы, движение тумана. А потому дни напролет, позабыв про игры и забавы, ученики записывали трудные теоремы, решали нерешаемые задачи.

Свободного времени не оставалось. Воспитанники поднимались на рассвете и возвращались в кельи ближе к полуночи, когда на Санктафракс уже спустилась тьма и вместе с ней новые облака.

Если Фину было отчаянно скучно наблюдать за небесными явлениями, то Квинт, напротив, полюбил загадочную красоту неба. Иногда ему даже хотелось никогда не покидать Лекционный Зал и сутками глядеть сквозь стеклянный купол. Так с каждым днем узнавая все новое и новое об облаках, задавая

вопросы преподавателям Квинт понял, что в словах Хакса Востилликса существует неточность.

Однажды в конце лекции профессора Грейдела Флакса Квинт поднял руку.

— Профессор Флакс, — заговорил он, — у меня возник вопрос... о Великой Буре... — Некоторые воспитанники захихикали, Фин напрягся. Вопросы разрешалось задавать только с позволения профессора. Профессор удивленно уставился на дерзкого юношу.

— Плотность тумана слишком высока, — продолжил Квинт. — И, по моим вычислениям, занос недостаточно силен, чтобы утверждать пришествие Великой Бури. Я знаю, что всего лишь ученик, но все же...

— Никаких «но», Верджиникс! — прогремел на весь зал грозный голос. — Как осмеливаетесь вы оспаривать слова декана факультета Всех Облаков?

Парящие скамейки закачались и застучали друг о дружку, когда весь класс обернулся и увидел на длинном причале разгневанного Хакса Востилликса. Лицо декана выражало крайнюю усталость, а шелковые одежды были такими измятыми, словно он спал не раздеваясь.

— Профессор Флакс, — рявкнул Хакс Востилликс, — что это за лекция, где воспитанник может в любую минуту выкрикивать всякие глупости?

Кафедра с Грейделом Флаксом опустилась вниз, и декан, отстранив профессора, взошел на нее и взлетел под купол.

— Ну, кто-нибудь из вас может ответить дерзкому юнцу? — Востилликс пытливо оглядел класс.

— Позвольте мне, декан, — льстиво пропел Подлиниус. — Как вы уже объясняли, повышенное содержание кислых частиц в воздухе ясно говорит о зарождении Великой Бури. И несмотря на некоторые отвлекающие моменты, как то: снежные заносы и ледяные корки, Великая Буря грядет, да благословят ее Небеса! — Вилникс прищурился. — Сомневаться в этом могут только землеведы!

Подлиниус умолк, а по Лекционному Залу пробежал шепот, Квинт слышал, как однокашники испуганно повторяют слова Вилникса, и искренне пожалел о том, что задал свой вопрос.

— Отлично, молодой Подлиниус! Отлично! — воодушевился Хакс. — Великая Буря неизбежна! — Но слишком уж неестественно и напряженно улыбался ученый, как будто был сам не уверен в своих пламенных речах. — Урок окончен, все могут быть свободны. — А вы, Квинтиниус Верджиникс... — Он оценивающе поглядел на Квинта. — Профессора говорили, что вы умны. — Востилликс нахмурился. — Я надеюсь, достаточно умны, чтобы не верить речам землеведов...

— Нет... нет... декан, — пробормотал Квинт. — То есть... да, конечно...

— Тогда в следующий раз думайте, что говорите! — Востилликс развернул кафедру, и та плавно заскользила вниз к причалу.

Квинт стал собирать бумаги, но вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, он увидел Грейдела Флакса. На тонких губах профессора играла едва

заметная улыбка, неожиданно Флакс подмигнул своему ученику. Квинт понял, что не одинок в своих сомнениях и тревогах.

А тем временем в одной из тринадцати высоких башен у раскрытого окна стоял Скридиус Толлинкс. Мимо него проплывали серые тучи, за последние три недели пурга несколько стихла.

Зеленые глаза Толлинкса скользили по небу, отмечая каждую даже малюсенькую деталь. Скридиус втянул носом воздух. Да, в воздухе и правда скопилось великое множество кислых частиц. Но что-то не так. В чем дело? В плотности ли тумана? В скромном заносе? Он покачал головой. Отчего так сжималось его храброе сердце, что чувствовало оно?

Больше всего Скридиусу хотелось посоветоваться со своим другом старым Рыцарем-Академиком Филиусом

Эмбертином. Он-то уж бы наверняка понял, что творится с погодой... Но Филиус сейчас лежал в своих покоях на факультете Кучевых Облаков в тяжелом бреду, призывая своего давно покинувшего свет зубоскала и вспоминая вслух полеты в Сумеречные Леса за грозофраксом.

Нет, Скридиус должен положиться на Хакса Востилликса, нравится ли ему это или нет. Хакс утверждает, что скоро разразится Великая Буря, и Скридиус всем сердцем желает в это поверить.

Он отошел от окна и стал неторопливо облачаться в сияющие доспехи. Этот ритуал повторялся изо дня в день. Сначала надевался трубный механизм — закреплялись клапаны, закручивались шарниры. Потом накладывались смазанные маслом наручи и поножи. Наконец, трубный механизм закрывался блестящими кирасами, а голову увенчивал тяжелый шлем.

Закрыв забрало, Скридиус отчетливо услышал свое дыхание, мир сквозь линзы стал золотистого медового цвета.

Теперь предстояло спуститься вниз по трем сотням семидесяти двум ступеням, оседлать Ванквикса, выехать на плац, проскакать галопом до Большого Зала и дождаться колокольного звона.

Три недели назад Высочайшие Академики произвели его в рыцари, благословив знаменитым церемониальным мечом. Теперь Скридиус настоящий Рыцарь-Академик!

Оставалось только дождаться удара колокола. На другом конце Виадука Толлинкса ждал небесный

корабль «Повелитель Ветров». А Великой Бури все не было и не было.

Добравшись до Большого Зала, Скридиус поднял забрало и с грустью посмотрел на небо. Быть может, *это* произойдет сегодня...

— Я готов,— страстно прошептал он, и ветер унес его слова ввысь.— Когда бы ты ни пришла, я готов.

Гулкий звук пронесся над воздушным городом, звук, которого раньше в Санктафраксе не слышали, звук, который в Санктафраксе никогда не забудут.

Сначала показалось, что задрожал воздух, затряслась скала. Чернильницы и перья посыпались с парт, и ученики едва успели подхватить их прежде, чем те разбились о круглые стены.

Небо потемнело, а гул превратился в рев. Рев шел сверху, из самого сердца небес, он проникал в Лекционный Зал, пугал воспитанников.

Квинт вздрогнул и зажал уши руками.

Тем временем рев перешел в визг, как будто тысячи небесных духов атаковали Санктафракс, и когда визг стал невыносимо громким, содрогнулась земля, закачались здания, и замерзающие академики всех школ и институтов повалились на колени, моля Небеса о пощаде.

И когда Квинт уже больше не мог слышать пронзительного, холодящего кровь звука, что-то произошло. Тишина наступила также внезапно, как была прервана. Как туман нависла она над летучей скалой.

Всклокоченный Хакс Востилликс ворвался в Лекционный Зал и воздел к небесам руки. Взглянув вверх, Квинт увидел над Санктафраксом огромную тучу, поглощающую другие маленькие облака.

— Великая Буря! — вопил декан факультета Всех Облаков.— Она пришла! Да будут благословенны Небеса!

В следующий миг раздался переливчатый колокольный звон.

— Колокол Большого Зала! — воскликнул кто-то.

— Бьет колокол!

В один миг Рыцарская Академия превратилась в большой муравейник. Хлопали двери, жужжали голоса, слышался громкий топот. Профессора, воины-академики, слуги сломя голову носились по лестницам и коридорам. Натягивая шапки-ушанки, накидывая плащи и капюшоны, толпа текла бесконечным потоком через огромные распахнутые двери. На улице звон колокола казался еще громче.

Квинт и Фин, подхваченные ватагой однокашников, торопливо наматывали шарфы и застегивали теплые плащи.

— Что с тобой, Квинт? — спрашивал Фин, перекрикивая шум. — Пришла Великая Буря, разве ты не взволнован?

В следующий миг они под натиском толпы вылетели во двор, как пробка из бутылки. Снег приобрел удивительный охровый оттенок, а в воздухе витал непонятный аромат. Немного горьковатый, теплый, как жареный миндаль.

— Понимаешь... эта туча... — ответил Квинт, не сводя глаз с неба. — Что-то в ней не так...

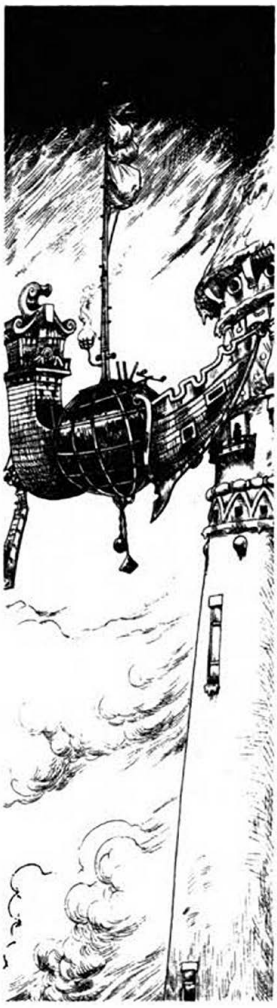
По занесенным снегом улицам Санктафракса было нелегко бежать, но друзья упрямо спешили вперед по Ступеням Виадука. Многотысячная толпа стекалась со всех концов воздушного города в одну точку.

Миновав Восточную Лестницу, они услышали скрип огромного колеса, в котором безустанно ходили взад и вперед зубоскалы и свиноморды. Протиснувшись между Обсерваторией Лофтуса и соседней с ней академией, друзья оказались на широкой площади, откуда открывался вид на весь Виадук.

— Квинт, иди сюда, старина! — позвал кто-то.

Обернувшись на голос, Квинт увидел забравшегося на высокий постамент Раффикса в шапке-ушанке из тильдячьего меха.

Работая локтями Квинт и Фин стали пробираться к приятелю сквозь волнующуюся толпу. Протянув руку, Раффикс по очереди затащил их на постамент. Оглядевшись, Квинт охнул. Над Обсерваторией Лофтуса парил грациозный небесный корабль.



— Нравится? — усмехнулся Раффикс.

— Он великолепен, — пролепетал Квинт, восхищенный красотой корабля.

— «Повелитель Ветров», — Раффикс весело улыбнулся. — Прекрасное название для небесного корабля! А вот идет его хозяин!

Загремели фанфары, и на балкон Обсерватории верхом на Ванквиксе выехал облаченный в сияющие доспехи Скридиус Толлинкс.

При виде блестящего выпускника Рыцарской Академии — надежды и оплота Санктафракса — толпа зашлась радостными криками. Скридиус Толлинкс выглядел так внушительно, что Квинт даже забыл про свои сомнения.

А туча тем временем становилась все шире и могучей. Дул резкий ветер, с неба все сыпались и сыпались снежинки.

Скридиус подъехал к кораблю, у трапа ждал обез-

умевший Хакс Востилликс, его белая борода развевалась на ветру, как знамя.

— Грядет Великая Буря! — воскликнул декан, тыча вверх указательным пальцем.

Скридиус поднял забрало, зеленые глаза поглядели на тучу. Она медленно ползла по небу, чувствовалось, что внутри зарождается круговорот. Но плотность оставалась высокой, в глубине не было и намека на молнию, зато снег шел все сильней.

— Чего же ты ждешь? — вопрошал Хакс Востилликс, подпрыгивая на месте. — Это Великая Буря, ты не должен ее упустить!

Скридиус посмотрел декану в глаза, ветер подхватил его тихие слова:

— Я не подведу.

Скридиус натянул вожжи, и Ванквикс запрыгнул на борт корабля. Люди внизу, прикрывая рукой глаза от снега, кричали слова напутствия. Эти крики только усилились, когда Скридиус спешился и стал один за другим поднимать паруса. Наконец был отдан швартовый, и «Повелитель Ветров» воспарил в небеса.

— Желаем небесной скорости!

— Возвращайся целым и невредимым!

— Да хранят тебя Небеса!

Вряд ли Скридиус Толлинкс слышал эти пожелания в попытке выправить свой корабль. Сражаясь с рвущимися парусами, он обогнул Обсерваторию Лофтуса и залетел в самое сердце Бури, которая направлялась в сторону Нижнего Города и Топей.

Когда корабль превратился в крошечную точечку, сердце Квинта сжалось. «Повелитель Ветров» казался таким хрупким, таким непрочным. Все вокруг шептали слова молитвы, кто-то сжимал амулеты и обереги.

На какой-то миг небесный корабль выглянул из облаков, но тут же снова исчез и уже не показывался. Буря несла его в Сумеречные Леса, а на борту ждали своего часа храбрый Рыцарь-Академик и преданный ему зубоскал.

— Защитят тебя Небеса, Скридиус Толлинкс, — прошептал Квинт. — Защитят тебя Небеса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПИСЬМО МАРИС

QUODE QUANDO QUERIS

винт, дружище, с тобой все в порядке? — Раффикс удивленно глядел на раскрасневшееся лицо друга.

Толпа уже начала расходиться, профессора, ученики и слуги спешили под теплый кров родных академий и школ.

— Жаль опускать тебя на землю, — повторил Раффикс. — Но мороз крепчает, или ты не заметил?

Квинт вышел из оцепенения и понял, что друг прав. Пока он стоял на постаменте, вглядываясь вдаль, началась пурга, мороз щипал щеки, кусал за нос.

— Прости,— Квинт отряхнулся и спрыгнул с постамента на землю. — Никак не могу выкинуть из головы эти мысли...

— Какие мысли, старина? — вскинул брови Раффикс.

Взявшись за руки, чтобы не провалиться в сугробы, друзья зашагали по направлению к Рыцарской Академии.

— Мне кажется,— Квинт остановился, поджидая Фина, который пытался надеть поверх шапки снего-

защитные очки, — что Хакс Востилликс может ошибаться насчет Великой Бури.

— Только не это! — горячо выпалил Фин. — Как-никак он послал в Сумеречные Леса самого лучшего Рыцаря-Академика! — Он раздраженно поморщился. — Проклятые очки! Что же они не надеваются?

— Потому что ты неправильно их надеваешь, — пришел на помощь Раффикс. Он поднял пушистые уши зимней шапки, поправил дужки и обратился к Квинту: — В твоих словах есть логика, старина. У нас в Верхних Палатах некоторые тоже не верят Хаксу Востилликсу. Беда в том, что городу срочно нужен грозофракс, а потому приходится прикусить язык и надеяться на лучшее.

Друзья миновали гигантское колесо с зубоскалами. Форсунка, обогревающая скалу, скрипела на огромной цепи, но скрип этот перекрывался грустным завыванием ветра.

Опустив головы и закутавшись в плащи, Квинт, Раффикс и Фин шли вперед по глубокому снегу, стараясь не думать об опасности, нависшей над летучей скалой.

Якорная Цепь уже сейчас натянулась до предела. Казалось, тугие звенья могут распасться в любую минуту. Жаркая форсунка лишь ненадолго отодвигала печальный конец. Холодные ветра промораживали скалу насквозь, а значит, Якорная Цепь разорвется в любой момент.

Единственной надеждой города был грозофракс. Только священные кристаллы, чей вес в темноте пре-

вышал вес сотни тысяч свинцовых деревьев, уравновешивали летучую скалу. А потому не было ничего удивительного в том, что почти каждый в Санктафраксе радовался отбытию в Сумеречные Леса отважного Рыцаря-Академика.

— Скридиус стал первым, но за ним последуют другие, — мрачно проговорил Раффикс. Друзья прошли мимо Школы Дымки и оказались перед входом в Рыцарскую Академию. — Все тринадцать наследных рыцарей когда-нибудь повторят его судьбу... Хакс будет отсылать их за грозофраксом при первом признаке Великой Бури. И самое удивительное... — Он умолк.

— Что? — поторопил его Квинт.

Они поприветствовали кивком дородного привратника и проскользнули в ворота.

— Самое удивительное, что они полетят, — Раффикс грустно улыбнулся. — Все тринадцать наследных рыцарей, все наследные рыцари, придущие им на смену. Даже *я*.

— Но почему? — спросил Квинт. — Если ты не веришь Хаксу...

— Потому что, дружище, это Рыцарская Академия, — перебил его Раффикс. — В этом предназначение каждого из нас. — Они дошли до лестницы, ведущей в Верхние Палаты. — И, может, однажды... — Раффикс взбежал по ступеням и обернулся, — старик Хакс окажется прав.

В эту минуту из-за угла Школы Дымки вынырнула пухленькая фигурка и засеменила к воротам Рыцарской Академии. Подол длинной юбки лесной

троллихи, а это была она, волочился по снегу, толстенькая ручка в теплой рукавичке поддерживала кокетливую шляпку. Дорога была скользкая, слякотная, и суетливая матрона могла в любой момент подвернуть ногу.

— Я опоздала? — отдышавшись, спросила она привратника. — Молодые воспитанники уже прошли?

— Боюсь, что да, мамаша, — рассмеялся привратник, его голос был приглушен теплым шарфом, закрывавшим половину лица. — Для малюток на улице сейчас слишком холодно. Могут простудиться. А мы должны мерзнуть тут весь день напролет...

Он топнул ногой и наигранно поежился.

— Не видели ли вы... — лесная троллиха стянула рукавицы и распахнула сумочку, — воспитанника Квинтиниуса Верджиникса из Нижних Палат?

Она вытащила из сумочки запечатанный свиток.

— Вы ищете Квинтиниуса Верджиникса? — раздался любопытный голосок у нее за спиной, лесная троллиха обернулась и увидела щуплого подростка.

— Похоже, я заблуждался, мамаша, — усмехнулся привратник. — Вот и последняя малютка — крошка Вилникс — всегда приходит позже всех. Опять слонялись по школам Виадука?

— Не твое дело! — резко ответил Вилникс. — И для тебя, привратник, я воспитанник Подлиниус. Заруби себе это на носу!

Привратник глухо расхохотался и насмешливо поклонился Подлиниусу. Вилникс ничего не ответил и выхватил сверток из рук лесной троллихи.

— Я лично вручу письмо! — осклабился он и прошел в дверь.

— Передайте Квинту привет от Вельмы и Твизла... — неуверенно крикнула ему вслед нянька Марис.

Что-то в юноше настораживало ее, может, бегающие глаза или тонкие поджатые губы. Как бы то ни было, он носил форму воспитанника Рыцарской Академии и знал Квинта. Впрочем, у нее не было выбора, приходилось довериться незнакомцу. Привратник закрыл ворота и застыл, как ледяное изваяние.

— Шли бы вы, мамаша, — посоветовал он. — По такому снегопаду лифтовые корзинки долго ждать не будут.

Вельма ахнула.

— О, нет, мне нельзя опаздывать, — попрощавшись с привратником, она побежала по направлению к Восточной Лестнице.

Вилникс, усмехаясь, шел по коридору, поглаживая в кармане бесценную добычу. Как все-таки ему повезло, что глупая лесная троллиха отдала ему сверток. Утро выдалось скучное, его оторвали от любимых занятий и заставили смотреть, как «бестолковая жестянка» улетает на дурацком щегольском корабле неведомо куда, но теперь удача снова повернулась к нему лицом.

Подумать только, как веселились и махали руками его никчемные однокашники. Какие же они глупцы!

Вилникс криво улыбнулся.

Великая Буря! Эти баловни, рожденные и воспитанные в Санктафраксе, только об этом и говорят. Он, Вилникс Подлиниус, еще покажет им всем! Дойдя до конца коридора, он повернул направо. На пути ему встретилось несколько однокашников. Переглянувшись между собой, они демонстративно отвернулись. Вилникс знал, что все они его ненавидят, ничего, придет день, и ненависть превратится в страх. Придет день, и простой точильщик ножей из Нижнего Города станет Высочайшим Академиком Санктафракса.

Подлиниус гордо вскинул голову и сверкнул глазами.

Хитрость, жестокость, лживость и вероломство помогли ему выжить в Нижнем Городе и выбраться из грязи. Что ж, к власти он придет тем же путем.

Еще беспризорным ребенком его подобрал вечно пьяный бродяга и воспитал в лабиринтах канализационных труб. Вилникс с самого детства ловко обчищал чужие карманы и взламывал замки. У него был настоящий воровской талант, и вскоре он бросил храпящего в гамаке опекуна и пошел своей дорогой, став точильщиком ножей.

Он был лучшим в своем деле, и все это знали. Каждый завистливый гоблин, каждый грубый глыботрог, каждый головорез приходил к нему заточить свой серп, свой топор, свой кинжал.

Но этого Вилниксу было недостаточно. Он хотел большего. Ему надоело слушать

приказы, он сам желал приказывать. И однажды профессор Тьмы потерял свой телескоп. С этого дня для Вилникса началась новая жизнь.

Для начала почтенный покровитель дал ему новое имя.

— Вил Сорнисор, — улыбнулся профессор Тьмы, откинувшись в своем любимом кресле. — Хорошее имя для точильщика ножей, но боюсь, оно совсем не пойдет воспитаннику Рыцарской Академии. — Он задумчиво погладил бороду. — Вил, что же, возьмем это за основу. Виллокс, Вилфиус, Вилникс... — Он нахмурился. — Что будет сочетаться с Вилниксом?

— Подлиниус, — предложил тогда юноша.

Это была фамилия одного купца Лиги, который погиб неделю назад от удара кинжала, наточенного Вилниксом.

— Вилникс Подлиниус, — профессор Тьмы одобрительно кивнул. — Что ж, с таким звучным именем можно далеко пойти.

«До самой вершины, — подумал Вилникс, — до самой вершины».

Поступление в Рыцарскую Академию — всего лишь первая ступень его карьеры. С самого первого урока он знал, что будет ярче и умней всех однокашников. Всех, кроме Квинтиниуса Верджиникса. Он нахмурился. За что же он так ненавидит этого юношу?

За то, что его покровитель — профессор Света? Или за то, что он, как и Вилникс, родился в Нижнем Городе?

Вилникс поджал губы. Нет, дело не в этом. Квинт всего лишь избалованный сынок воздушного пирата, а профессор Света в представлении Подлиниуса не шел ни в какое сравнение с профессором Тьмы.

Что же такого особенного в Квинте? Отчего Вилникс так его ненавидит?

Поднимаясь по мраморной лестнице, Вилникс грубо толкнул двух воспитанников и в несколько прыжков оказался на мраморной площадке.

Да, Квинт определенно помешал ему стать самым выдающимся учеником Нижних Палат. Только́ корабль Верджиникса прошел испытание в классе Арборетума Сиклбау. На факультете Кучевых Облаков только Квинт с интересом выслушивал нудные лекции Филиуса Эмбертина. К тому же эта неприличная дружба со Стоупом! Нет, хуже всего, что Квинт, притворившись товарищем Вилникса, предал его Фенвилу Вендиксу.

Вилникс потер шрам и довольно улыбнулся.

Вот здесь-то он сработал великолепно, Вендикса выкинули из Рыцарской Академии, а он, Вилникс, стал любимчиком Хакса Востилликса...

И все же, все же ни одна из пришедших на память причин не объясняла жгучую ненависть, живущую в сердце Подлиниуса.

В конце коридора показалась шумная ватага воспитанников, юноши громко смеялись над чьей-то шуткой. Фин, Тонсор, Квилтис... Заметив Подлиниуса, они замолчали и повернули в другую сторону.

Что ж, хорошо смеется тот, кто смеется последний. Пока однокашники воротили от него носы, он, Вилникс, умудрялся сделать каждому из них маленькие и очень неприятные пакости. Ох, не зря он захаживает в школу с чучелом лисацапа!

Например, Квилтис Уистлвеб никак не может понять, почему записи в конспектах за ночь исчезают без следа. Еще бы, разве мог он догадаться, что Вилникс налил в его чернильницу испаряющиеся чернила? А Бельфиниус Менделликс! Глупец все ломает голову, почему просыпает подъем. Просто Вилникс вшил ему в подушку мешочек с сонными травами! И сколько бы ни стирал одежду Тонсор, тело все равно будет зудеть. А может, все дело в мыле, подложенном Вилниксом?

А еще у Подлиниуса припасен пузырек, запечатанный зеленым воском. Этот он прибережет на особый случай...

ПИСЬМО МАРИС

Продолжая загадочно усмехаться, Вилникс добрался до своей кельи. Хитрость, жестокость, лживость и вероломство — да, вот что поможет ему достичь небывалых высот. Закрыв поплотнее дверь, он зажег лампаду, поудобней устроился на матрасе и, растягивая удовольствие, медленно развязал ленточку на свитке.

Он уже долго размышлял, как можно досадить Квинту. Испаряющиеся чернила, сонная трава и мыло, вызывающее зуд, — это игрушки, Квинт заслужил другую, более страшную кару. Вилникс уже давно лелеял мстительные мечты, но ни одна не казалась достаточно суровой.

А теперь в руки ему попало это письмо, и Вилникс почувствовал — это что надо. Уж он-то придумает, как использовать его против Квинта. Зло рассмеявшись, Подлиниус принялся читать.

Дорогой Квинт! Спасибо за подробный ответ на мое прошлое письмо. Я была просто счастлива получить от тебя весточку. Твой друг Стоуп встретил меня на базарной площади и передал все восемь свитков, спрятанные в симпатичную горелку, которую он собственноручно изготовил для меня в кузнице. Я сказала Дачии, что купила горелку на базаре, и она поверила. Так что ваш план сработал. Какие вы оба сообразительные!

Стоуп мне понравился с первого взгляда, а после того, как я прочитала твое письмо, он нравится мне еще больше. Какие же мерзкие у вас кузнецы, так

жестоко обращаются с бедняжкой! Ты так много написал о Фине и Раффиксе, я уже искренне их полюбила. Как же я хочу когда-нибудь с ними познакомиться!

Но ты же не забыл меня, Квинт, в своем прекрасном небесном городе? В «своем городе», не могу поверить, что когда-то Санктафракс был и моим. Кажется, с тех пор прошла целая сотня лет…

Я была так рада узнать о твоей учебе. Уверена, когда-нибудь ты станешь воспитанником Верхних Палат. Но даже если и нет, быть воином-академиком тоже очень почетно.

Мне так жаль, что деканы попали в немилость, особенно бедный Филиус Эмбертин. Он был близким другом отца, просто ужасно, что он заболел. Папа говорил, что Хакс Востилликс всегда был самовлюбленным гордецом. Теперь я вижу, что это так.

Вилникс машинально посмотрел на дверь, но снаружи было тихо. Подлиниус пододвинул поближе лампаду и вернулся к письму.

Помнишь, я рассказывала тебе, как мои так называемые опекуны, Хефт и Дачия, донимали отца просьбами? Что же, тильдером родился, тильдером и умрешь.

Знаешь последнюю выходку Хефта? Он пошел прямиком к профессорам Света и Тьмы и стал просить назначить его управляющим гигантских колес. Он заставил меня подписать прошение. Ты бы видел это прошение, Квинт. Он пишет, что должен занимать положение, достойное опекуна единственной дочери

Линиуса Паллитакса, чтобы обеспечивать ей, то есть мне, роскошные условия, соответствующие статусу.

Если бы только Высочайшие Академики знали, как со мной здесь обращаются! Конечно, профессора вежливо отказали дяде, написав, что я в Санктафраксе всегда желанная гостья, а вот ему никакие привилегии не положены. И еще им каким-то образом стало известно о жестоком обращении Хефта с ежеобразами здесь, в Нижнем Городе. Поэтому такого человека нельзя подпускать к любым живым существам, в том числе к зубоскалам и свиномордам.

Письмо Высочайших Академиков привело Хефта в ярость! Он сказал, что власти Санктафракса ему не указ, и от бессилия запер меня в комнате, как будто бы это все моя вина! Теперь он все время твердит, что его близкий друг Дексиель Ксексис скоро преподаст Высочайшим Академикам урок...

Этот Дексиель Ксексис случайно не главный привратник, приспешник Хакса Востилликса?

Хефт что-то знает, Квинт. Я в этом уверена. В Рыцарской Академии творятся темные дела.

А я тем временем замерзаю от холода в своей тесной комнате, и со мной нет даже лемкина. Все же я попытаюсь встретиться с Вельмой и передать через нее это письмо. Пожалуйста, не забывай меня, Квинт, пиши.

Твоя подруга Марис.

P.S. Этот Вилникс Подлиниус, о котором ты пишешь, такой ужасный! Но, может, ты прав, и он

просто одинок, не уверен в себе и страдает без друзей. Ты, как всегда, пытаешься видеть хорошее во всех, Квинт. Вот почему ты такой прекрасный друг.

Вилникс побледнел, как полотно.

— Ужасный... Одинокий, неуверенный в себе, — прошептал он. — Кто страдает без друзей?

Наконец он понял, почему возненавидел Квинтиниуса Верджиникса с их первой встречи. Дело не в том, что Квинт такой честненький и правильный, слушается профессоров и дружит с высокомерной дочкой самого Линиуса Паллитакса.

Нет, Вилникса сводила с ума, доводила до исступления, заставляла скрежетать зубами жалость, которую испытывал к нему Квинт. Жалость, которой тот отвечал на его ненависть.

Жалость!

Какое оскорбление! Какая наглость! Как он посмел?

Слезы ярости брызнули из глаз Вилникса. Он не такой глупец, чтобы жаждать дружбы. Дружба для неудачников и слабаков. Где дружба, там и предательство...

Вилникс молча разорвал письмо на мелкие клочки. Постепенно горечь отступила, и на лице появилась прежняя ухмылка. На одеяле из тильдячьей шерсти осталась только бумажная горка.

— Что ж, Квинтиниус Верджиникс, — прошептал Вилникс. — Хочешь дружить? Будь по-твоему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ХУДОЖНИК

еруль Глит накинул на худые плечи неряшливую, перепачканную красками голубую мантию и зябко поежился. В башне Школы Цвета и Светотени было так холодно, что художник промерз до костей и едва мог пошевелить рукой.

Что же, он был не единственный, кто замерзал в эти дни в Санктафраксе.

Мантия нисколько не согревала Глита, витражные окна его башни были местами потресканы, местами разбиты, и сильный ветер хлестал через все щели стразу. Огонь в камине уже давно потух. Поленья кончились, что-что, а они сейчас были на вес золота. Не скоро Глит сможет позволить себе купить новые.

Тяжело вздохнув, художник потер руки, перчатки, которые он надел, уже покрылись инеем.

Беда в том, что сейчас последние поленья идут на обогрев летучей скалы. Академикам остается довольствоваться щепками, прутьями и корой, от которых больше дыма, чем огня. Да что там, недавно Феруль

Глит сжег несколько деревянных панно, только бы немного согреться.

Это было безумием, и Глит понимал, что, лишившись панно, он становится нищим. Но что делать, он был в отчаянии. Кроме того, разве горящие сейчас деревья не попытка купить немного времени у природы, времени, за которое Рыцарь-Академик должен найти грозофракс.

Феруль подошел к окну и потер заиндевевшие витражи. Прильнув к образовавшемуся кружку, как к замочной скважине, он уставился на дорогу.

Сегодня Великой Бури не будет, с желто-серого неба сыпался снег, стоял мороз. Вздохнув, художник покачал головой и вернулся к мольберту.

В день, когда Скридиус Толлинкс улетел на своем корабле в Сумеречные Леса, все в Санктафраксе верили в чудо. Как же иначе, за гро-

зофраксом отправился настоящий герой, гордость Рыцарской Академии...

С тех пор прошло три месяца, и за исключением слухов о том, что случилось или могло случиться, никаких новостей не было. Храбрый Скридиус и его великолепный корабль сгинули в круговороте Великой Бури.

Скридиус стал первым Рыцарем-Академиком, которого отправили в опасный путь, но за ним последовали другие. Каждый раз, когда темная туча появлялась над Санктафраксом, а воздух заряжался кислыми частицами, на полет благословлялся новый избранник. Из всех тринадцати наследных рыцарей только Скридиус смог хотя бы приблизиться к Великой Буре. Корабли остальных — Хофикса, Дантиуса, Кверитиса, Флекса, Уилдинса, Ксаликса и других — переворачивались вверх дном, едва успев взлететь.

При такой низкой температуре летучие камни кораблей, выходили из-под контроля. После того как корабль бедняги Ксаликса «Туманный Ястреб» на глазах изумленной и испуганной публики, как перышко, выбросило в открытое небо, Феруль Глит перестал ходить на запуски. Большой Колокол может звонить сколько влезет, Глит сыт по горло этими представлениями.

Сейчас даже незначительного выброса кислых частиц было достаточно, чтобы безумный Хакс Востилликс послал на верную гибель следующего Рыцаря-Академика. Скоро настанет очередь зеленых

учеников-старшекурсников, но декан факультета Всех Облаков был в отчаянии, как пребывали в отчаянии все жители Санктафракса, начиная от Высочайших Академиков и заканчивая слугами.

«Впрочем, — подумал Глит, потирая озябшими пальцами подбородок, — восемь золотых за вязанку дров хоть кого приведут в отчаяние».

Раздался мелодичный перезвон, и художник обратил взгляд бледно-желтых глаз на маленький серебряный колокольчик, висевший под потолком. Колокольчик продолжал настойчиво звонить, и в очередной раз вздохнув, Глит поплелся к двери.

— Кого это привело Небо? — проворчал он, спускаясь по скользким ступеням оледенелой винтовой лестницы.

Феруль никогда не приглашал в такой поздний час клиентов, да и «срочного заказа» в столь сложную пору ждать не приходилось. Колокольчик нетерпеливо звенел.

— Да, да, уже иду, — крикнул художник. — Придержите своих зубоскалов!

Доковыляв до тяжелой двери, Феруль Глит приоткрыл ее и увидел гостя. Это был худощавый юноша в белом плаще воспитанника Рыцарской Академии и защитных очках.

— Чем я могу вам помочь? — протянул Глит, подозрительно поглядывая на юношу. — Дров здесь нет и...

— Неужели я похож на сборщика деревяшек? — презрительно перебил его гость. — Я здесь по пору-

чению моего близкого друга. Он посылал вам миниатюру...

— Вы заходите. — Глит распахнул дверь и пропустил юношу внутрь. — Пожалуйста, стряхните снег с сапог да и не снимайте плащ. Здесь холодно.

Юноша послушно отряхнулся, переступил через порог и следом за художником направился вверх по винтовой лестнице. В крошечной мастерской хранилось так много вещей, что было невозможно развернуться.

Здесь стояли комоды, секретеры, шкафы, вдоль стен тянулись многочисленные полки, накренившиеся под тяжестью всякого хлама.

Сотни баночек с растворителями и едкими маслами стояли друг на друге, из многих торчали пушистые и жесткие кисточки. Бутылочки и тюбики с порошками и смесями, ступки и пестики, разноцветные палитры занимали каждый сантиметр мастерской.

Краски — кроваво-красные, солнечные, изумрудно-зеленые, янтарные, фиолетовые, анилиновые, лазоревые — изготовлялись вручную из лепестков, корней и листьев растений Дремучих Лесов. Истолченные в ступочке камни Топей обладали насыщенным рыжим и охровым оттенком. А черная сажа была темнее ночи в Сумеречных Лесах.

А сколько здесь было шпателей, скребков, линеек, мелков! Пастель, карандаши, чернила, красители, эскизы, наброски присутствовали здесь в неимоверных количествах. А посреди мастерской стояли

высокие мольберты с пришпиленными к ним эскизами.

— Так что там ваш друг? — Феруль Глит опустился на табурет и воззрился на своего гостя. — У него есть имя?

— Вот, — юноша порылся в кармане и выудил свиток, исписанный красивым ровным почерком.

Квинтиниус Верджиникс, прочитал художник, *воспитанник Рыцарской Академии, просит вернуть портрет, направленный на доработку профессору Ферулю Глиту из Школы Цвета и Светотени. Мастеру надлежало написать на заднем плане изображение Обсерватории Лофтуса, символа одного из двух Высочайших Академиков Санктафракса, профессора Света. Оплата в три золотых была произведена заранее.*

— Ах да, — пробормотал Феруль Глит, поднимая гла-

за на юношу. — Я помню этого паренька. Значит, вы его друг...

— Именно, — кивнул гость, поправляя шарф, закрывающий половину его лица.

— А вас зовут?.. — спросил художник, разыскивая среди своих работ красивую миниатюру.

— Просто хороший друг, — ответил юноша. — Квинтиниус Верджиникс скоро перейдет в Верхние Палаты. Думаю, мне незачем объяснять, *что* это означает...

Не отрывая глаз от найденной миниатюры, художник приглушенно рассмеялся.

— Конечно, понимаю, молодой господин. Конечно. Это означает, что ваш благородный друг, такой ослепительный в написанных мной доспехах, станет однажды Рыцарем-Академиком.

Он поднес миниатюру с изображением Квинта к свету.

— Я знал это с первой минуты, когда увидел его, — проговорил художник. — Было что-то в том, как он держал себя — эта дерзость в его синих глазах, темных, как грозовая туча...

Юноша раздраженно смотрел на Глита, а сам художник задумчиво глядел в никуда.

— Я так и вижу, как он переходит из Нижних Палат в Верхние, — по губам художника пробежала улыбка. — Кланяется деканам, ждущим его у входа, прощается с однокашниками, которым уготовано стать воинами-академиками, те стараются скрыть свое разочарование... А ваш друг поднимается по

Центральной Лестнице, для того чтобы передать свой меч профессорам. — Он умолк. — И когда же Церемония Возвышения?

— Скоро, — туманно выразился гость. Феруль положил миниатюру в раскрытую ладонь юноши. — И поэтому я должен перейти к другому, очень щекотливому поручению.

— Щекотливому? — Феруль Глит вскинул брови.

Юноша нервно улыбнулся, сунул миниатюру в карман плаща и вытащил оттуда же маленький кожаный мешочек.

— Квинтиниус Верджиникс очень занят подготовкой к церемонии, я думаю, вы понимаете...

Он развязал тесемку и вытряхнул на стол художника содержимое мешочка. Перед изумленным Ферулем появилась пригоршня болотного жемчуга.

Этого было достаточно, чтобы топить камин в течение многих-многих месяцев.

— Продолжайте, — улыбнулся художник.

— В Нижнем Городе живет человек, очень ждущий весточки от Квинтиниуса. Но, к сожалению, у моего друга просто нет времени писать письма. Конечно, *я* мог бы сделать это за него, но боюсь обидеть девушку...

— Девушку? — переспросил художник, алчно глядя на жемчужины.

— Да, и я думаю, что маленький обман не причинит никому вреда, и если я дам вам черновик... — Юноша вынул из кармана свиток.

— ...я смогу сделать так, что милая, добрая девушка решит, что письмо написано ее заботливым другом? — закончил за него Глит.

Юноша кивнул:

— Вы читаете мои мысли.

Художник взял в руки свиток, посмотрел на размашистые и тонкие, как лапки паука, буквы, принадлежащие, судя по всему, руке его гостя, сравнил их с изящным почерком Квинта на первом свитке.

— Приходите завтра, — бросил он. — Все будет готово.

— Только это должно выглядеть убедительно, — предупредил юноша, подходя к дверям. — Она должна поверить, что письмо от Квинтиниуса.

— Не беспокойтесь. — Художник сгреб жемчуг в ладонь. — Когда письмо будет закончено, ваш друг сам не поверит, что это писал не он.

Художник спустился по лестнице вместе со своим гостем, помог ему надеть плащ и выпроводил на мороз. Закрыв дверь на засов, он поплелся вверх по лестнице. Впереди была долгая ночь. Что ж, ему за это щедро заплатили.

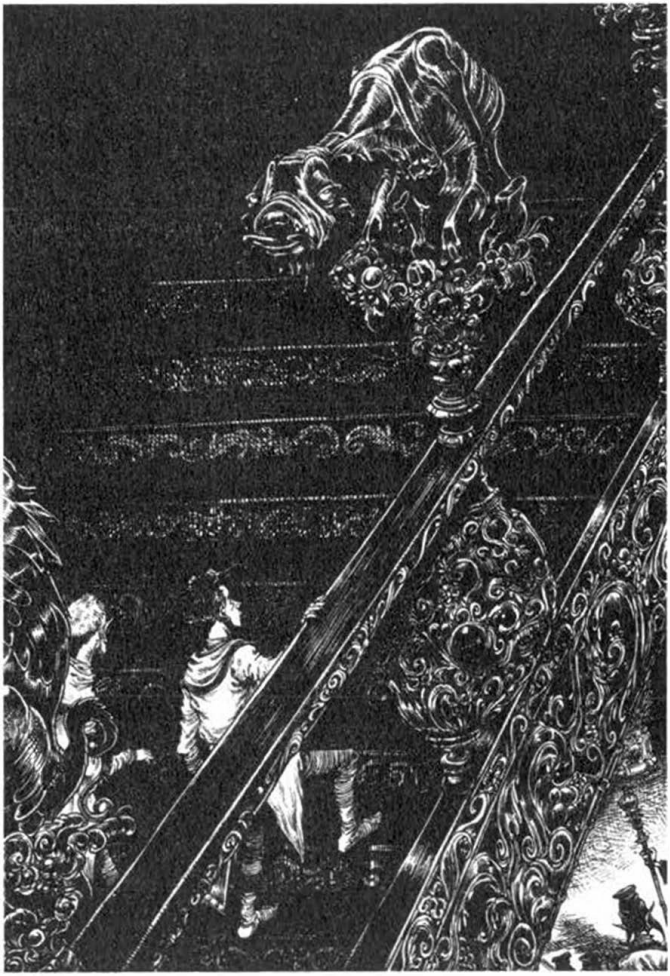
— Как же вам повезло, молодой Квинтиниус, — усмехнулся он про себя. — С таким *хорошим* другом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕРХНИЕ ПАЛАТЫ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

МИНИАТЮРА



абравшись смелости, Квинт пошел вверх по широкой лестнице из черного дерева. За спиной слышалось тяжелое дыхание Вилликса.

Резные лакированные перила холодили ладонь. Высокие ступени были нарядно украшены выпуклыми узорами. По краям лестницы стояли фигуры, изображающие реющих червей и гнилососов.

Квинту безумно хотелось повернуть назад, но он поборол соблазн. Воспитанники Верхних Палат не смотрят в прошлое. Они не опускают глаз, не сутулят плеч, их будущее ждет на другом конце лестницы.

В пролете Центральной Лестницы между Нижними и Верхними Палатами стояли остальные воспитанники, в их числе ближайшие друзья Квинта — Тонсор, Квилтис и Фин. В горле у Квинта встал комок. После стольких счастливых, иногда грустных дней, проведенных в родной компании, расставание давалось болезненно. Квинт вздохнул, он слышал, как стучат сапогами бывшие одноклассники, уходящие в бараки.

Еще несколько дней назад, когда вышел приказ о выпуске из Нижних Палат, все казалось таким беспечным. Шутя и толкаясь, воспитанники собрались у Центральной Лестницы, отталкивая друг друга от вывешенного возле нее списка.

— Смотрите! Смотрите! — возбужденно вопил Тонсор.

— И посмотрю, если ты уберешь свою глупую голову, — расхохотался Квилтис, отстраняя приятеля в сторону.

— Метательная машина! Мы оба приставлены к метательной машине! — Тонсор горячо обнял друга.

Фин приподнялся на цыпочки.

— Да! — выкрикнул он, увидев свое имя. — Бельфиниус Менделликс — ученик командира. А вот твоя фамилия, Квинт. — Фин ткнул пальцем в бумагу.

Квинт увидел напротив своего имени краткую запись — Верхние Палаты, старшекурсник Рыцарской Академии — и отшатнулся.

— В чем дело? — удивился Фин, увидев реакцию друга. — Ты же всегда этого хотел!

— Все хорошо, — тихо ответил Квинт. — Но ты теперь воин-академик, а я воспитанник Верхних Палат...

— Но мы же будем видеться. — Фин весело рассмеялся. — В трапезной, например. — Он похлопал Квинта по плечу. — Как бы там ни было, воспитанникам Верхних Палат тоже нужно есть!

— Да, и еще... — Квинт кивнул на список, и у Фина от удивления глаза полезли на лоб.

— Я не верю! — выдохнул он. — Вилникс Подлиниус...

— Верхние Палаты — помощник главного профессора, — закончил за него противный тоненький голосок.

Обернувшись, друзья увидели ухмыляющегося во весь рот Подлиниуса.

— Не знаю, что и сказать, Вилникс, — заговорил Квинт, но Подлиниус схватил его за рукав и оттащил в сторону.

— Мы, воспитанники Верхних Палат, должны держаться вместе, правда же, Квинт? — горячо зашептал

он, не обращая никакого внимания на ошалевшего Фина. — Я забрал для тебя из Школы Цвета и Светотени миниатюру. Та-та-та-та! — Он гордо выпятил грудь. — И не надо благодарить. Мы же друзья.

Вилникс считает себя его другом? Кто бы мог подумать! Тогда Квинт потерял дар речи. И вот теперь они шли по темной Центральной Лестнице навстречу неизвестному. Обернувшись вполоборота, Квинт украдкой поглядел на Вилникса. Что на самом деле замыслил его однокашник?

Что-то в волчьем оскале Вилникса вызывало в Квинте дрожь. Этот оскал и откровенный подхалимаж к Хаксу Востилликсу... Как бы еще он попал в Верхние Палаты? Вилникс ощерился, и Квинт подумал, что тот очень похож на гиену.

Странно, но в день, когда Скридиус Толлинкс улетел в Сумеречные Леса, отношение Вилникса к Квинту очень изменилось. Теперь Подлиниус все время крутился поблизости и не упускал случая заговорить с Квинтом, сделать для него что-то приятное.

Поначалу Квинт сторонился Вилникса, ожидая подвоха и опасаясь, что хитрый товарищ заложит его Хаксу Востилликсу. Но шли дни, и Квинту пришлось признать, что, несмотря на откровенную неприязнь Вилникса к другим однокашникам, с Квинтом тот честно пытается дружить. Другое дело, хотел ли того же Квинт?

Например, та история с миниатюрой. Несмотря на бушующую за окном непогоду, Вилникс так наста-

ивал на том, чтобы забрать ее у художника самому. Квинт покачал головой. В этом не было острой необходимости. До Церемонии Возвышения была еще куча времени, но Вилникс даже слышать не хотел слова «нет». В итоге Подлиниус заставил Квинта написать художнику письмо, восхитившись при этом его чудесным почерком.

Да, что ни говори, Вилникс Подлиниус был загадочным персонажем...

Но что там происходит?

Квинт оторвался от воспоминаний. Впереди кто-то громко разговаривал. Юноша сразу узнал низкий, гортанный, немного шепелявый голос одного из собеседников...

Говорил Денгрив Желтоклык, избранный командир воинов-академиков. Это был высокий, сильный гоблин, об отваге которого свидетельствовало множество шрамов и глубоких царапин по всему телу. Фин без устали восхищался Денгривом, и Квинт неоднократно видел гоблина в трапезной.

— Неужели мы до этого докатились? — бушевал командир. — Неужели привратникам стали выдавать вооружение раньше, чем воинам-академикам?

— Но моим людям нужно оружие! — раздался в ответ голос Дексиеля Ксексиса. — Чтобы защищать Академию!

— Дерзкий свиноморд! — рявкнул Денгрив. — Воины-академики защищают весь Санктафракс, и оружие в первую очередь необходимо выдавать нам!

— Как единственный оставшийся декан, я имею право на последнее решающее слово! — вопил Хакс Востилликс.

Квинт заметил на губах Вилникса улыбку, но ничего не сказал и продолжил путь.

— Сегодня — Церемония Возвышения, разве нельзя решить все разногласия чуть позже? — продолжал Востилликс. — Вот мое решение: привратники сегодня же получат оружие.

— Но это возмутительно, — взвился Денгрив, но Хакс уже отвернулся. Следующее, что услышал Квинт, были удаляющиеся шаги обиженного гоблина...

Тем временем Квинт и Вилникс уже поднялись на самый верх и оказались перед великолепной аркой из черного дерева. Арка изображала двух больших толстолапов. Каждый клык, каждый зуб, каждый коготь, каждый волосок добродушных лес-

ных великанов был вырезан так аккуратно и искусно, что Квинту на минуту показалось, что звери живые.

Затаив дыхание, Квинт шагнул под арку и оказался в таинственных и прекрасных Верхних Палатах.

Стены Большого Кафедрального Зала украшали деревянные барельефы, паркетный пол блестел, как зеркало, а дневной свет, льющийся из широких окон, играл между балками сводчатого потолка. Прямо пред Квинтом возвышались, как деревья в Дремучем Лесу, кафедры. И хотя Раффикс много раз рассказывал о них Квинту, юноша все равно был подавлен их величием. Каждая кафедра изобиловала множеством затейливых завитков, спиралей, каннелюр, волют. Каждая была тридцати метров в вышину. На каждую вели хрупкие лестницы. На каждой могло одновременно располагаться до сорока учеников и профессоров.

Здесь рождались великие идеи небесных полетов, обсуждались новейшие методы поиска грозофраксов, задумывались и воплощались на практике грандиозные планы. Квинт глубоко вздохнул, он стоял в сердце Рыцарской Академии, оправдались самые смелые, самые дерзкие его надежды.

Внезапно он получил в бок пинок и обернулся. Вилникс кивнул в сторону залитой светом кафедры. Там их ждали тринадцать наследных рыцарей и тринадцать главных профессоров. Остальные кафедры были забиты учениками.

Некоторые профессора были знакомы Квинту еще со времен лекций на факультете Всех Облаков. Он

заметил хмурого Грейдела Флакса и улыбчивого Флувиуса Хьюма. Остальных профессоров он знал только по рассказам старшекурсников. Например, Фабиус Дидекс славился тем, что еще ни разу не ошибся в своих теориях.

Этот Фабиус мог бы стать самым великим Рыцарем-Академиком своей эпохи, но искалеченная нога не позволила этому осуществиться. В отличие от других профессоров он носил рыцарские доспехи.

Куда бы Фабиус ни пошел, за ним повсюду следовали два ручных губошлепа Пискля и Ревун. Вот и сейчас они сидели на плечах профессора. Многие верили, что Фабиус был новым Линиусом Паллитаксом и в один день должен был непременно стать Высочайшим Академиком. Больше всего Квинт хотел познакомиться с Фабиусом лично.

Наследных рыцарей Квинт прежде не видел. Многие из тех, кого он знал в лицо, уже сгинули в тучах Великой Бури, и теперь на их место пришли спешно произведенные в чин старшекурсники. Они выглядели очень неуверенно и неуклюже в своих доспехах, и хотя кузнецы потрудились на славу, кирасы сваливались с неокрепшей груди. Квинт заметил, что у наследных рыцарей бледные, усталые от бессонных ночей лица, на которых чаще мелькал страх перед будущим, чем радость от своего предназначения.

Грейдел Флакс жестом приказал Квинту и Вилниксу подойти поближе.

— Добро пожаловать в Верхние Палаты, где все равны перед лицом Санктафракса, — провозгласил

он, когда молодые воспитанники поднялись на высокую кафедру. — Пожалуйста, передайте мне свои миниатюры.

Квинт и Вилникс быстро развязали дрожащими пальцами мешочки из тильдячьей кожи и вынули маленькие портреты, написанные на лафовом дереве.

Квинт посмотрел на миниатюру, лежащую на его ладони. Казалось, она сияет, как драгоценный камень. Как молод он на этом портрете, как беззаботен и наивен. Только синие вдумчивые глаза пытливо смотрят вдаль. На заднем фоне высится занесенная снегом Обсерватория Лофтуса.

Квинт улыбнулся. Он все-таки сделал это, поступил в Верхние Палаты! И кто знает, может, когда-нибудь он станет Рыцарем-Академиком.

Вилникс тоже не сводил глаз со своего портрета. Художник подметил тонкие губы, застывшие в презрительной усмешке, подчеркнул темные прищуренные глаза и выдающийся вперед подбородок.

Вилникс самодовольно улыбнулся. Наконец-то он покажет высокомерным профессорам и наследным рыцарям, кто здесь главный. Сначала он станет помощником главного профессора, затем профессором, затем...

— Предъявите мечи, — попросил Грейдел.

Квинт вытащил тяжелую, кривую пиратскую саблю, подаренную отцом, и внезапно испытал прилив гордости, смешанной с грустью. Если бы только отец мог сейчас его видеть!

Вилникс снял с пояса тонкую рапиру. Острый клинок беззвучно выскользнул из ножен. В темных глазах Подлиниуса вспыхнул злой огонек.

Он жаждал власти, а эти глупцы вручали ему ключ от заветной двери!

Двое наследных рыцарей выступили вперед, латные перчатки сжимали серебряные цепи, на которых покачивались небольшие жаровни. В каждой жаровне кипел клейкий сок свинцового дерева. Грейдел взял по очереди портреты новых воспитанников и смазал кипящим соком тыльные стороны миниатюр, воздух наполнился запахом жареных сосновых шишек. Профессор аккуратно прикрепил портреты к головкам блестящих эфесов.

— Добро пожаловать, Квинтиниус Верджиникс, старшекурсник Рыцарской Академии, — приветливо улыбнулся он.

— Добро пожаловать, — вторил ему хор наследных рыцарей и профессоров.

— Добро пожаловать, Вилникс Подлиниус, старшекурсник Рыцарской Академии, — произнес Грейдел голосом, не выражавшим никаких эмоций.

Ухмылка на лице Подлиниуса превратилась в гримасу.

Он ослышался? Старшекурсник? Но его должны были назначить помощником профессора...

— Добро пожаловать, — повторили наследные рыцари и профессора.

— Э... Здесь наверняка какая-то ошибка... — проблеял Вилникс, его лицо посерело. — Декан факультета Всех Облаков обещал мне должность помощника...

— Эта должность временно сокращена, — холодно ответил Грейдел. — Сейчас Санктафраксу намного нужнее новые наследные рыцари.

Стоящие вокруг профессора согласно закивали.

— Но Хакс Востилликс сказал...

— Должность была сокращена самим Хаксом Востилликсом. — Грейдел дал понять, что разговор окончен. — Напомню, что перед лицом Санктафракса мы все равны.

Ошеломленный Вилникс тупо смотрел, как наследные рыцари и профессора по очереди покидают кафедру. На смену изумлению пришла слепая ярость. Что за прок быть старшекурсником? Это прямая дорога к рыцарству, поиску грозофракса и верной смерти. Достаточно посмотреть на этих болванов в доспехах, чтобы все понять.

Хакс Востилликс обещал ему должность помощника профессора за все те маленькие одолжения, которые Вилникс делал для него... Вилникс даже не потрудился прочитать свое имя в выпускном листе, такова была его уверенность в успехе...

Каким же он был глупцом! Теперь он все понял.

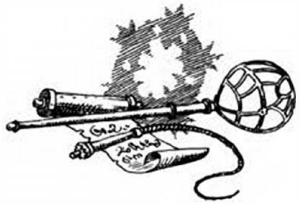
А этот недоумок Квинт улыбается от уха до уха, как будто всего несколько минут назад не прозвучал страшный приговор.

«Что ж, если кому-то и суждено умереть, — думал Подлиниус, спускаясь вслед за Квинтом по хрупкой лестнице, — то уж точно не ему».

Оказавшись на твердой поверхности, Вилникс осклабился. В голову пришла чудесная мысль... Гениальный план. План, достойный самого хитреца и обманщика Хакса Востилликса!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«ПАЛАЧ БУРЬ»



Портальная Башня

жих!

Квинт оглянулся. Высоко в небе прямо над Портальной Башней болтался на натянутой цепи небесный корабль. С каждым новым порывом ветра судно бросало из стороны в сторону так, что доски трещали.

Вжих!

Наследный рыцарь в блестящих доспехах тщетно пытался побороть стихию. Судно опасно накренилось, и Квинт прочел на борту название «Палач Бурь».

Когда-нибудь он, Квинт, тоже будет тренироваться в ожидании самого главного в жизни испытания. И учитывая то, как быстро Академия теряет своих рыцарей, возможно, даже раньше, чем он думает. Только вчера Хемфикс Рут был избран следующим Рыцарем-Академиком и теперь ждал в своей стройной башне колокольного звона.

Квинт гадал, кто из старшекурсников займет место Хемфикса в ряду наследных рыцарей. Уж точно

не он: слишком много приемов еще было не отработано.

— Ну, давай поворачивайся, — проворчал Квинт, резко дергая рычаг лебедки. — Проклянут тебя Небеса!

Запряженный, подвешенный на толстые тросы зубоскал брыкался и недовольно кричал. Пух стал уже совсем взрослым, от своих собратьев его отличал ярко-рыжий окрас и длинная кудрявая бородка. Когда привратники после выдворения Фенвила Вендикса заняли факультет Перистых Облаков, старшекурсники и наследные рыцари забрали своих зубоскалов в Верхние Палаты. Дексиель Ксексис пробовал сопротивляться, но профессора поддержали воспитанников, и рыцарские зубоскалы были избавлены от тяжелых работ на гигантских колесах.

— Тише, мальчик. — Квинт потрепал зубоскала по холке, продолжая сражаться с упрямым рычагом.

На практике все было не так просто, как казалось. Накануне Квинт внимательно прослушал лекцию Фабиуса Дидекса, стараясь не отвлекаться на щебечущих губошлепов, и помнил каждое слово.

Рыцарь-Академик должен медленно спустить зубоскала с корабля в Сумеречные Леса, мастерство достигается упорной многочасовой тренировкой на Портальной Башне.

Как только забрезжил рассвет, Квинт оставил свою просторную комнату, забрал Пуха и поднялся на самый верх Портальной Башни. Прокрутив в го-

лове все сказанное Фабиусом, он приступил к тренировке.

Поначалу все шло хорошо.

Сперва он опоясал зубоскала длинными канатами, привязанными к мостику портала и сам вскарабкался в седло. Затем пришпорил Пуха, и тот, повинуясь команде, спрыгнул с башни. Теперь он болтался, как рыба на крючке, пытаясь освободить застрявший рычаг, чтобы медленно и грациозно, как наставлял профессор, опуститься на землю. А это казалось почти невозможным.

Не желая сдаваться, Квинт еще крепче взялся за рычаг.

— Раз, два, три, — прошептал он. — Пошел!

Он поднатужился и потянул несговорчивую железяку изо всех сил. Раздался скрежет, громкий лязг, и освободившиеся канаты поползли вниз. Медленно, хотя и не слишком грациозно, всадник и зубоскал стали опускаться.

— Тише, Пух. Все хорошо, — уговаривал Квинт зубоскала, поглаживая того по теплому носу. — Не волнуйся.

Они миновали половину пути, и Пух вдруг перестал извиваться. Квинт погладил верного питомца, догадавшись, что тот боялся не высоты и тугих канатов, а нерешительности своего хозяина. Теперь, когда лебедка работала, Квинт успокоился, зубоскал тоже угомонился. Юноша представил, как они с Пухом спускаются с небесного корабля в Сумеречные Леса...

Вжих!

Тем временем «Палач Бурь» продолжал кружить над Портальной Башней. Когда-то этот небесный корабль принадлежал пиратам и служил для перевозки нелегальной древесины и болотного жемчуга, но те времена давно прошли, и теперь наследные рыцари Санктафракса отрабатывали на нем приемы пилотажа.

Земля была уже близко, Квинт уверенно шел на посадку.

Теперь самое сложное, юноша вспомнил слова профессора.

Для плавного прыжка нужно быстро освободить зубоскала от связывающих его канатов. — Квинт потянул один, два, три раза... — *Самое страшное, что может произойти с Рыцарем-Академиком, — это застрять в упряжи над Сумеречным Лесом. Застрять навеки.*

Квинт вздрогнул и лихорадочно схватился за застежку. Та щелкнула, упряжь спала, и Пух опустился на посадочную платформу.

— Хороший мальчик! — воскликнул Квинт, спешиваясь. — Просто молодчина!

Он потрепал шелковистую густую бороду зубоскала. Пух заурчал и закатил глаза от удовольствия.

— Да ты неженка! — засмеялся Квинт, обнимая друга. Внезапно над головой раздался громкий треск.

«Палач Бурь» вконец расшатался. Цепь лязгнула, натянулась и лишь чудом удержала корабль в воздухе.

Квинт увидел, что наследный рыцарь свалился с палубы. Черный плащ развевался за его спиной, как крылья летучей мыши, тяжелые доспехи лишь ускоряли падение, и все, что мог сделать несчастный, — это сгруппироваться перед падением в сугроб.

Квинт опрометью бросился к распластавшейся фигуре. Опустившись на колени подле наследного

рыцаря, он стянул с него шлем и увидел знакомое улыбающееся лицо.

— Рафф? — только и смог выдавить он.

Раффикс с трудом сел.

— Квинт, старина! — поприветствовал он друга. — Ты все видел? — Он посмотрел на Пуха. — Тренируешься? Молодец!

— Тренируюсь, — пробормотал Квинт. — Но... но Раффикс, почему ты в доспехах...

Друг криво улыбнулся и натянул на нос очки.

— Нравятся? — спросил он со смешком. — Такие доспехи носят все наследные рыцари.

— Ты? Наследный рыцарь? — выдохнул Квинт.

— Да, старина. — Раффикс поднялся на ноги и отряхнулся. — Когда они избрали беднягу Хемфикса, его место занял я.

— Но, Рафф... — начал было Квинт. Но друг только махнул рукой.

— Знаю, знаю. — Он поглядел на слуг, собравшихся возле треснувшей цепи. — Я выгляжу не слишком обнадеживающе, но...

— Не слишком обнадеживающе? — набросился на него Квинт. — Да это сумасшествие — летать при такой погоде. Ты это знаешь, я это знаю. — Он фыркнул. — Единственный, кто пребывает в неведении, — Хакс Востилликс!

— Ну, здесь ты ошибаешься. — Раффикс вымученно улыбнулся. — Кое-кто еще считает, что можно поднять корабль в пургу...

— Кто? — только и спросил Квинт.

Раффикс усмехнулся:

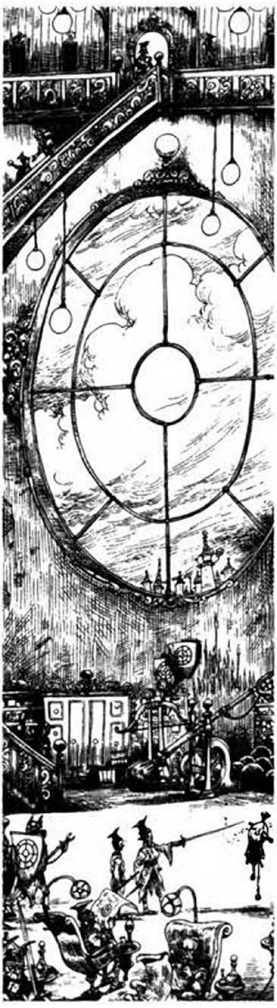
— Один наш старый знакомый...

Бараки

В бараках, как всегда, было шумно. С высокого сводчатого потолка гроздями свисали лампы, а воины-академики коротали вечер в общей гостиной.

Кто-то обсуждал облачные диаграммы и баллистические списки, кто-то спорил о тактическом ведении боя, кто-то полировал меч, кто-то чистил снаряжение, кто-то неспешно ужинал, кто-то с улыбкой слушал чужие разглагольствования.

Многие оттачивали боевое мастерство, соревнуясь в фехтовании, метании копий, бросании ножей. В самом центре огромного зала стоял сам Денгрив Желтоклык — избранный командир воинов-академиков.



— Нет! Нет! Нет! Менделликс! — воскликнул он, зажмуривая глаза от притворного ужаса. — Опуская меч, вы открываете себя для ударов слева.

Отстранив в сторону юного ученика, он вынул из ножен свою рапиру. Мелькнул острый клинок, и тряпичная кукла повалилась набок.

Фин ахнул, глядя, как на пол оседают золотистые стружки.

— Тренируйтесь, Менделликс! Тренируйтесь, — рассмеялся Денгрив, заметив обескураженное выражение на лице юноши. — Если, конечно, хотите в будущем побеждать на дуэлях!

В этот момент распахнулись двери, и вошел орудийный расчет воинов-академиков. Слуги тут же засуетились, снимая со своих господ припорошенные снегом плащи и протягивая им сухую, чистую одежду.

Отряд разместился у жаркого камина, но один из стрелков направился прямиком к командиру.

— Нам нужно поговорить о метательной машине, установленной на бастионе Колледжа Дождя, — заговорил он.

Денгрив жестом отпустил Фина и повернулся к академику.

— Я помню, Мардел, старина, — сказал он. — Как раз сегодня беседовал о них с деканом.

— Если кузнецы не починят в ближайшее время механизм, я просто не смогу позволить своим людям приближаться к ней, — кипятился Мардел. — Выходит, в первую очередь выполняются заказы привратников, а потом уже наши.

Денгрив кивнул.

— Хакс Востилликс только и думает, что о своей Великой Буре, — проворчал он.

— А привратники в это время делают все, что им заблагорассудится, — поддержал его стрелок. — Кстати о Великой Буре, похоже, она снова надвигается. — Он посмотрел в окно.

Денгрив проследил за взглядом товарища. Высоко в небесах раздувал паруса новый небесный корабль.

Некоторые воины-академики, повскакивав с кресел, подошли к окну, но большинство даже не подняло головы. Мало кто в Санктафраксе теперь верил в необходимость полетов. Фин был одним из немногих, кто прильнул к оконному стеклу. На вершине Виадука маячила фигурка Хакса Востилликса. Декан факультета Всех Облаков воздевал руки к небесам, но сверху на него безжалостно сыпались снежинки.

Ветер усилился, начался настоящий снегопад, корабль кидало из стороны в сторону. Казалось, он разлетится в щепки. Фин зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, как перевернутый вверх тормашками корабль уносит в открытое небо.

Хакс Востилликс от бессилия рвал на себе волосы. Как из-под земли рядом с ним возник Дексиель Ксексис и, приобняв декана за плечи, повел назад в Рыцарскую Академию.

Фин отвернулся. Кто же был сейчас на борту? Тонсор упоминал имя бедняги. Кажется, Хемфикс Рут. Несколькими днями ранее Фин видел его в трапезной Восьми Дверей. Несчастный юноша задумчиво

склонился над тарелкой, меланхолично ковыряя вилкой бифштекс из ежеобраза. Теперь его нет.

Кто будет следующим? Однажды очередь дойдет до Квинта. Это всего лишь вопрос времени...

Фин поплелся вверх по лестнице и, добравшись до нужного пролета, повернул в знакомый коридор. В бараках у него была своя просторная комната. Если воспитанники Нижних Палат ютились в крошечных кельях, надстроенных друг над другом, как пчелиные соты, то у воинов-академиков были отдельные уютные покои. В комнате Фина, например, стояли большой сервант, мягкая кровать и даже маленький камин.

Впрочем, один недостаток все же был. Комната Менделликса находилась в самом конце бараков, там где они примыкали к факультету Всех Облаков. По мнению Фина, зто было слишком уж близко к Хаксу Востилликсу. Но нет в жизни совершенства.

Фин уже повернул дверную ручку и собирался войти, как вдруг услышал чей-то слабый, плачущий голос.

— Помогите! Помогите!

Призывные крики шли с факультета Всех Облаков. Фин замешкался.

— Помогите! Пожалуйста, помогите!

В голосе слышалось такое отчаянье, что Фин просто не мог остаться в стороне. Быстрыми шагами он перешел границу с враждебным факультетом и в самом конце темного коридора увидел небольшую дверь из лафового дерева. Личные покои Хакса Вос-

тилликса располагались в другом конце здания и выходили окнами на плац. Комнаты в этой части факультета были кладовыми...

— Помогите!

Фин толкнул дверь и переступил через порог. В холодной тесной комнате сидел не кто иной, как впавший в немилость декан факультета Кучевых Облаков Филиус Эмбертин.

Академик полулежал в летучем кресле, вместо привычных начищенных доспехов на нем был потертый камзол, гамаши и несчетное количество шалей и шарфов. В ногах у Филиуса Эмбертина валялась целая гора свитков, рядом ярко горела опрокинутая сальная свеча. У Фина перехватило дыхание. Искры пламени летели на бумагу, в любой момент мог разгореться пожар.

— Помогите! — Заметив Фина, Филиус Эмбертин призывно замахал ему рукой, в теплой варежке был зажат еще один свиток.

Фин подбежал к свече, задул пламя и потушил занявшиеся свитки.

— Я... читал... когда... когда... — зачастил профессор, вглядываясь подслеповатыми глазами в образовавшийся полумрак.

— Все хорошо, — успокоил декана Фин. — Вы, должно быть, уронили свечу... К счастью, я как раз проходил мимо и услышал крики. Все могло закончиться очень печально...

— Печально? Печально? — Филиус Эмбертин сдвинул брови. — Вы, юноша, даже не представляете, насколько печальная участь ждет в скором времени всех нас!

Неожиданно академик схватил Фина за рукав и притянул к себе. Теперь пронзительно голубые глаза Эмбертина буравили его насквозь.

— Вы же воин-академик, я прав, юноша? — проскрипел он. — Я могу довериться вам? Могу?

Фин молча кивнул.

— Вы должны взять эти бумаги, — засуетился декан, передавая Фину свиток. — И отправиться на факультет Кучевых Облаков, в мои личные покои. Там в спальне возле скульптуры губошлепа будет деревянная панель... Пока все понятно?

Фин снова кивнул.

— Отодвиньте ее. — Голос декана слабел с каждой секундой. — И найдете шкатулку, передайте ее и свиток, который я дал вам, моему верному другу Скридиусу Толлинксу, наследному рыцарю. Скажите ему, что пришло время «отдать небу то, что было у него взято». Скридиус поймет, что означают эти слова...

Фин кивнул в третий раз, в горле встал комок. Бедный Филиус Эмбертин все же потерял рассудок. У Фина не хватило храбрости сказать академику, что Скридиус Толлинкс исчез в открытом небе, как

все остальные последовавшие за ним Рыцари-Академики.

— Я... я посмотрю, что можно сделать, — тихо произнес он.

— Теперь уходите. — Филиус умоляюще глядел на юношу. — До того как *они* вернутся. — Декан еще крепче стиснул руку Фина. — *Они* служат Хаксу, — доверительно прошептал он. — Он держит меня в плену.

Фин засунул свиток в рукав.

— Я могу еще что-нибудь для вас сделать? — спросил он, сдерживая набежавшие на глаза слезы жалости.

— Нет, только заберите шкатулку, — затряс головой декан. — Действовать нужно быстро. От этого зависит будущее Санктафракса!

— Я все сделаю! — ответил Фин, выходя из комнаты. Свитки? Панели? Будущее Санктафракса? Бедный Филиус Эмбертин перепутал сон с явью.

Фин уже дошел до своей комнаты, как вдруг услышал стук тяжелых сапог и грубые голоса. Оглянувшись, он увидел двоих привратников, направляющихся к маленькой келье бывшего декана.

— Что во имя Неба ты натворил, старый болван? — взревел один из привратников, отворяя дверь. — Повсюду пепел!

— На минуту нельзя одного оставить, — шипел второй. — Хочешь, чтобы тебя приковали цепями? Этого хочешь?

У Фина отвисла челюсть. Быть может, Филиус Эмбертин говорил правду?

Кузница

Серый гоблин не сводил глаз с пляшущего в печи огня. На кузнеце красовался тяжелый передник из тильдячьей кожи, толстые перчатки и высокий треугольный колпак, и все же жар, идущий от печи, обжигал лицо.

— Еще чуть-чуть, — уговаривал себя кузнец, часто моргая уставшими глазами. В печи белел раскаленный клубок плавленого металла.

В одной руке мастер сжимал длинные щипцы, в другой — тонкий тигель с расплавленным металлом. Осторожно окунув щипцы в металл, кузнец вытянул горячую полоску и сделал ею в воздухе несколько виражей. Полоска застыла и превратилась в крепкий обруч, на который, повинуясь точной руке мастера, лег второй обруч, за ним трётий, и постепенно на кончиках щипцов образовалась хрупкая металлическая круглая клетка.

Этот этап был самым сложным. Жара становилась невыносимой, рука дрожала, и изящная клетка в любой момент могла обрушиться на пол, превратившись в кипящую лужу расплавленного металла.

«Ничего удивительного, — подумал Стоуп. — Было безумием плести клетку, словно паук плетет свою паутину».

Эта смелая идея пришла Стоупу в голову, когда он наблюдал за огромной форсункой, обогревающей скалу. Если бы летучие скалы небесных кораблей можно было обогревать таким же способом, то отваж-

ные Рыцари-Академики имели бы больше шансов удержать свои корабли на воздушных волнах.

С тех пор Стоуп направил весь свой пыл и талант на воплощение в жизнь своей задумки. Вместо тяжелых и быстро сгорающих дров кузнец решил использовать древесный уголь, долгоиграющий и легкий, как перышко.

Но каким образом можно хранить древесный уголь на борту? Стоуп пробовал поместить его в металлические жаровни — овальные трубы с дырочками, но ничего не выходило.

Уголь либо погасал, либо выпадал наружу. После долгих часов упорного труда, а работал Стоуп по ночам, когда его хозяева Грязикад и Кучевал засыпали, серый гоблин придумал круглую металлическую клетку, сквозь частые прутики которой легко выходило тепло и не выпадал уголь.

Долгие часы Стоун проводил за работой над своим шедевром. Иногда в кузницу по ночам заходил Раффикс. Друзья вместе весело коротали долгие часы, старшекурсник охотно помогал гоблину, поддерживал шуткой, был на посылках.

Смотреть на огонь было больно, но Стоун отважно таращил глаза, глядя в самое сердце жаровни. Шесть... семь... восемь колец... А сейчас...

Он схватил щипцы, вытащил из огня свой раскаленный шар и сунул в холодную воду. Раздалось грозное шипение, повалил дым, и Стоун стянул колпак. Его произведение быстро меняло цвет, превращаясь из белого в желтый, из желтого в красный.

Тьма за окном сменилась утренним светом. Клетка ярко блеснула в руках кузнеца. Осталось только проделать небольшое отверстие для угля с крошечной дверцей на маленьких серебряных крючках и выковать золотой замочек. Стоун радостно улыбнулся. Ему не терпелось показать свое творение Раффиксу.

Обсерватория Лофтуса

— Что там за шум? — тихо пробормотал себе под нос профессор Света.

Он отстранился от телескопа и рассеянно оглядел башню обсерватории. Он что-то слышал, это точно... или ему все-таки почудилось. Вот что значит подолгу смотреть на небо.

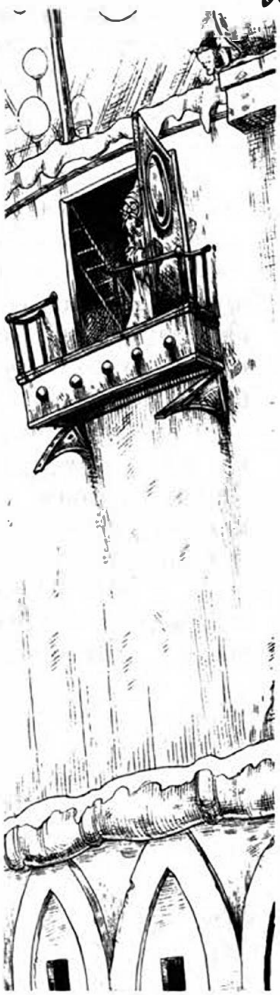
Профессор Света уже давно разглядывал небеса в поисках хоть какого-то следа бедного Хемфикса Рута, последнего Рыцаря-Академика, отправленного в Сумеречные Леса за грозофраксом. Профессор сокрушенно покачал головой. Корабль перевернулся в одно мгновение, и его тут же выбросило в открытое небо. Хемфикс не успел покинуть борт и спастись.

Еще один храбрый юноша сгинул, а во имя чего?

— Во имя неуемной гордыни и безумных фантазий Хакса Востилликса, — вздохнул профессор.

В воздухе не было и намека на кислые частицы, но Хакс не хотел ничего слушать. Он возглавлял Рыцарскую Академию, а значит, никто, даже Высочайшие Академики не могли помешать ему отправлять рыцарей на верную смерть.

— Безумие, чистой воды безумие, — проворчал профессор, поднимаясь со стула и направляясь к винтовой лестнице.



Еще ступив на первую ступеньку, профессор понял, что что-то не так. Откуда-то шел сквозняк, раздавался шум... Он обернулся и увидел, что одна из четырех стеклянных балконных дверей распахнута.

— Как такое могло произойти? — вслух изумился профессор. — Похоже, моя вторая половина с возрастом стала рассеянной.

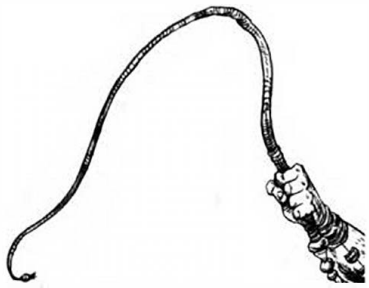
Он поплелся к дверям, продолжая ругать беспечность профессора Тьмы, но, приблизившись, заметил, что замок на двери сломан. Пришлось подналечь на дверь, чтобы она захлопнулась поплотней. Внезапно профессор увидел на полу несколько металлических болтиков.

— Вот ротозей, разбросал повсюду свои побрякушки, — пробурчал профессор Света, ковыляя обратно к лестнице. — Я же мог поскользнуться и сломать себе ногу.

Снаружи завывала вьюга, бушевал разъяренный ветер. Профессор Света осторожно шагал по старой лестнице, не обращая внимание, что кроме стука его сапог слышатся еще чьи-то шаги.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ХАКС



Капитан привратников

Дексиель Ксексис в своем широком, отороченном мехом плаще распахнул двери факультета Перистых Облаков и вихрем ворвался внутрь. В зубоскальне было ужасно холодно.

Чтобы сэкономить дрова, Ксексис запретил топить жаровни.

— Зубоскалы должны работать, нечего с ними нянчиться, — перебил он рискнувшего возразить привратника. — Этот сброд, — он указал на застывших работников зубоскальни, — теперь будет работать на гигантских колесах! — Слуги факультета Перистых Облаков нехотя послушались своего нового хозяина.

Вскоре теплый, прелый, мускусный запах зубоскальни превратился в вонь гниющего корма, старой соломы, пота и навоза. Но капитан привратников Дексиель Ксексис, казалось, не замечал перемен. Он горделиво расхаживал по зубоскальне, придирчиво разглядывая пустые насесты.

— А что здесь делает эта тварь, когда остальные работают? — воскликнул он, заметив бурого зубоскала с белыми пятнами.

— Он хромает, господин, — ответил молодой гоблин-прислужник.— Повредил ногу на прошлой неделе.

Ксексис смерил дрожащего гоблина взглядом.

— На прошлой неделе! — передразнил он.— Сколько раз мне еще повторять? Зубоскал, который не может работать, — лишний рот. Понятно?

— Да... господин, — ответил гоблин, заливаясь слезами.

Как же все изменилось с тех пор, как Фенвил Вендикс ушел с факультета. Бывший декан был строг и порой суров, но он лично не спал ночами, выхаживая заболевшего зубоскала. Теперь к власти пришли привратники, безоговорочно повинующиеся Хаксу Востилликсу, а Хакс Востилликс требовал всегда одного и того же — форсунка должна днем и ночью обогревать летучую скалу.

С тех пор зубоскалы круглосуточно трудились на гигантских колесах, и размеренная жизнь зубоскальни была нарушена. По факультету расхаживали вооруженные до зубов привратники, которые следили за тем, чтобы приказы Дексиеля Ксексиса выполнялись безоговорочно.

Насестов, отведенных специально для больных зубоскалов, больше не существовало, старых и больных животных забивали, маленьких детенышей больше не выращивали в тепле и заботе. Теперь зу-

боскалов поставляли купцы Нижнего Города, а там их растили в плохих и тяжелых условиях.

Сильные, мощные рыцарские зубоскалы сгинули вместе со своими хозяевами, и теперь на центральных насестах сидели молодые, немощные животные, такие же зеленые и испуганные, как новые, совершенно неподготовленные к опасной миссии наследных рыцарей.

Дексиель Ксексис быстро прошел мимо салютующих ему привратников и взбежал вверх по холодной мраморной лестнице. День выдался тяжелый. Кроме того, что Дексиель тренировал и снаряжал свою постоянно растущую армию, ему приходилось с рассвета носиться за обезумевшим Хаксом Востилликсом.

После очередного проваленного отлета у Хакса появилась мания преследования, теперь он требовал, чтобы Дексиель неотлучно был при нем. Это было утомительнейшее времяпрепровождение, кроме того, у капитана привратников были свои личные планы...

Дексиель пересек коридор, повернул золоченую ручку лафовой двери, вошел в комнату и увидел у окна сутулую фигуру купца. Дверь хлопнула, купец обернулся.

У незваного гостя было красное, потное лицо, он был облачен в дорогую, но поношенную одежду. Казалось, у ее владельца просто нет денег на то, чтобы позволить себе новую. Вышитый серебряными нитями камзол был весь в заплатах, а когда-то роскошные манжеты и жабо походили на тряпку.

— Что ты здесь делаешь, Хефт? — Рука Дексиеля Ксексиса машинально легла на рукоятку меча. — Я же просил тебя не приходить в академию. Это может вызвать ненужные домыслы...

— Я бы и не пришел, — в елейном голоске Хефта Веспиуса прозвучали угрожающие нотки, — если бы ты выполнил свою часть сделки. Я нашел для тебя новых привратников — подлых, грубых, строптивых, таких не сыщешь в самых злачных местах Нижнего Города. — Он прищурился. — Взамен я хочу стать управляющим гигантских колес, как мы и договаривались.

— Все не так просто, Хефт. — Дексиель немного смягчился. — Ты же понимаешь, мы в Санктафраксе, а здесь такие дела решаются не в один день.

Ксексис подошел к окну и посмотрел на занесенные снегом башни.

— В Санктафраксе нужно уметь пресмыкаться и терпеть, льстить и обманывать, выждать нужный момент... — Он взмахнул кулаком. — И нанести удар!

Кулак угодил Хефту прямо в живот.

— Ох! — толстяк согнулся пополам и осел.

— В следующий раз крепко подумай, прежде чем прийти в Рыцарскую Академию... Особенно сейчас.

— Почему... сейчас?.. — выдохнул Хефт, с опаской глядя на Ксексиса.

— Потому что, мой жирный друг, — усмехнулся тот, — воины-академики что-то пронюхали. Этот выскочка, их командир, ищет любого предлога, чтобы заставить Хакса распустить привратников. А твой визит в мои личные комнаты, как раз то, что нужно. — Дексиель угрюмо усмехнулся. — Но не будем ссориться.

Хефт осторожно взял протянутую Ксексисом руку и поднялся на ноги.

— Но ты же замолвишь за меня словечко перед Хаксом? — пролепетал он.

— Да, да, — рассеянно повторил Ксексис. — Обязательно замолвлю.

Дексиелю безумно не хотелось идти на поклон к декану факультета Всех Облаков, который только и думал о грозофраксе и повсюду видел землеведов. Ничего, если все получится, в Рыцарской Академии начнутся большие перемены. Он ухмыльнулся.

— Не волнуйся, старина. Хакс Востилликс — это моя забота...

Командир воинов-академиков

Денгрив Желтоклык шагал по широкой улице, изредка поглядывая на бесконечную череду башен, шпилей, куполов и балконов школ и академий Санктафракса. За ним следовал отряд из двадцати воинов-академиков.

Снег шел уже много часов подряд, ртутный столбик стремительно падал вниз. Воины-академики дружно скрипели сапогами, тяжело ступая по заснеженной земле. Еще сто метров, и улица превратилась в широкую площадь, на которой стояло сразу несколько институтов. В конце площади была сооружена большая орудийная батарея.

Денгрив Желтоклык, избранный командир воинов-академиков, пересек площадь и взобрался по лестнице на самый верх орудийной батареи. Там, как кости какого-то гигантского существа, лежали различные по длине и ширине балки, распорки и перекладины — все, что осталось от двухместной метательной машины, являвшейся до недавнего време-

ни частью оборонного вооружения Санктафракса. Упершись руками в каменную стену, ждал там своего командира одинокий воин-академик.

Заслышав шаги Денгрива, он обернулся. Желтоклык увидел перед собой совсем молодого юношу с бледным перепуганным лицом.

— Командир, — прошептал он, — вы пришли, благодарение Небесам.

— Что здесь произошло? — спросил Желтоклык.

— Произошло? — тихо повторил юноша. — Все было так неожиданно... — Он проглотил комок. — Метательная машина... Что-то треснуло.... У них не было ни одного шанса выжить...

— Все в порядке, сынок, — Желтоклык похлопал юношу по плечу. Паренек, по всей видимости, пережил шок, Денгрив и раньше видел такое выражение на лицах своих людей. Командир

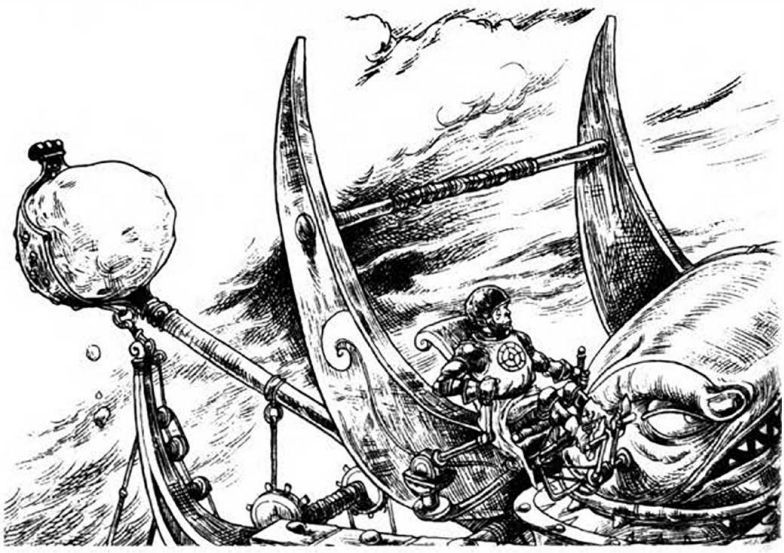
жестом приказал своему отряду разобрать остатки катапульты и снова обратился к юноше: — Вендип, — произнес он. — Тебя же зовут Вендип Трокс?

Денгрив гордился тем, что помнит по именам всех воинов-академиков. Юноша кивнул.

— Итак, Вендип, расскажи все по порядку, — попросил Денгрив. — Все-все от начала до конца.

Юноша всхлипнул и начал свой ужасный рассказ.

— Было почти восемь часов, наша смена как раз заканчивалась. — Он снова всхлипнул. — Дежурство прошло спокойно, мы все ждали, когда же пробьют часы и мы сможем пойти на ужин. — Он запнулся,



пытаясь сдержать хлынувшие из глаз слезы. — В трапезную Восьми Дверей.

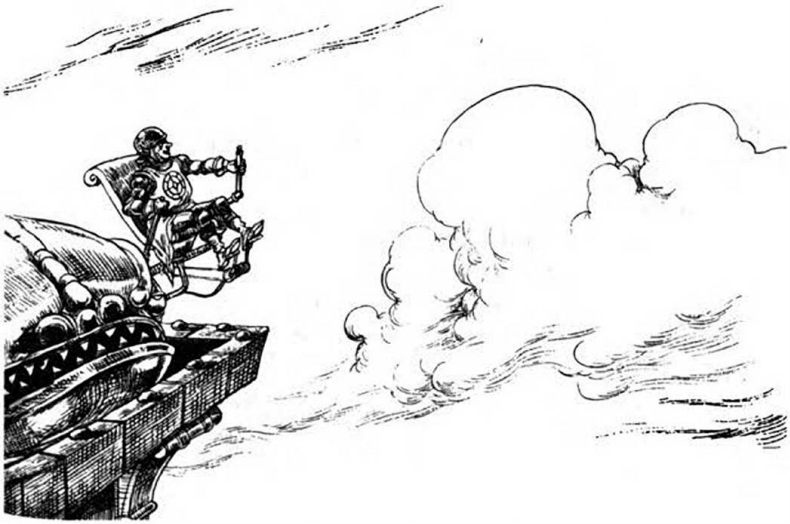
— Соберись, — попросил его Желтоклык.

— Я был смотровым, — продолжал юноша. — Еще двое сидели в метательной машине... Целый день мела пурга, мы отчаянно скучали. Но вот снег прекратился, и мы решили... просто так... ради шутки...

— Говори, — поторопил его Желтоклык.

— Мы решили опробовать метательную машину... проверить спусковой механизм и все такое.

— И чем же вы собрались стрелять? — спросил Желтоклык. — Огненными лафовыми шарами или каменными снарядами?



— Нет, командир, — затряс головой Вендип. — Конечно нет! Мы бы не стали тратить снаряды... — Он повесил голову.

— Что же вы сделали, Вендип? — вышел из себя Желтоклык.

— Мы решили стрелять снежками, — прошептал юный воин-академик.

Командир покачал головой. Уже не первый раз молодежь баловалась тем, что запускала в открытое небо огромные снежки.

— Что же случилось? — спросил он.

— Как я уже сказал, что-то треснуло, — проговорил Вендип. — Я обернулся и увидел, что крылья метательной машины полетели вниз, а вместе с ними Тонсор и Квилтис... — Он покачал головой. — Мы ничего не успели сделать.

Внезапно раздался чей-то удивленный возглас. Денгрив и Вендип обернулись. Один из воинов-академиков сжимал в руке большой металлический болт.

— Я кое-что обнаружил командир, — воин-академик протянул находку Желтоклыку. — Смотрите, болт старый и ржавый. Его давно нужно было заменить...

Желтоклык изменился в лице:

— Я давным-давно просил кузнецов, умолял их проверить и починить метательные машины... Но нет, они выполняют только приказы привратников!

Он хватил кулаком о стену и не почувствовал боли. Тонсор Уексис и Квилтис Уистлвеб! Кровь закипела в венах Желтоклыка, когда он вспомнил двух совсем еще молодых своих подопечных. Они только-

только выпустились из Нижних Палат! Неразлучные друзья, такие веселые, такие жизнелюбивые! Как они радовались тому, что записаны в один отряд. Какой печальный конец!

Сверкающие глаза командира глядели в зияющую пропасть, где сгинули два товарища. Кузнецы пренебрегли просьбой Желтоклыка и выполняли поручения наглого выскочки Дексиеля Ксексиса. А все знают, чей он слуга...

Воины-академики, притихнув, смотрели на своего командира. Денгрив знал, что их сердца переполняет та же ярость.

— Хакс Востилликс! — закричал он, глядя в темное небо.— Ты за это заплатишь! Два отважных воина-академика мертвы! Ты заплатишь, беру в свидетели Небеса!

Бывший декан факультета Перистых Облаков

Фенвил надел очки, натянул капюшон и неприметной тенью отделился от высокой арки. Держась поближе к стене, он быстро зашагал по направлению к гигантскому колесу Восточной Лестницы. Заходящее солнце слепило глаза даже сквозь защитные очки. Бывший декан факультета Перистых Облаков прикрыл глаза рукой. Ночью снова пойдет снег, в этом можно было не сомневаться. Бедным зубоскалам и свиномордам придется работать долгие часы, чтобы согреть скалу.

Оказавшись на площади, Фенвил Вендикс задрал голову вверх и уставился на колесо. Десять зубоскалов и два гигантских свиноморда устало шагали по кругу взад и вперед. Всю округу оглашал противный скрип ржавых осей. Каждый поворот колеса опускал или поднимал форсунку на тридцать метров. Как только цепь полностью разматывалась, раздавался крик надсмотрщика.

Фенвил печально глядел на своих зубоскалов. Они еле двигались от усталости. Многие его любимцы околели, а зубоскалы, присланные им на смену из Нижнего Города, оказались еще слабей. Их шкура была бледной и редкой, ребра выпирали наружу, язвы кровоточили. Недоедающие и недосыпающие, они грустно тащились в свою холодную зубоскальню.

— Эй, ты! Поторапливайся! — раздался грубый окрик.

Фенвил обернулся и увидел новую смену зубоскалов, подгоняемую привратниками. Каждый сжимал в руках хлыст и не жалея сил лупил им несчастных зверей и замешкавшихся слуг факультета.

— Шевелись, кому говорю?! — проревел краснолицый лопоухий привратник, обрушивая хлыст на спину серого зубоскала.

Фенвил отшатнулся, как будто это его сейчас ударили. Зубоскал жалобно взвыл и потрусил за своими собратьями.

В следующий миг прогудел резкий звонок. Дневная смена уступала место ночной. Услышав знакомый сигнал, зубоскалы на колесе засуетились, этот звонок был избавлением от мук, пускай и временным.

Слуги быстро распрягали одних и запрягали других животных, зубоскалы скулили и ревели, а остервеневшие привратники наносили несчастным беспорядочные удары хлыстами.

Несчастные свиноморды, которые работали круглосуточно, грустно смотрели на освободившихся товарищей по несчастью. Их лохматые уши безжизненно свисали вниз, а под упряжью краснела кожа.

— Крутитесь! — Один из привратников хватил свиномордов хлыстом. — Крутитесь!

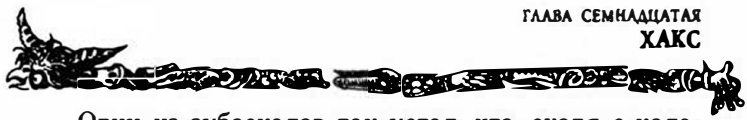
Фенвил Вендикс затрясся от бессильной ярости. Обычно свиноморды слушались и не было нужды так издеваться над ними.

В Дремучих Лесах эти могучие звери сооружали гигантские постройки и помогали древесным гобли-

нам собирать урожай диковинных плодов, чей горячий лиловый сок вызывал прекрасные сновидения.

Фенвил знал, что иногда древесные гоблины используют свиномордов в бою и те не раз показывали себя безжалостными и отчаянными воинами. Как же Фенвил сейчас желал, чтобы несчастные звери восстали против своих мучителей, разорвали тех в клочья... Но этого не произойдет. Дух свиномордов был сломлен постоянными побоями и утомительной работой.

— У-у-у...



Один из зубоскалов так устал, что, сходя с колеса, споткнулся и упал, подвернув ногу. Привратник стоял над раненым животным, ругаясь почем свет и молотя несчастного тонким хлыстом.

Остальные зубоскалы топтались на месте, жалобно завывая. Слуги пытались успокоить их и поскорей увести прочь.

— Я покажу тебе, как бездельничать, глупое ленивое животное! — вскричал привратник, в очередной раз взмахнув хлыстом.

Фенвил быстрым шагом направился к колесу. Как смеют эти грубияны и невежды *так* обращаться с живым существом?! Особенно с его любимыми зубоскалами! Это варварство. Неоправданное. Необъяснимое...

— Руки прочь! — приказал он привратнику.

Привратник с удивлением уставился на того, кто посмел перечить ему. Фенвил Вендикс снял очки и посмотрел обидчику прямо в глаза.

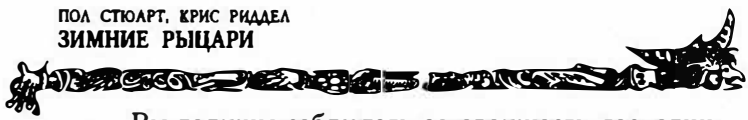
— Руки прочь! — повторил он.

Привратник опустил хлыст, презрительно пожал плечами и отвернулся.

— Одно дело — бестолковый зубоскал, — пробормотал он, присоединяясь к своим товарищам. — Другое — безумный академик!

Фенвил опустился на колени и ласково погладил раненое животное. Но было слишком поздно. Зубоскал прерывисто задышал, закатил глаза и умер.

Фенвил зажмурился и повесил голову. Кто-то положил руку ему на плечо, обернувшись, бывший декан увидел взволнованного Тагла.



— Вы должны соблюдать осторожность, господин декан, — прошептал крох-гоблин. — Если привратники донесут на вас Хаксу Востилликсу...

Фенвил резко поднялся и сжал хлыст так, что побелели пальцы.

— Хакс! — с ненавистью произнес он.

Декан факультета Всех Облаков

Единственный и полновластный декан Рыцарской Академии тупо смотрел на стоящую перед ним тарелку с тильдячьей похлебкой. Ложка, зажатая в его руке, ходила ходуном, и жирный бульон брызгал на богатые одежды.

— О Небеса! — проворчал декан, бросая ложку, и принялся оттирать салфеткой коричневые пятна.

Внезапно он застыл, уставившись на лиловую ткань.

— Болотный жемчуг, — пробормотал он. — Когда-то эта мантия была украшена болотным жемчугом...

Это была последняя капля. Какой-то слуга или даже воспитанник срезал жемчуг с одеяния своего декана! Неужели все они так его ненавидят? Хакс Востилликс, декан факультета Всех Облаков и единоличный глава Рыцарской Академии, впал в тяжкие раздумья.

Он снова было взялся за ложку, но аппетит пропал. Поставив тарелку на серебряный поднос, он отказался от ужина. Как отказался от него вчера и позавчера.

Как можно думать о еде, когда с неба беспрестанно падает снег, а летучая скала немилосердно мерзнет?

Хакс поглядел в окно, надеясь увидеть там хотя бы один призрачный знак того, что погода в скором будущем изменится. Но вьюга выла, метель мела, а в воздухе не было и намека на кислые частицы. Значит, пока он не сможет послать в Сумеречные Леса нового рыцаря.

Хакс покачал головой.

— Почему это происходит со мной, преданным небоведом? — простонал он. — Неужели я мало сделал? Я изгнал из Санктафракса землеведов. Я очистил Рыцарскую Академию. Я затеял облаву на инакомыслящих во всех школах и академиях... Но Небеса все равно недовольны...

Семя сомнений, запавшее в сердце декана, расцвело пышным цветом. Мог ли он ошибиться в своих прогнозах? Вдруг не было никакой Великой Бури?

Он стукнул кулаком по столу, посуда задребезжала.

Нет! Он не должен так думать. Не должен. Он, Хакс Востилликс, самый великий небовед в истории, отправил за грозофраксом стольких Рыцарей-Академиков. И был прав!

Но он видел, с каким укором смотрят на него Высочайшие Академики и другие — профессора, воспитанники, воины-академики... В их глазах больше нет веры.

Он снова покачал головой, отгоняя нахлынувшие воспоминания.

В тот день в Лекционном Зале все было по-другому. Его слушали, ему внимали, а он с помощью верных привратников изгонял из Санктафракса приверженцев вредной землеведческой теории. Даже Скридиус Толлинкс в конце концов встал на его сторону...

Встал и первым сгинул в открытом небе.

Нет, с тех пор очень многое изменилось. Теперь Хакса Востилликса презирают и ненавидят. Он снова взглянул на свою обедневшую без жемчуга мантию. Да, ненавидят. Если бы не поддержка Дексиеля Ксексиса, его самого бы уже давно выкинули из Санктафракса. Впрочем, нужно быть начеку, возможно, сам Дексиель Ксексис не так прост, как кажется.

— Нам же не нужен слуга, метящий на место хозяина?! — прошептал декан.

Он бросил взгляд на свой письменный стол, на нем лежали карты, прогнозы погоды, длинные логарифмы и...

— А это что такое? — спросил он сам себя.

На серебряном подносе стояла позолоченная вазочка с маленькими засахаренными ягодками.

Кто-то заботливо приготовил дикие ягоды и тайком поставил их на стол усталого академика. Похоже, кто-то в Санктафраксе его все же любит.

Хакс взял одну ягодку, сахарный сироп заблестел на ней, как корочка льда. Декан облизнулся. Конечно, сласти это баловство, но если он съест одну ягодку, никто не узнает.

Он положил ягодку в рот и зажмурился. Она просто таяла во рту. Такая сладкая...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРЕПИСКА

орогая Марис!

Несказанно рад узнать, что мое прошлое письмо тебе понравилось. Но боюсь, это послание будет много короче. Его тебе передаст Вилникс Подлиниус. Признаюсь, мое первое впечатление было обманчивым, Вилникс оказался верным и честным товарищем. Я написал тебе о нем много дурного и теперь искренне жалею об этом.

Кстати, ты же не знаешь последних новостей! Мы с Вилниксом зачислены в Верхние Палаты! Я буду воспитанником, а Вилникс — помощником профессора (это еще самое меньшее, что заслуживает этот трудолюбивый юноша). Церемония Возвышения состоится через три дня, поэтому мне нужно забрать свою миниатюру, отполировать меч, купить новую одежду и сделать еще тысячу дел.

К сожалению, на все это требуются немалые деньги, а я уже истратил все, что оставил отец. Представляешь, мой покровитель — профессор Света — оказался настоящим скупердяем. Кому повезло, так это Вилниксу с его щедрым профессором Тьмы.

Полагаю, тебя не затруднит одолжить мне небольшую сумму, скажем, пятьдесят золотых? Твой отец должен был оставить тебе большое наследство. Ты сможешь положить деньги в вазу, которую тебе завтра на базаре передаст вместе с этим письмом Вилникс.

Я знаю, что могу на тебя положиться!

Твой друг

Квинтиниус Верджиникс,
воспитанник Верхних Палат.

Дорогой Квинт!

С каких это пор ты подписываешься так странно и непривычно: «Квинтиниус Верджиникс»? Надеюсь, зачисление в Верхние Палаты не вскружило твою сиятельную голову!

Я шучу...

Понимаю, что на Церемонию Возвышения уйдет куча денег, но ты не прав, считая, что у меня горы золотых. Хефт и Дачия — жуткие скряги. У них столько добра, а они рядятся во рванину, вышедшую из моды полвека назад.

Хефт забрал все, что мне досталось в наследство. Это нечестно, но стоит мне открыть рот, он машет у меня перед носом письмом отца и заявляет, что не даст мне ничего, пока я не стану «взрослой и разумной». Скорее бы вырасти, вот только такой же «разумной», как мои опекуны, я становиться не желаю.

Кстати, я только вспомнила! В Санктафраксе что-то определенно происходит. Вчера к нам заявился этот ужасный Дексиель Ксексис и долго шушукал-

ся с дядюшкой. Я была заперта в комнате (впрочем, как всегда) и ничего толком не расслышала. Но Дельби — городская гномиха, наша служанка — во время их разговора топила в гостиной камин, кое-что подслушала, а потом все мне рассказала.

Дексиель просил Хефта найти в Нижнем Городе побольше негодяев, желающих стать привратниками в Санктафраксе. Хефт все время хныкал (он постоянно хнычет с сильными и кричит на слабых) и повторял, что и так потратил много золота из личных запасов на то, чтобы заплатить рекрутам, и теперь хочет «получить обещанное». Я думаю, он спит и видит, как работает управляющим на колесе.

А потом Дексиель сказал кое-что интересное. Он попросил Хефта набраться терпения до того момента, «когда чернь станет господами». Но Хефт продолжал хныкать, пока все не закончилось громкой ссорой. Дексиель запретил Хефту появляться в Рыцарской Академии и ушел, хлопнув дверью.

Что ты обо всем этом думаешь?

Мне кажется, ты должен рассказать об этом Высочайшим Академикам, я уверена, что за всем стоит Хакс Востилликс. Он и правда такой безумец, как говорят? Я слышала, что многие Рыцари-Академики ушли из жизни по его вине. Он послал их за Великой Бурей, которой не было.

Будь осторожен, Квинт, пожалуйста! Изредка Дачия выдает мне карманные деньги, я их коплю, но это такие крохи! Сейчас у меня всего-навсего пять золотых. Хефт держит золото в большом сундуке из

лафового дерева. Делби сказала, что сундук стоит у него под кроватью, и каждый раз перед сном дядюшка пересчитывает свои сбережения. Скупец!

Я посылаю тебе пять золотых. С удовольствием послала бы больше. Но это все, что есть. Я вложу деньги и письмо в вазу и передам Вилниксу, как ты просил. Желаю удачи на Церемонии Возвышения!

Твоя подруга
Леди Марис Паллитакс-Веспиус
(шутка!)

P. S. Я заметила одну странность, Квинт. Твое письмо — бумага и чернила — так похоже на папино завещание. Бумага такая гладкая с мелкими серыми точками. Я обратила на это внимание, потому что отец всегда писал на немного шероховатой светлой бумаге. Но почерк, несомненно, его. А теперь ты присылаешь такое же письмо, чудеса!

Дорогая Марис!

С чего ты решила, что я важничаю? Да, я подписался полным именем, но ты должна понимать, что теперь я старшекурсник и пора оставить детские замашки. Можешь шутить сколько угодно, но я прав. И ты, как дочь бывшего Высочайшего Академика, обязана это принять.

Я очень расстроился, когда нашел в вазе всего пять золотых, к счастью, на помощь пришел мой верный друг Вилникс Подлиниус. Он сам наточил мой клинок и выполнил несколько важных поручений, в том числе забрал у тебя и письмо и эти жалкие монеты.

Если бы ты была мне таким же хорошим другом, как Вилникс, то непременно нашла бы способ выкрасть у дяди золото и послать его мне. Я уверен, что твой бедный отец желал бы этого всей душой. Если ты действительно считаешь меня своим другом, Марис, найди способ заполучить золото и передать Вилниксу. Он будет каждую неделю в базарный день проходить под твоим окном. Тебе нужно только махнуть красным платком в знак того, что все прошло успешно. И не жди от меня писем, пока не докажешь на деле искренность своей дружбы.

Я расскажу о твоих тревогах профессору Света. Не удивлюсь, если Хакс и правда что-то замышляет. Он не только безумец, но и негодяй, в чем Вилникс убедился на собственном опыте. Представляешь, после того как мой друг столько сделал для него, Востилликс жестоко обманул бедняжку. Вместо того чтобы назначить его помощником профессора, злой декан определил его в старшекурсники, хотя Вилникс не имеет никакого желания носиться за грозофраксом.

Я был так сердит, когда Вилникс поделился со мной своим горем, что хотел своими руками убить Хакса Востилликса. Меньшего тот не заслуживает! Вот как поступают настоящие друзья.

Не подведи меня, Марис!

Твой Квинтиниус Верджиникс,
воспитанник Верхних Палат.

Дорогой Квинтиниус!

Твое прошлое письмо ранило меня в самое сердце. Я проплакала всю неделю, если бы ты знал, как я хочу

быть твоим другом! И все же убить кого-то собственными руками — пусть даже Хакса Востилликса — не доказательство искренней дружбы. От одного вида твоего товарища у меня по коже бегут мурашки.

Он уже три недели расхаживает у меня под окнами с отвратительной ухмылочкой на лице. Похоже, он рад тому, что ты сердишься на меня, а я тоскую. Я была так несчастна все эти дни, что махнула рукой на все свои принципы и сделала то, что ты меня просил, — украла.

Вчера мне удалось проскользнуть в спальню Хефта. В тот вечер толстяк и его жена наливались вином. Они были очень пьяны, смеялись и все время распевали «когда чернь станет господами». Это было ужасно!

Я прокралась в спальню дяди и тети и спряталась за шторами. Когда опекуны заснули, я на цыпочках вышла из своего укрытия и вытащила из сундука около ста золотых! «Около ста золотых», потому что у меня просто не было времени их пересчитывать.

Итак, я выполнила твою просьбу! Ты найдешь деньги в вазе вместе с письмом. Я передам все Вилниксу завтра вечером, когда он снова пойдет мимо моего окна (а он непременно пойдет). Надеюсь, это сотрет отвратительную ухмылку с его лица!

Когда Хефт заметит пропажу, мне не поздоровится, но ты просил доказать свою дружбу, и я это сделала! Я пишу «когда заметит», а не «если», потому что дядюшка точно знает, сколько золота лежит в его сундуке. Я не слишком горжусь своим поступком и собираюсь бежать из дома. Решила, пойду прямиком

к Высочайшим Академикам и на коленях буду просить забрать меня от опекунов. Я расскажу им всю правду, Квинт, хуже уже не будет.

Твоя верная подруга
Марис.

Дорогая Марис!

Мы должны срочно увидеться. Умоляю, не делай глупостей!

Ты должна завтра же прийти в Обсерваторию Лофтуса. Я буду ждать тебя в восемь утра на северном балконе.

Прости за почерк, я повредил руку во время тренировки.

Спасибо за золотые. Ты настоящий друг.

Всегда твой,
Квинт.

Марис положила монетку в протянутую ладонь старого крох-гоблина и забралась в лифтовую корзинку. Она дрожала от холода и страха. Здесь, в Санктафраксе, было еще холоднее, чем в Нижнем Городе.

За спиной скрипело гигантское колесо, опускающее и поднимающее огромную форсунку. Она и раньше видела это изобретение из окна своей комнаты, но вблизи оно казалось совсем другим. Девушка слышала протяжный вой валившихся с ног от усталости зубоскалов, рев свиномордов.

Многое изменилось с тех пор, как она покинула воздушный город.

Девушка выскочила из корзинки и, стараясь держаться в тени, покралась по знакомым улицам. Куда бы ни упал ее взгляд, стояли грозные привратники. Но они не обратили никакого внимания на одинокую девичью фигурку. Когда Высочайшим Академиком был отец Марис, Санктафракс был совсем другим. Линиус Паллитакс никогда бы не позволил Хаксу Востилликсу собрать собственную армию...

Марис вышла на широкую улицу, которая вела от Большой Библиотеки прямо к дверям Обсерватории Лофтуса. Почему Высочайшие Академики не остановят этот беспредел? Ничего, когда она расскажет им о разговорах Хефта с Дексиелем Ксексисом, все изменится. Но сначала нужно повидать Квинта.

Сердце болезненно сжалось. Квинт! Как же все-таки хочется увидеть его после долгой разлуки.

Ей нужно многое ему рассказать, о многом расспросить. Как там в загадочных Верхних Палатах? Сложно ли ездить верхом на зубоскале? Легко ли править парусами небесного корабля? Марис хотела узнать все о друзьях Квинта — Стоупе, Раффиксе, Фине и даже... Вилниксе.

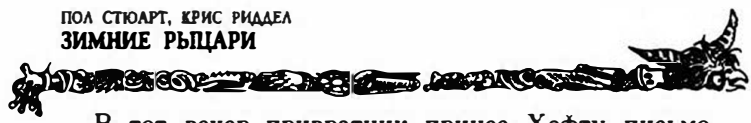
Что только он нашел в этом мрачном типе с бегающими глазами и коварной ухмылкой?

Марис понимала, что в письмах всего не выразишь, но теперь, встретившись с Квинтом наедине, она рассчитывала получить ответы на свои вопросы. Девушка ускорила шаг.

Срезав путь по тропинке, бегущей мимо Школы Дымки, она вышла на главную авеню как раз перед Колледжем Облаков. Городские гномы и глыботроги расчищали снежные завалы, стук лопат был единственным звуком, нарушавшим утреннюю тишину. Выглянуло зимнее солнце, но тут же спряталось за серыми тучами. Впереди возвышалась величественная Обсерватория Лофтуса.

— Теперь недалеко, — сказала Марис сама себе. Уже скоро она увидит Квинта и все-все ему расскажет. Долгими холодными ночами в доме своих жадных опекунов она с грустью вспоминала прежнюю беззаботную жизнь в воздушном городе.

А потом пришло письмо от Квинта. Письмо, причинившее ей столько боли. Там говорилось, что она, Марис, плохой друг. Что ж, девушка сделала все возможное, чтобы доказать зазнайке обратное.



В тот вечер привратник принес Хефту письмо, и всегда хмурый, всем недовольный дядюшка превратился в хохочущего болвана. Он носился по дому, отдавая приказы слугам, требовал принести вино и постоянно звал жену отметить с ним «радостное событие». Но к счастью, быстро опьяневшая парочка позабыла в ту ночь запереть на ключ комнату Марис. И когда хмельная песня «Если чернь станет господами» стихла, девушка выбралась из своей темницы.

Стараясь ступать как можно тише, она прокралась в спальню дяди и тети. Спрятавшись за тяжелыми шторами, она стала ждать возвращения опекунов. Первой вошла Дачия и не раздеваясь рухнула на кровать, захрапев, как глыботрог. Затем ввалился Хефт. Он вытащил из-под кровати свой большой сундук и стал пересчитывать золото.

Отодвинув штору, Марис наблюдала за дядей. Глаза Хефта слипались, голова падала на грудь. Скупец так и заснул на полу возле сундука, охраняя свое сокровище, как злой сторож.

Выждав для верности еще несколько минут, Марис собралась с духом, вышла из своего укрытия и на цыпочках подкралась к сундуку. Сколько там было золота! За всю свою жизнь Марис не видела столько монет. Не долго думая, девушка сгребла в подол несколько блестящих пригоршней — крупицу того, что ей оставил отец, — и бросилась наутек.

Вернувшись в комнату, она перевела дыхание, завернула монеты в тряпицу и засунула в вазу вместе с письмом. В ту ночь она не смогла заснуть и так

просидела до утра, размышляя о том, что натворила. Утром жители города стали собираться на базарной площади, и, конечно, под окном не замедлил появиться Вилникс Подлиниус. В первый раз за много дней Марис была рада его видеть. Вместо того чтобы как обычно притвориться, что не замечает его, девушка махнула в окно красным платком.

Когда она просунула вазу через оконную решетку, Вилникс вырвал добычу из рук, спрятал под плащом и удалился, не сказав ей ни слова.

Что ж, теперь Квинт поверит, что она настоящий друг. Но если Хефт все прознает, ей дорого придется заплатить за такую дружбу. А Хефт обнаружит пропажу не сегодня, так завтра.

Еще через час Марис закуталась в самую теплую оставшуюся у нее одежду, сложила нехитрые пожитки в узелок и решила отдаться на милость Высочайших Академиков.

Едва девушка выскользнула на улицу, кто-то ухватил ее за рукав. Она резко обернулась и увидела перед собой Вилникса Подлиниуса.

— Как хорошо, что я тебя застал. — Юноша никак не мог отдышаться, похоже, он долго бежал. — Я прямо из Санктафракса, Квинт попросил передать тебе вот это. Это очень важно. Читай прямо сейчас. — Подлиниус протянул девушке свиток и скрылся прежде, чем она успела его остановить.

Это было очень странное письмо. В нем Квинт назначал ей встречу в Обсерватории Лофтуса. А почерк! Каракули похожи на лапки паука, а не на ровные каллиграфические буковки Квинта.

Что-то было не так, в этом Марис была уверена. Толкнув дверь Обсерватории Лофтуса, она стала подниматься по лестнице. Оказавшись наверху, она отдышалась. Колокол Большого Зала пробил восемь раз.

— Квинт? — позвала Марис, выходя на балкон. — Квинт, ты здесь?

Квинт шагал по занесенной снегом дороге к Обсерватории Лофтуса. Колокол Большого Зала оповестил о том, что сейчас без четверти восемь утра. Длинный черный плащ путался у юноши под ногами, зажатый в руке фонарь освещал начищенные доспехи.

И почему профессор Света решил позвать его в Обсерваторию к восьми утра именно сегодня?

Всего пару часов назад грандиозный и опасный план, разработанный Квинтом, Фином, Стоупом и Раффиксом, подошел к своему завершению. Стоуп

довел до ума свое гениальное изобретение, Раффикс подогнал небесный корабль, а Фин забрал из личных покоев Филиуса Эмбертина таинственную шкатулку. Очередь была за Квинтом. Он проскользнул на факультет Кучевых Облаков и снял с манекена старые рыцарские доспехи. Они оказались очень легкими. С трепетом в сердце Квинт экипировался.

«Вот значит, что чувствует Рыцарь-Академик, облачаясь в латы», — улыбнулся он.

Доспехи были великоваты юноше, но в них Квинт чувствовал себя настоящим героем. Накинув плащ, он покинул факультет и уже спускался по лестнице, как кто-то его окликнул. Юноша обернулся и увидел, что к нему со всех ног бежал раскрасневшийся Вилникс.

— Благодарение Небесам, я нашел тебя, Квинт! Что ты здесь делаешь? Я думал, ты у себя.

— Я не мог заснуть, — соврал Квинт. Хуже всего, если Подлиниус что-нибудь заподозрит. Но Вилникс, похоже, был озабочен чем-то другим, а потому не обратил внимания на тяжелые стальные башмаки, торчащие из-под плаща.

— Профессор Света желает видеть тебя в восемь утра на северном балконе Обсерватории Лофтуса. Не опаздывай. От этого зависит твое будущее! — Вилникс неприятно улыбнулся и удалился, радостно потирая руки.

Рассчастливый взгляд Подлиниуса насторожил Квинта, но нужно было торопиться, Раффикс уже давно ждал.

Квинт быстро взбежал по лестнице Обсерватории Лофтуса. Он всем сердцем надеялся, что разговор

с Высочайшим Академиком не займет много времени. После быстрой ходьбы доспехи показались ему тяжелее грозофракса.

Дверь на северный балкон была приоткрыта. Квинт распахнул ее настежь.

— Марис! — ошеломленно воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

Марис повернула к нему обрадованное личико.

— Квинт! — воскликнула она. — Ну наконец-то!

Квинт вышел на балкон, и в тот же миг раздался страшный грохот. Радость на лице Марис сменилась ужасом, когда балкон ушел у нее из-под ног.

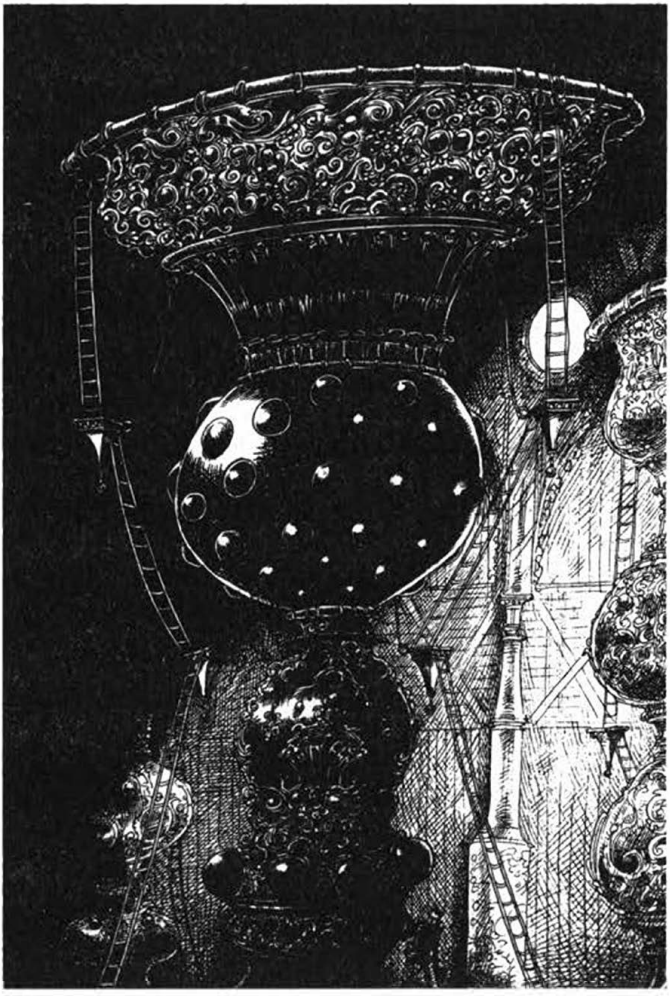
Квинт протянул руку и поймал девушку за запястье. Удерживая Марис одной рукой, Квинт ухватился второй за дверь, но она еле держалась в петлях. Вот-вот четыре шатких болта выпадут и они оба полетят вниз.

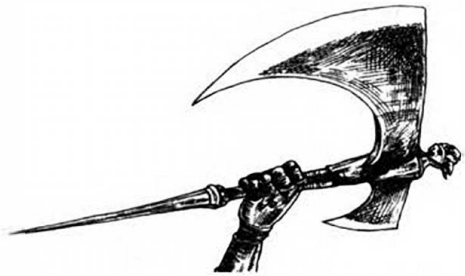
Марис глядела на юношу полными слез глазами, Квинт еще крепче стиснул ее руку. От напряжения мышцы горели и разрывались. Внезапно дверь накренилась, и Марис это почувствовала.

— Спасайся, Квинт! Оставь меня!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

КРОВЬ НА СНЕГУ





ад Санктафраксом нависло черное небо, казалось, сквозь плотную завесу туч рассвет не наступит никогда.

Серый гоблин выполз из своего укромного уголка, протер заспанные глаза и нащупал сверток, заботливо приготовленный с вечера. Оглядевшись по сторонам, он перекинул сверток через плечо и, выскользнув из кузницы, направился к Центральной Лестнице.

На другом конце Рыцарской Академии в бараках только что пробудившийся ото сна юноша сладко зевнул, потянулся и вылез из теплой постели. В комнате было холодно, несмотря на то что камин горел всю ночь, а перед входом, защищая от сквозняка, висело одеяло из тильдячьей кожи. Зябко поежившись, юноша торопливо надел доспехи ученика командира воинов-академиков и поспешил к Центральной Лестнице.

Верхние Палаты. Долговязый наследный рыцарь в маленьких круглых очках меряет шагами Главный Зал. Остановившись у одной из высоких кафедр, проводит пальцем по изображению гнилососа. За этой кафедрой стояли еще Первые Библиотекари.

Юноша обводит взглядом остальные кафедры, каждая из них хранит великие истории минувших дней...

Как много споров помнит этот зал, юноша задумчиво почесывает нос. Почему же сейчас никто из ученых мужей не может ответить, как положить конец затянувшейся зиме?

Заслышав стук приближающихся шагов, наследный рыцарь обернулся. Перед ним стоял молодой кузнец и кудрявый воин-академик.

— Где Квинт? — прошептал Фин, взволнованно оглядываясь по сторонам.

— Его пригласил к себе в обсерваторию профессор Света, — ответил Раффикс. — Он забегал ко мне несколько минут назад...

— Что же делать? — Стоуп был в отчаянии. — Мы не можем упустить такую возможность. Как знать, вдруг второго шанса не будет...

— Но мы не можем действовать без Квинта, — ответил Раффикс. — Предлагаю пока начать подготовку. Наш друг подойдет позже. А теперь вместо того, чтобы вести глупые препирательства, как отцы-академики, — он улыбнулся, — возьмемся за дело.

Не успел он договорить, как кто-то еще вошел в Главный Зал. Друзья обернулись и увидели Вилникса Подлиниуса. Негодяй был чем-то очень доволен. Заметив заговорщиков, он резко остановился. Похоже, он не ожидал увидеть здесь кого-нибудь в такой час, но быстро совладал с собой и презрительно ухмыльнулся.

— Кто это тут? — пропел он. — Раффикс, Фин и... ну-ка, ну-ка... Стоуп, кузнец, я тебя помню...

— Вилникс Подлиниус, — овладел собой Раффикс, — что это ты слоняешься поутру?

— Могу задать тебе тот же вопрос, — парировал Подлиниус, подозрительно прищуриваясь.

— Я... — Раффикс замялся. — Я... решил открыть дискуссионный клуб... Нас в нем пока только трое...

— Как интересно, — протянул Вилникс. — И как же называется ваш клуб?

— Как называется? — переспросил Раффикс, краснея.

Вилникс хихикнул.

— Хочешь сказать, что в твоем клубе бестолковый воин-академик и грязный гоблин? К тому же у клуба нет названия?

— Есть... Он называется... — начал было Раффикс.

— Может быть, я помогу? — Вилникс изобразил участливость. — Например, «Глупые пустозвоны»! Или «Крикливые летучие крысы»! Нет, нет — «Скучные Тунеядцы»! — Он расхохотался.

Щеки Раффикса пылали, как маки.

— У нашего клуба есть название. — Он лихорадочно подыскивал слова, способные сбить спесь с мерзкого насмешника. — Мы... Мы — «Зимние Рыцари».

В личных покоях декана факультета Всех Облаков было темно и холодно. С кровати, стоящей по центру спальни, доносились протяжные стоны. Академик ворочался с боку на бок, вонзая ногти в подушку.

Хаксу Востилликсу виделся дурной сон.

Он стоял на борту небесного корабля, а тот летел в неизвестность, раскачиваясь из стороны в сторону с такой силой, что академику приходилось хвататься за сваи. Внезапно стало так жарко, как будто все тело охватил беспощадный огонь, вдруг жара сменилась морозом, да таким, что зуб на зуб не попадал.

Раздались резкие крики, и корабль Востилликса атаковали летучие крысы, тысячи летучих крыс. Судно сбилось с курса, завертелось, закрутилось и сгинуло в Топях...

Хакс Востилликс открыл глаза. Ночная рубашка декана была насквозь пропитана потом. Было холодно. Очень холодно. Востилликс не чувствовал рук и ног, а в животе бушевал огонь...

Декану еще никогда не было так больно. Казалось, в живот воткнули тысячу раскаленных острых иголок.

— О! — простонал он. — А!

Живот сводило от судорог. Декан скатился с постели, с трудом поднялся на ноги и доковылял до стола, на котором до сих пор лежали карты и диаграммы. Востилликс упал в кресло.

Боль стала еще сильней, строчки, начертанные на бумагах, расплывались перед глазами. Руки скользнули к серебряному подносу, где стоял нетронутый ужин и пустая вазочка из-под ягод.

— Должно быть... я... что-то съел, — выдавил декан.

Взгляд упал на вазочку...

Ну конечно, засахаренные ягоды. А он еще решил, что не все его ненавидят. Глупец! Наивный глупец!

Тупая боль не отступала, а, наоборот, нарастала с каждой минутой. Хакс уже ничего не видел, все внутри полыхало в огне.

— А! — простонал Востилликс, извиваясь на кресле и жадно глотая воздух. Он упал на мраморный пол и стал биться об него, как рыба, выуженная из воды.

Через несколько минут судороги стихли, декан больше не шевелился. Из открытого рта вытекла алая струйка крови, а из горла доносилось надоедливое жужжание.

В следующий миг на потемневший язык декана прямо

из глотки выползла полосатая мошка. Несколько минут она ползала по языку, потом расправила блестящие крылышки и взлетела.

В тот же миг из глотки выползла еще одна мошка...

А за ней третья и четвертая. Наконец, изо рта академика вылетел целый рой кровожадной мошкары, вылупившейся из ягод, оказавшихся яйцами. А безжизненные глаза Востилликса смотрели в потолок.

— Убийство! Убийство!

Вытаращив глаза, Дексиель Ксексис вломился на факультет Перистых Облаков, лицо капитана было обезображено синяками и кровоподтеками.

— Поднимите всех привратников! — приказывал он ошеломленным подчиненным. — Нельзя терять ни минуты! Хакс Востилликс, наш возлюбленный хозяин, убит!

— Убийство!

— Убийство!

— Убийство!

Новость стрелой разлетелась по зубоскальне, привратники спешно натягивали кирасы, хватали первое попавшееся оружие и собирались вокруг своего предводителя, который, прикладывая к синякам примочки со здоровиковым бальзамом, раздавал указания направо и налево.

— Прошлым вечером я принес ужин в покои декана, и клянусь, он пребывал в добром здравии, — вскричал Дексиель Ксексис. — Но когда сегодня около семи утра я заглянул в спальню Хакса Востил-

ликса, декан уже был мертв. И знаете от чего? От личинок дремучих ос!

Привратники загомонили.

— Да, да, я знаю, о чем вы думаете, — продолжал Дексиель. — Яйца дремучих ос — проделки землеведов! Но это лишь то, в чем преступники хотят нас убедить!

— Какие преступники? — выкрикнул покрытый татуировками плоскоголовый гоблин.

— Конечно же, воины-академики! — рявкнул Ксексис. — Они и их сподвижники из Верхних Палат. Эти баловни, рожденные и воспитанные в Санктафраксе, не смогли простить Хаксу Востилликсу того, что он сделал нас — детей Нижнего Города — своими фаворитами.

Дексиель Ксексис с гордостью разглядывал свою армию, Хефт хорошо поработал и выбрал самых отъявленных негодяев.

— Денгрив Желтоклык всегда уговаривал декана распустить привратников, — продолжил он. — И когда Востилликс отказался, тот приказал одному из своих подчиненных убить нашего дорогого покровителя! Привратники, преподадим этим слюнтяям из бараков урок, который те никогда не забудут.

Зубоскальня наполнилась одобрительными криками.

— И мы на этом не остановимся, — распалялся Ксексис. — Мы докажем всему Санктафраксу, что с нами нужно считаться. У меня, вашего капитана,

влиятельные друзья в самых разных лигах. Вместе мы наведем в воздушном городе свои порядки!

Привратники радостно закричали. Дексиель поднял меч высоко над головой.

— Чернь станет господами! — проревел Ксексис.

— Чернь станет господами! Чернь станет господами! — вторила ему армия.

— Пришло время решительных действий! — провозгласил Ксексис. — Мы закроем все ворота, запрем все двери и запечатаем вход в Рыцарскую Академию. Каждый, кто осмелится нам помешать, будет убит. А когда эти болваны воины-академики поймут, что бараки заперты, будет поздно. Ловушка захлопнется, и все до одного отправятся под нож, как ежеобразы на скотобойне.

Раздались одобрительные выкрики, да такие громкие, что затрещали старые балки, заглушив удары колокола, бьющего восемь раз.

Привратники разбежались по всей Рыцарской Академии. Они закрывали выходы и входы, баррикадировали двери, запирали на тяжелые засовы ворота. Они были так увлечены головокружительной идеей захвата власти, что не заметили пришвартованный в небе хрупкий корабль...

— Заперты? — переспросил Денгрив Желтоклык. — Как это заперты?

— Вот так, командир. — Молодой воин-академик беспомощно развел руками. — Дверь в бараки заперта... снаружи.

— Мы как раз собирались на смену, — добавил его возбужденный товарищ, — и...

— И не смогли выйти...

— Знаете, командир, все черные ходы тоже забаррикадированы привратниками.

Денгрив нахмурился и рухнул в кресло.

— Итак, Хакс Востилликс сделал свой выбор, — пробормотал он.

Внезапно послышался гомон взволнованных голосов, Денгрив обернулся и увидел перепачканного в крови городского гнома, которого вели под руки двое воинов-академиков.

— Командир, — доложил старший по званию, — вы должны это услышать. — Он жестом приказал раненому говорить.

— Господин, Хакс Востилликс мертв... убит! — выдохнул городской гном, опускаясь на табурет. Из-под ребер у бедняги торчала стрела, он едва мог говорить.

— Вессел работает в зубоскальне, мой командир, — тихо пояснил воин-академик. — Он бежал от врагов по крыше...

— Привратники заперли все входы и выходы в академию... — прошелестел посеревший Вессел. — Они заметили меня уже перед бараками и подстрелили... Но я продолжал идти... — Он лишился чувств.

— Расскажи мне все, Квелф, — обратился Денгрив к своему подчиненному. — Кто убил Хакса Востилликса?

Воин-академик покраснел.

— Привратники считают, что это сделали *вы*, командир, — прошептал он на ухо военачальнику.

Светало, вокруг стройных башен Рыцарской Академии свистал ветер, в небе кружила стая белых воронов. Нескончаемая зима погубила уже не одну птицу Каменных Садов, схоронив белоснежные тела в огромных сугробах. Оставшиеся обезумели от голода и мороза и жадно смотрели вниз на Санктафракс, а там затевались темные дела.

На заснеженном плацу голубела вереница глубоких следов привратников. Дексиель Ксексис стоял на крыше в окружении своих огромных телохранителей-глыботрогов, отобранных лично Хефтом Веспиусом из сотни других злодеев. Капитан привратников неотрывно смотрел на двери бараков. Его вооруженная до зубов армия пока что ждала в засаде.

— Спокойно, ребята, — прорычал Ксексис. — Пусть они вылезут из норы, и тогда мы отправим их на корм воронам...

Бум!

Белые вороны испуганно закаркали, когда в лафовую дверь бараков ударили чем-то тяжелым изнутри.

Трах!

Дверь сорвалась с петель, выбившая ее толстая колонна из свинцового дерева откатилась к подножью рыцарской башни, и на плац высыпали воины-академики, позади них возвышалась огромная метательная машина.

Воины-академики дошли уже до середины плаца, когда лучники Ксексиса открыли по ним стрельбу. Несколько воинов-академиков упали на снег, острые стрелы проникли в зазоры их старых доспехов. Кто-то погиб сразу, другие корчились от боли и бились в судорогах. Возле метательной машины снова-ли академики, под колючим потоком стрел они еле смогли зарядить снаряд.

— Пли! — гаркнул командир, и огромное ядро угодило в самую гущу пехоты, посланной Ксексисом на плац. Треск сучьев, крики привратников, хруст переломленных костей огласили округу.

В следующий миг Денгрив Желтоклык и его воины-академики бросились на онеломленных противников.

Дексиель Ксексис тоже отдал своим глыботрогам приказ наступать. Однако за битвой глава привратников

наблюдать не стал, а вместо этого вернулся на факультет Перистых Облаков.

Тем временем воины-академики храбро сражались с превосходящими их численно привратниками. Занося над головами острые мечи, они обрушивали их на головы сильных, но не особо сообразительных противников. И уже скоро белый снег обагрился горячей кровью.

Стычки и свалки в тавернах Нижнего Города не лучшая школа для подготовки привратников к настоящей войне. Охваченные ужасом, они позорно бежали от настоящей армии.

Тем временем метательная машина уничтожила почти всех лучников, впрочем, досталось и прекрасному куполу Лекционного Зала. Из многочисленного войска Ксексиса устояли одни глыботроги.

— Что же, померяемся силой, — мрачно процедил Денгрив.

Когда главный глыботрог приблизился, командир воинов-академиков упал на одно колено и пронзил врага копьем в самое сердце. Глыботрог повалился, как срубленное дерево.

В этот миг из дверей барака посыпалась вооруженная чем попало молодая поросль, и под презрительными взглядами воинов-академиков уцелевшие глыботроги бросились наутек.

Отворились ворота всех факультетов, и на алеющий снег вышли профессора Верхних Палат, все это время они тоже вели битву с предателями, и стальные клинки их мечей окрасились кровью.

Денгрив широко улыбнулся сокозникам.

— Это же мой друг, профессор Фабиус Дидекс, а с ним Пискля и Ревун! — Желтоклык поклонился.

Фабиус Дидекс с губошлепом на плечах подошел к командиру воинов-академиков.

— Сегодня воронов ждет пир, — бросил он. — А на Центральной Лестнице лежит добавка... — Профессор вытер клинок полами своего плаща. — Жестокая была битва, Денгрив. Я на минуту подумал, что это конец. — Он покачал головой. — И как это Хакс Востилликс позволил Ксексису создать свою армию?

Денгрив взял профессора под руку.

— Одним Небесам ведано, Фабиус, — вздохнул он. — Но вот к чему это привело.

Желтоклык знаком приказал своему войску следовать за ним. И вместе со своим другом пошел на факультет Перистых Облаков. Молодые воины-академики, растерянно озираясь по сторонам, поплелись за своими старшими товарищами по кровавому плацу.

Денгрив Желтоклык постучал кулаком по дверям факультета.

— Выходи, Ксексис! — рявкнул он. — Тебя хочет видеть вся Рыцарская Академия!

Повисла тишина, нарушаемая только криками белых воронов снаружи и голосами зубоскалов внутри.

Внезапно двери распахнулись, и в нос академикам ударила вонь. Зажмурившись, победители невольно отступили.

И тогда произошло страшное...

Дексиель Ксексис и его ближайшие приспешники стрелами вылетели на плац верхом на обезумевших от голода и побоев зубоскалах. А за ними выступили плотные строи привратников, тихо дожидавшихся своей очереди взаперти.

Денгрив повалился на землю, а ошалевшие зубоскалы заметались по плацу, давя воинов-академиков.

— К деревьям! — закричал Фабиус Дидекс. — Бегите к деревьям!

Началась паника, воины-академики, воспитанники и профессора не ожидали такой внезапной атаки и теперь стали легкой добычей. Ксексис и его армия добивала их копьями, ловко уворачиваясь от острых мечей.

Фабиус Дидекс и Денгрив Желтоклык укрылись за деревьями и перевели дыхание. Желтоклык быстрым взглядом военачальника оценил ситуацию.

Дело было плохо.

Деревья защищали академиков от стрел, но в то же время мешали бороться мечами. К тому же зубоскалы легко скакали по деревьям, а значит, скоро противник сможет напасть сверху.

За деревьями укрылось не больше сотни воинов-академиков, в основном перепуганные безусые юнцы. На снегу лежали тела поверженных опытных воинов, а поток привратников, льющийся из зубоскальни, казался бесконечным. Во главе своего войска скакал Дексиель Ксексис, на лице заговорщика застыла торжествующая ухмылка.

— Ты звал меня, Денгрив! — выкрикнул он. — Я здесь, теперь сам покажись, тебя желают видеть мои привратники!

— Проклянут его Небеса! — прорычал Денгрив, хватаясь за меч. — Если негодяй хочет битвы, он ее получит, Фабиус... — Он нахмурился. — Фабиус?

Желтоклыка поразила горькая ярость, застывшая на лице друга, тот неотрывно смотрел вперед. Но не на войско Ксексиса, а на маленького губошлепа, распростертого на снегу посреди двух вражеских лагерей.

Из груди раненого губошлепа торчала стрела, зверек тихонько верещал.

— Пискля! — выдохнул Дидекс. — Не плачь, малыш...

— Фабиус, нет! — рявкнул Желтоклык, хватая друга за руку. — Не глупи!

Но профессор не слушал друга. Взвыв, он выскочил из укрытия и побежал к умирающему питомцу...

Двадцать стрел из свинцового дерева тут же вонзились в Дидекса.

Дрожащей рукой профессор прикоснулся к своему крошечному любимцу, вздохнул последний раз и упал лицом в окровавленный снег.

Денгрив Желтоклык застонал и зажмурился. Все кончено. Рыцарская Академия — оплот всего Санктафракса — завоевана Дексиелем Ксексисом!

Внезапно за Воротами Унижения послышался шум, решетка поднялась, и на плацу возникла коленопреклоненная фигура, которая, правда, тут же

перестала быть таковой. Держа за горло перепуганного привратника, перед лицом восставшей черни гордо стоял плоскоголовый гоблин с кривой блестящей саблей.

Сигборд, главный страж Сокровищницы, хмуро глядел на мятежников из-под густых бровей.

— Именами Высочайших Академиков! — гаркнул он. — Сложите оружие и сдавайтесь!

— Высочайшие Академики здесь не указ! — выкрикнул Дексиель Ксексис. — Только деканы Рыцарской Академии могут отдавать такие приказы.

— Тогда вам приказываю я! — прогремел знакомый голос. Из Ворот Унижения показался еще один гость. Этот был высок, сухопар и сжимал в руках хлыст.

— Ты! — Дексиель натянул вожжи вставшего на дыбы зубоскала.

Фенвил Вендикс, декан факультета Перистых Облаков, грозно смотрел на главного привратника.

— Сдавайтесь! — отчеканил он.

Сигборд поднял меч и на высоких стенах, как по волшебству, появились бесстрашные плоскоголовые гоблины — Стражи Сокровищницы.

Послышался звон стали, за спиной у Ксексиса самые трусливые привратники побросали оружие.

— Никогда! — выкрикнул Дексиель Ксексис, пришпорил зубоскала и во весь опор поскакал к декану.

Фенвил приложил руку к губам и коротко свистнул. В ответ ему раздался рев, и два огромных свиноморда перебрались через стены и опустились на плац.

Дексиель завопил, но свиноморд уже вытащил его из седла и бросил к ногам капитана Сигборда. Второй зверь не спеша направился к своим прежним мучителям. Привратники трусливо бросились врассыпную, понимая, что сейчас сделает с ними разгневанный свиноморд.

Вторым коротким свистком Фенвил Вендикс подозвал свиноморда к себе.

Небо разрывалось от крика воронья, их возбуждали алеющие на снегу кровавые останки.

Дексиель Ксексис испуганно таращился на главного стража Сокровищницы. Сигборд неторопливо потер испещренное шрамами лицо, это был верный знак того, что капитан задумался. Наконец, плоскололовый гоблин улыбнулся. Этого дня он ждал целую вечность.

— Пора свести старые счеты, — произнес он и пронзил клинком сердце мятежного привратника. — Пусть вороны пируют!

Не успел он договорить, как летучая скала дрогнула, и стражники, привратники и академики попадали с ног. Денгрив Желтоклык вышел из-за деревьев и потрепал по холке сидящего на плече осиротевшего губошлепа.

— Пусть пируют, капитан Сигборд, — согласился он. — Но если не закончится эта проклятая зима, следующим их блюдом станем мы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ЗИМНИЕ РЫЦАРИ

Древний манускрипт из Большой Библиотеки Санктафракса

— первый Рыцарь-Академик Санктафракса Гарлиниус Герникс, пишу сии строки в назидание будущим потомкам, дабы они помнили мое послание, пока жив наш воздушный город.

Я тот, который создал Большой Кафедральный Зал и основал Орден Библиотечных Рыцарей, многое повидал за свою долгую жизнь. Я видел, как великие мудрецы создавали чудеса из воздуха и несли просветленные знания в самые далекие уголки Дремучих Лесов, откуда к подножию нашей летучей скалы стекались различные живые создания. Но я видел и высосанную с небес тьму, воспоминания о которой до сих пор холодят кровь в моих старых жилах.

Я и мои храбрые наперсники вели упорную борьбу с чудовищем из каменных сот, созданным еще Первыми Учеными. Многие доблестные умы погибли, но оставшиеся смогли запечатать зло в скале. Несмотря

на громкие протесты некоторых безумцев, была навсегда закрыта и Древняя Лаборатория, память о которой хранят изразцы во дворце Света.

К несчастью, эксперименты с небесной сущностью привели к краху. Небо над Санктафраксом истощилось, нет конца метелям и холоду. Даже печать, наложенная на лабораторию, не смогла положить конец жестокой зиме.

Небо должно быть очищено, и во всем Крае есть лишь одно сокровище, способное положить конец нашим страданиям. Я говорю о грозофраксах, священных кристаллах, плодах Великой Бури, которые я первый принес в Санктафракс из Сумеречных Лесов.

Теперь я снова отправляюсь в полет, на этот раз чтобы вернуть небу его сокровища. И если потомки сейчас читают сие послание, моя миссия обрела счастливый конец.

Прощайте.

— Ты уверен Фин?

— Сам посмотри! — Фин протянул поднявшемуся на борт Раффиксу медный телескоп.

Северо-восточный ветер бросал «Палача Бурь» из стороны в сторону, и несчастное судно немилосердно скрипело. Серый гоблин Стоуп возился со своим изобретением. Древесные угольки, пляшущие на концах тонких серебряных цепочек, мерцали, как светлячки. На корабль налетел холодный, резкий ветер, но уголь согрел летучий камень, и качка прекратилась.

— Получилось! — Стоуп радостно улыбнулся. — Значит, теперь мы полетим.

Колокол Большого Зала ударил восемь раз. Из Рыцарской Академии доносились какие-то крики.

— Скорее, Фин! — Раффикс сложил телескоп и бросился к штурвалу. — Отдай швартовый!

Дважды повторять ему не пришлось. Фин подбежал к корме и одним взмахом меча перерубил канат.

— Готово! — крикнул он товарищу.

Скрипя мачтами, старый небесный корабль воспарил в небеса. Стиснув зубы, Раффикс стоял у штурвала, ветер снова закружил «Палача Бурь» в своих холодных объятьях.

— Держитесь крепче! — приказал Раффикс своей команде.

Корабль проплыл над Рыцарской Академией, миновал Большую Библиотеку, пролетел между стройными башнями-близнецами аналитиков Дымки, обогнул решетчатую башню Колледжа Облаков. Внизу замелькали купола и треугольные крыши школ Виадука...

— Осторожно, арка! — предупредил Фин.

Раффикс крутанул штурвал. Стоуп зажмурился и ухватился за мачту. Небесный корабль нырнул вниз и пролетел прямо под широкой аркой, перепугав до полусмерти двух прогуливающихся академиков.

— Обсерватория Лофтуса прямо по курсу! — доложил Фин. — Быстрее, Рафф! Быстрее!

Стоуп приоткрыл глаза и понял, почему друзья так внезапно отправились в путь.

— Квинт! — заорал он во все горло. — Держись! Мы спешим!

Один из балконов Обсерватории Лофтуса обрушился вниз. Там на огромной высоте в старых рыцарских доспехах висел Квинт. Одной рукой юноша держался за дверную ручку, другой сжимал запястье незнакомой девушки. Еще минуту назад они стояли на балконе, раскрыв от удивления рты. Потом раздался скрежет, и мраморный пол ушел из-под ног.

— Спасайся, Квинт! — кричала Марис. — Спасайся!

Плечи юноши горели, как в огне. Глаза ослепли от пота и напряжения. Он чувствовал, что дверь вот-вот рухнет и они вместе с ней.

— Держись... — простонал он. — Держись...

— А! — воскликнула Марис.

Петли отвалились, на какой-то миг рука Квинта перестала болеть. Мимо просвистела дверь, вслед за ней полетели в бездну Квинт и Марис...

Падение оказалось коротким, и вот вместо воющего ветра в ушах у юноши послышался шелест парусов.

— Я поймал его! — прозвенел рядом знакомый голос.

Квинт приоткрыл глаза. Перед ним мелькнул потертый борт «Палача Бурь», и кто-то в следующую секунду ухватил его за плащ. Снова заломило плечо, но это уже было неважно.

— Фин? Это ты? — прохрипел он.

— Да, потерпи еще немного, — попросил друг.

Фин с помощью Стоупа втащил Квинта и ослабевшую Марис на корабль. Какое-то время все четверо лежали на палубе, глядя на плывущие над головой облака. Первым поднялся на ноги Фин. Он отцепил абордажный крюк от плаща Квинта и устало улыбнулся.

— А я уже решил, что мы тебя потеряли, — выдохнул он. — Кто это с тобой?

Он указал на испуганную Марис. Девушка потерла покрасневшее запястье.

— Ты можешь отпустить меня, Квинт, — ласково сказала она.

— Да это же леди Марис, подруга Квинта, — воскликнул серый гоблин, опускаясь перед Квинтом на колени. — Сейчас мы вас освободим, госпожа.

Стоуп щелкнул затвором латной перчатки, и та разжалась.

Квинт с трудом сел и повернулся к девушке.

— Я уже думал... боялся... — Он покачал головой. — Что ты здесь делаешь, Марис? — От пережитых волнений голос Квинта прозвучал грубо.

— Что делаю? Я тебя не понимаю! — Марис еле сдерживала слезы. — Это *ты* попросил меня прийти...

Квинт нахмурился.

— Я?

— Да, ты, в своем последнем письме. — Марис густо покраснела. — Ты писал ужасные вещи, Квинт. Все время требовал деньги...

Квинт стащил латные перчатки и взял руки Марис в свои.

— Марис, — нежно проговорил он. — Марис, я никак не возьму в толк, о чем ты говоришь...

— Почему, именем Неба, скажи, почему ты решил, что я плохой друг? — Марис горько заплакала. — Я сделала все, что ты просил меня в своих письмах. Я также верна тебе, как Вилникс Подлиниус!

— Вилникс? — Квинт опешил. — Он-то здесь при чем?

Марис отстранилась и вытерла глаза:

— Он приносил мне твои письма...

— Нет, леди Марис, это я принес вам письмо от Квинта, — прервал девушку Стоуп. — Я передал вам его вместе с горелкой, помните?

— Я говорю не про это письмо. — Марис слабо улыбнулась гоблину. — *Оно* было замечательное... — Она снова повернулась к Квинту. — А вот другие, те, что мне приносил Вилникс...

Квинт нахмурился.

— Я не давал Вилниксу никаких писем для тебя, — пробормотал он.

— Но это твой почерк, Квинт, я клянусь... — настаивала Марис.

— Мерзкий обманщик! — взвился Фин. — Все время крутился вокруг тебя, а на самом деле замышлял подлость. Это же надо — подделать почерк! Он думает, что ему все сойдет с рук?!

Квинт покачал головой.

— Чуть не сошло. — Он вздрогнул и крепко сжал руку девушки. — Я разберусь с Вилниксом, Марис. Самое главное, что ты цела и невредима. Сейчас мы отвезем тебя в Нижний Город...

— Нет, только не это! — Марис вскочила на ноги. — Я не вернусь туда! Мое место здесь, в Санктафраксе!

— Но, Марис, — ответил Квинт, — мы уже покинули город.

Марис застыла.

— Что? — прошептала она. Квинт говорил правду, корабль миновал Западную Лестницу и теперь плыл над Нижним Городом. — Но куда вы летите?

Квинт подошел к корме и указал на темные тучи, нависшие над Каменными Садами.

— В открытое небо, — ответил он.

Марис читала письмо первого библиотечного рыцаря. За многие века чернила выцвели, но затейливые буковки с длинными хвостиками можно было легко разобрать.

— Значит, Филиус Эмбертин нашел этот свиток в Большой Библиотеке? — спросила она.

Фин кивнул. Они собрались на капитанском мостике, за штурвалом стоял Раффикс, а небесный корабль летел в снежный буран.

— Хакс держит декана в плену на своем факультете, — сообщил Фин.

— В плену? — повторила Марис. — Это ужасно. Конечно, Филиус Эмбертин потерял рассудок, но такое обращение...

— Но Эмбертин, — продолжал Фин. — верил в правдивость этого свитка. Вот почему он так рисковал, пытаясь заполучить грозофракс. Он хотел, чтобы Скридиус Толлинкс отменил полет в Сумеречные Леса, а вместо этого отправился в открытое небо. Он сказал, что «пришло время отдать небу то, что было у него взято». Тогда я этого не понял.

— Но Скридиус к тому времени уже улетел, — добавил Стоуп.

— Вот почему Фин, Стоуп, Квинт и я решили сами выполнить поручение Филиуса Эмбертина, — объяснил Раффикс.

— Мы полетим в открытое небо и принесем с собой вот это. — Квинт указал на большую шкатулку.

— Грозофракс! — ахнула Марис.

— Нужно вернуть Небесам сокровища, — ответил Квинт.

— И это сделаем мы — Зимние Рыцари, — гордо добавил Раффикс.

Марис опасливо потрогала маленький замочек.

— Осторожней, — предупредил ее Квинт. — На грозофракс можно смотреть только в сумерках. Когда придет время, один из нас вернет кристалл Небесам.

— И кто же? — дрожащим голосом спросила Марис. Ей не верилось, что все происходящее правда.

— Мы еще не решили, — ответил Фин. — Раффикс из нас самый старший, но Квинт предлагает себя — он говорит, что чувствует ответственность за все, что произошло...

Квинт покраснел.

— Но *почему*, Квинт? — заговорила Марис. Но вдруг осеклась и прикрыла рот рукой. — Потому что ты был учеником отца, а он открыл Древнюю Лабораторию?..

Квинт поглядел ей в глаза и молча кивнул.

Марис тяжело вздохнула.

— Еще не поздно отвезти тебя в безопасное место, — предложил Квинт.

Девушка решительно покачала головой.

— Я думала, ты меня знаешь, — резко ответила она. — Я не меняю своих решений... — Марис перешла на шепот. — Мой отец в результате своих безумных опытов не только создал Хрум-Хрымса... — Она провела рукой по старинным строкам. — ... *эксперименты с небесной сущностью привели к краху. Небо над Санктафраксом истощилось, нет конца метели и холоду.*

Квинт кивнул.

— Вот почему я делаю это, Марис, — ответил он.

— Вот почему все мы это делаем, — добавил Раффикс. — Глядите, мы проплываем над Каменными Садами!

Квинт и Марис поглядели вниз. Каменные Сады были занесены снегом. Здесь и там чернели дыры, оставшиеся на месте улетевших скал. Квинт заметил на глазах Марис слезы и вспомнил грустный день, когда они побывали в Каменных Садах последний раз.

— Ты вспоминаешь отца? — спросил он, обнимая девушку.

Она кивнула.

— Я всегда считала его самым умным, самым храбрым. А он создал ужасное чудовище и умер... —

Она обвела рукой снежную пустоту. — Если отец действительно виновен в этой бесконечной зиме, значит, вместо того чтобы объединить небоведов и землеведов, он добился одного. — Ее голос дрогнул. — Уничтожил все, что любил.

Она умолкла.

Квинт крепче прижал Марис к себе.

— Не все, — прошептал он. — *Ты* все еще с нами...

— Мы приближаемся к Краю! — крикнул Фин, и его голос утонул в шуме ветра.

Квинт снова посмотрел вниз. Действительно, внизу лежал Край. Снова пошел снег, он укутывал палубу, покрывал мачты, ложился на паруса. Если бы не древесный уголь, летучий камень давно остыл бы, и корабль рухнул в бездну. Сердце Квинта болезненно сжалось.

Запомни три правила навигации, — зазвенел у него в голове голос отца. — *Никогда не поднимай парус до того, как выбрал курс. Никогда не взлетай выше длины своего самого длинного абордажного каната. Никогда не летай в неотмеченные на карте просторы открытого неба.* К сожалению, именно это сейчас собирались сделать друзья.

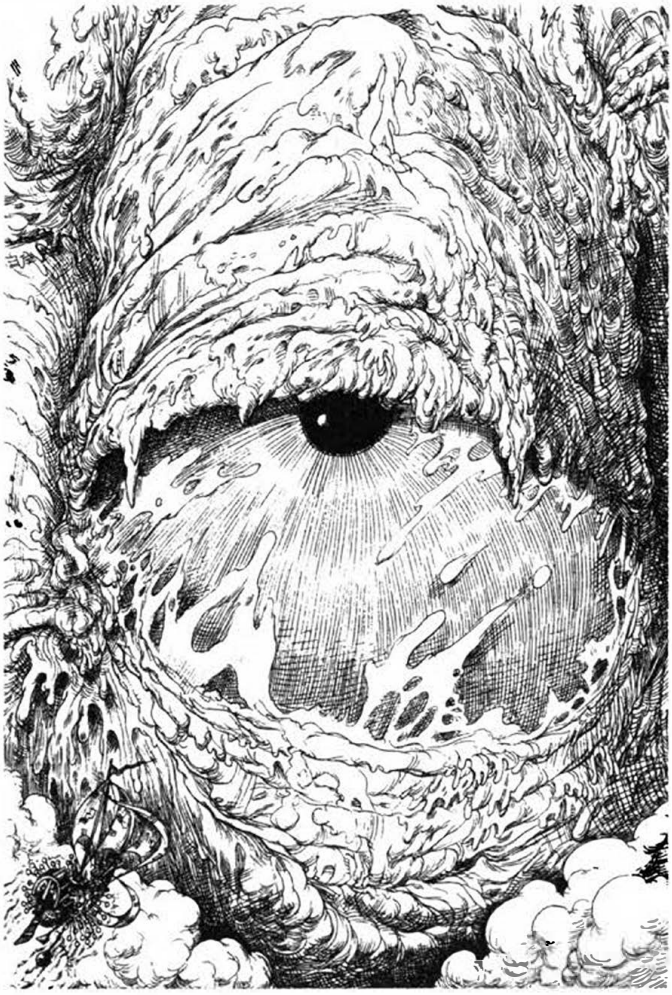
Под ними с высокого утеса свисала, как гигантская сосулька, замерзшая Река Края. «Палач Бурь» медленно проплыл мимо сияющего ледяного калейдоскопа, вскоре река осталась вдали.

Корабль закачался из стороны в сторону, Квинт ухватился за борт. Несмотря на чудесное изобретение Стоупа, летучий камень быстро остывал. На палубе образовались целые сугробы, крики экипажа тонули в диком завывании ветра.

Внезапно туман расступился, и в этот момент Квинт увидел то, что до него видел только старый библиотечный рыцарь...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОЖИРАТЕЛЬ ОБЛАКОВ



громный глаз размером с самое широкое окно бараков Рыцарской Академии вращался в своей студенистой оболочке. Густые комки слизи перебегали из одного его конца в другой.

Раздался треск ломающегося льда, и открылось второе огромное веко, за ним третье и четвертое, пока целая дюжина выпуклых глаз не собралась вокруг первого, как блестящая виноградная гроздь. В центре каждого глаза зиял огромный темно-синий зрачок, то сокращающийся, то расширяющийся, жадно разглядывающий маленький небесный корабль.

— Рафф! Осторожно! — завопил Квинт. Он отпрянул от кормы и бросился к капитанскому мостику, где ошеломленно застыл, позабыв про штурвал, молодой рулевой.

Оттолкнув друга в сторону, Квинт занял его место у штурвала и резко повернул вправо. Чудовищные глаза заморгали, «Палач Бурь» накренился, послышался треск досок и яростные хлопки парусов.

— Держитесь! — закричал Квинт друзьям, изо рта повалил пар. Небесный корабль встал на дыбы, ветер

немилосердно рвал его на части. Квинт еле удерживал рвущийся из рук штурвал. Он знал, что если отпустить его, то «Палач Бурь» непременно перевернется и станет игрушкой во власти беснующейся стихии...

Квинт потянулся к рычагам управления и один за другим повернул их вперед, передвигая противовесы, оснащая паруса. Ветер стих, качка постепенно прекратилась.

Вскоре Квинт услышал веселый треск древесного угля, согревающего летучий камень, и голоса своих Зимних Рыцарей.

— Фин, как ты?

— Вроде жив, Марис. А где Стоуп?

— Я здесь, Фин! Но вот Раффикс упал и стукнулся головой.

— Все в порядке, старина, — проворчал Раффикс. — Спасибо Небесам и моим доспехам... — Он с трудом поднялся на ноги. — Прости великодушно, Квинт. Я прямо весь оцепенел, когда увидел это...

Квинт устало поглядел на Раффикса. От очков приятеля оторвалась дужка, на лбу красовалась шишка, но, похоже, все обошлось.

ПОЖИРАТЕЛЬ ОБЛАКОВ

— Ты не виноват, Рафф. — Квинт повернул штурвал, ветер наполнил паруса, и корабль медленно поплыл. — Только посмотрите!

Зимние Рыцари подошли к Квинту.

— О Небеса, что же это такое? — выдохнул Раффикс.

Прямо над ними в тяжелых тучах парило чудовище. Это был огромный, рыхлый, подернутый инеем монстр весь в язвах и болячках. Голова чудовища была в два раза больше всего Санктафракса, а длинное толстое извилистое тело могло трижды опоясать Нижний Город. Жилистое туловище как будто было привязано к небесам.

Отсюда виднелась заледенелая Река Края и даже дымчатые контуры Каменных Садов и самого Санктафракса.

Чудовище вздохнуло — это был гулкий раскатистый звук, как будто выдутый из медной трубы. Огромные глаза вспыхнули голодным светом. Мимо

небесного корабля проплыли теплые ароматные серебристые облака, так непохожие на холодные тучи, нависшие над Краем.

Внезапно со страшным грохотом чудовище развернулось и подалось вперед, разинув огромный рот. Что-то булькнуло, и монстр стал жадно заглатывать облака.

Чудовище ело жадно, комья снега, прилипшие к его бугристому телу, шевелились, когда оно глотало огромные облачные куски, как питон глотает свиномордов. Зимние Рыцари с ужасом наблюдали за трапезой. Постепенно вокруг чудовища образовалась темная пугающая пустота. Огромный рот со стуком захлопнулся.

Вдруг чудовище закатило глаза и содрогнулось. Откуда-то изнутри вырвался низкий, ворчащий звук, и монстр забился в конвульсиях.

По всему телу монстра, от уродливой головы до невидимого хвоста, шли страшные спазмы. Жилы вздулись и напряглись, длинные щупальца задрожали, но все же непонятная сила держала чудовище привязанным к небу.

Ворчание становилось все громче, все жалобней, пока не перешло в протяжный стон. Марис поежилась. Квинт затаил дыхание...

В следующий миг из глотки чудовища, как отрыжка, вырвались холодные тучи. Казалось, даже небо содрогнулось от их ледяных колец. Чудовище обиженно взвыло.

Зимние Рыцари молча смотрели, как тучи, извергнутые чудовищем, плыли к Краю, неся с собой нена-

вистный снег и колючий лед. Контуры Санктафракса сгинули в холодной дымке. Впрочем, Зимним Рыцарям тоже пришлось не сладко. Ледяные волны нахлынули на корабль, несколько угольков погасло от морозного дыхания ветра, еще чуть-чуть и корабль бы унесло в открытое небо, откуда еще никто и никогда не вернулся.

— Значит... значит... весь Край замерзает из-за... из-за этого чудовища? — стуча зубами, выговорил Фин.

— Похоже на то, — хмуро согласился Раффикс. — Мерзкая тварь глотает теплые облака и отрыгивает холодные тучи... Наверное, Гарлиниус Герникс нашел способ убить это отвратительное, гадкое, злобное чудовище с помощью грозофракса. — Раффикс поморщился.

— Нет, — вдруг сказала Марис. — Оно не злобное...

Квинт внимательно посмотрел на монстра. Чудовище было покрыто толстой коркой потресканного льда. Из трещин вытекала вонючая жижа, которая тут же превращалась в лед. Чудовище тяжело дышало, глаза выцвели и загноились. Челюсти вздрагивали, с уголков приоткрытого рта текла слюна.

— Оно не злобное, — повторил Квинт слова Марис. — Оно больное. — Юноша снова взглянул на чудовище. Оно показалось ему знакомым. Монстр напоминал глистера, созданного из воздуха учеными в недрах Древней Лаборатории.

— Это дитя Небес, — покачал он головой. — Когда твой отец открыл Древнюю Лабораторию и попытался создать новую жизнь, оно пришло из открытого неба и застряло здесь, посмотри...

Квинт указал на хвост чудовища. Зимние Рыцари подошли к корме. Чудовище извивалось, но хвост оставался неподвижным, как будто был связан путами.

— У него примерз хвост, и каждый раз, глотая теплые облака, монстр надеется согреться и освободиться, — догадался Стоуп.

— Замораживая при этом Санктафракс и Нижний Город, — перебил его Раффикс. — Мы должны убить чудище...

— Но бедняжка не виноват. Он сам этому не рад, — запротестовала Марис. — Мы не можем вот так просто его убить...

Квинт попросил Раффикса занять его место у штурвала и быстро ушел в рубку, а когда вернулся, в руках сияла шкатулка с грозофраксом.

— Если мы оставим чудовище в живых, Санктафракс обречен, — сказал он Марис. — Я был учеником твоего отца и теперь в ответе за то, что он сотворил. Вы же не должны рисковать своими жизнями.

Он повернулся к Раффиксу.

— Подведи корабль поближе, чтобы я мог прыгнуть.

Раффикс улыбнулся.

— Ты забываешь, старина, что мы — Зимние Рыцари, а они всегда держатся вместе.

Фин и Стоуп согласно кивнули, а Марис схватила Квинта за руку.

— Они правы, Квинт. Ты же не наделаешь глупостей?

— Обещаю, — промолвил Квинт.

Чудовищный монстр завидел в небе новую порцию теплых облаков и с надеждой разинул рот.

— Привяжитесь к мачте, — скомандовал Раффикс.

Расправив паруса, старый небесный корабль набрал скорость. Лететь против ветра было нелегко, сваи трещали и гнулись. Снег ложился на палубу белым полотном, грозя заморозить летучий камень.

Стиснув зубы, Раффикс вращал штурвал вправо и влево. Побледневшие Стоуп и Фин привязались

к мачте. За их спинами дымил древесный уголь. На самом носу в крепких, повидавших приключения доспехах застыл Квинт. Черный плащ юноши развевался по ветру, в руках он сжимал шкатулку, за его спиной, привязавшись канатом к деревянным поручням, стояла Марис. Прижимаясь к товарищу, она испуганно смотрела вперед.

Они плыли в открытое небо, прямо перед ними висел Пожиратель Облаков. Голодные глаза уставились на корабль.

Марис всхлипнула, в следующий миг раздался голос Раффикса:

— Я подлечу как можно ближе, Квинт. Но у тебя только одна попытка. Не промахнись!

Прямо перед собой Квинт увидел огромный разинутый рот чудовища. Теплое облако подхватило корабль, с минуту Зимние Рыцари грелись в мягких облачных объятьях, снег растаял, летучий камень подбросил корабль вверх, но вот чудовище жадно втянуло воздух, и «Палач Бурь» понесло в бездонную пасть. Стиснув зубы, Квинт поднял шкатулку над головой.

— Давай, Квинт! — взревел Раффикс. — Давай!

Квинт во все глаза смотрел на разинутый рот, оставалось только раскрыть шкатулку и бросить в глотку кристалл. Юноша дернулся, но пальцы не разгибались.

Щелк!

Латные перчатки заело. Квинт не мог разогнуть пальцы, не мог открыть шкатулку, не мог вытащить грозофракс.

— Давай же, Квинт! — взвыл Раффикс.

Квинт закружился волчком, нужно было распутать веревки. Он не может вытащить кристалл, что ж, придется броситься в пасть самому вместе со шкатулкой!

Веревка соскользнула, но в этот миг на юношу наскочила Марис.

— Нет, Квинт! — закричала она. — Ты же обещал!

Онемевшими от холода пальцами она распахнула шкатулку. Воздух наполнился запахом жареного миндаля, крошечный кристалл, как пташка, вылетел из своей темницы и, сверкнув, залетел в разинутую пасть монстра.

Раффикс крутанул штурвал, Квинт повалился на палубу, а «Палач Бурь» в последний миг вышел из воздушного потока, несущего его в чудовищную глотку.

Яркая вспышка осветила небо, грозофракс, затвердевший в Сумеречных Лесах, взорвался и стал тем, чем был когда-то, — чистой энергией, ослепительно яркой и жаркой, как огонь.

«Палач Бурь» отбросило взрывом на многие мили. В какой-то миг Зимние Рыцари решили, что это конец и палуба сейчас обрушится под их ногами. Но каким-то чудом корабль уцелел.

Наконец Раффикс смог выровнять судно. Квинт вскочил на ноги.

— Мы убили чудовище? — выпалил он.

В сторону Края плыли теплые облака, снег, облепивший чудовище со всех сторон, быстро таял. Лед превращался в воду, показалась радуга. Ее красные

и желтые, фиолетовые и зеленые лучи перекрещивались и весело сияли.

Зимние Рыцари, затаив дыхание, глядели на существо, скрывавшееся под холодной ледяной оболочкой.

Оно казалось хрупким и прозрачным, как будто сотканным из самого воздуха. Длинные святящиеся щупальца напоминали шелковистую челку. Чистые глаза сияли, как болотный жемчуг. Свет грозофракса погас. Существо разинуло рот, прозрачный, как озерная гладь, и подалось вперед. Послышался звон разбитого стекла, ледяная корка, сковавшая хвост, хрустнула и растаяла. С неба фонтаном брызнула чистая вода.

Марис радостно взглянула на Квинта.

— Мы не убили, — улыбнулась она, — мы исцелили его!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТУЧАЯ КРЫСА

етучая крыса звонко пискнула, взмахнула кожистыми крылышками и вылетела в открытое окно. На секунду малышка зависла в воздухе, греясь в теплых солнечных лучах. Внизу лежала Рыцарская Академия, к небу тянулись высокие башни тринадцати наследных рыцарей, простирался широкий плац. Вскоре летучая крыса скрылась в желтых кучевых облаках.

— Защитят тебя Небеса, малютка Острокрыл, — прошептал Квинт, глядя вслед своему питомцу, и закрыл окно. — Надеюсь, мой отец знает ответ на вопрос, который ты ему несешь.

Летучая крыса быстро летела над Санктафраксом, внезапно она остановилась, зашевелила усами и, отчего-то передумав, изменила курс и направилась в Дремучие Леса.

Тремя днями раньше старый потрепанный небесный корабль с изорванными парусами летел над Краем. Внизу, как огромная змея, шумела и извивалась река. Талый снег дал ей новую жизнь.

Огромная сосулька, в три раза превышающая размеры летучей скалы, на которой стоял Санктафракс, треснула, и в бездонную темную пропасть полетели сверкающие осколки.

Небесный корабль горделиво плыл по небу, впереди лежали Каменные Сады. Летучие скалы, затопленные талой водой, напоминали острова. Поначалу бравому экипажу показалось, что на вершинах все еще оставался лед, но, подлетев поближе, они поняли, что ошибались. Белые макушки скал двигались и кричали. Это были белые вороны, вернувшиеся в свои дома.

Корабль опускался все ниже и ниже. У штурвала стоял Раффикс, Стоуп и Фин дежурили у летучего камня, а Квинт с Марис стояли на носу, глядя на приближающийся Нижний Город. Некогда холодные и пустые улицы снова шумели, как будто великан расшевелил осиное гнездо.

Городские гномы разгребали сугробы, крох-гоблины и глыботроги чистили водостоки. С крыш летели звонкие сосульки и с грохотом разбивались о мостовые. После стольких месяцев жгучего мороза все двойные двери и утепленные окна распахнулись навстречу теплу.

Нижний Город превратился в царство воды. Эта вода смывала все пережитки зимы, освобождала землю от холодных тисков. Но если Нижний Город наконец возвратил свой облик, то Санктафракс, наоборот, узнать было нельзя.

— Только взгляни, — ахнула Марис, хватая Квинта за руку.

Талая вода лилась с крыш, фронтонов, бортов, оконных перемычек, контрфорсов, арок и мостов. Вода затекала в расщелины летучей скалы, скапливалась в каменных сотах.

Вскоре воды стало так много, что она с громким плеском брызнула из всех дыр и щелей. Это был настоящий радужный водопад, искупавший в своих теплых брызгах Санктафракс и лежащий внизу Нижний Город. Летучая скала согрелась и больше никуда не собиралась улетать.

Раффикс повернул штурвал, и корабль пошел на посадку. Вскоре улыбки на лицах путешественников погасли. В Рыцарской Академии произошло нечто ужасное, и талый снег тут был ни при чем.

Плац был превращен в поле боя...

Изуродованные трупы привратников валялись в кровавых лужах. Тела остальных павших были укрыты белым

саваном, так похожим на снег. Огромная дверь, ведущая в бараки, была сорвана с петель, деревья превратились в груду дров и щепок.

Раффикс опустил корабль, Фин сошел на причал и привязал швартовый к Портальной Башне. Зимние Рыцари покинули палубу, радости как не бывало... оживление прошло.

Друзья спустились по лестнице и оказались на широкой площадке, ведущей в Большой Кафедральный Зал. Тишины и прохлады, царившей здесь в обычные дни, не было и подавно...

На кафедрах толпились о чем-то оживленно спорящие ученики и профессора, а сам зал был превращен в госпиталь, на широких толстых одеялах лежали раненные. Профессора Верхних Палат и молодые воспитанники ходили между ними, как равные, обрабатывая раны живым, закрывая глаза мертвым.

На одном из одеял Раффикс увидел крошечного поскуливающего губошлепа и опустился на колени. Зверек сидел рядом со своим погибшим братом и бездыханным хозяином.

— Фабиус Дидекс, — ахнул Раффикс, глядя на безжизненное лицо профессора. — Бедный Ревун, — пробормотал он, ласково поглаживая губошлепа по пушистой шерстке. — Твой хозяин погиб.

Губошлеп забрался Раффиксу на плечо, уткнулся в шею и тихонечко завыл.

— Нашел себе друга, — раздался хриплый голос, друзья обернулись и увидели воспитанника Верхних Палат, бывшего однокурсника Раффикса.

— Любиус? — Раффикс был ошеломлен тем, как выглядел товарищ. — Любиус, это ты?

Старшекурсник горько улыбнулся. Он был очень бледен, красивые глаза потускнели, лицо осунулось, а голос ломался, как тающий лед.

— Дексиель Ксексис и его привратники заперли на рассвете все двери. Мы проснулись от стука мечей и громких криков. На плацу шла битва... — Любиус отчужденно смотрел на Раффикса. — Мы просто не могли оставаться здесь, на кону была честь Верхних Палат. Фабиус Дидекс возглавил наш отряд. Мы с боем вырвались на Центральную Лестницу, потеряв многих соратников, но убив немало врагов!

Раффикс судорожно вздохнул.

— Флаель и Белтикс погибли на верхней площадке, — продолжал Любиус. — А Мемдиус... Добрый старина Мемдиус умер у меня на руках уже внизу. Но мы пробились на плац и там...

Окровавленные руки Любиуса задрожали.

— ...уже там потеряли Фабиуса Дидекса...

Губошлеп протяжно завыл.

— Где ты был, Раффикс, когда Верхние Палаты в тебе так нуждались? — вымолвил Любиус.

Зимние Рыцари переглянулись. Хвастаться своим подвигом в этой обители горя и скорби уже никому не хотелось.

Раффикс из последних сил сдерживал слезы.

— Я был на борту «Палача Бурь», — начал он, но товарищ его не слушал. Опустившись на пол, он стал раскачиваться из стороны в сторону, отрешенно глядя вдаль.

Квинт положил руку Раффиксу на плечо.

— Пойдем, друг, — ласково позвал он. — *Сейчас* он не сможет тебя понять, но есть кто-то, кому очень важно услышать нашу историю.

— Филиус Эмбертин! — воскликнул Фин. — Пойдемте к нему, он должен узнать, что свиток говорил правду!

Впятером они покинули Большой Кафедральный Зал и поспешили по мраморным ступеням и темным коридорам на факультет Всех Облаков в крошечную комнатку Филиуса Эмбертина. Повсюду им встречались следы жестокой битвы, которую они пропустили, — сломанные двери, брошенное оружие, изорванная в клочья одежда.

Перед входом в темницу старого декана лежал труп привратника, из груди глыботрога торчал нож.

— Это один из стражников, — сказал Фин, отворяя дверь и заглядывая в щелочку. В комнате стоял полумрак, у кровати горела одна-единственная свеча. Мягкий желтый свет падал на морщинистое лицо Филиуса Эмбертина, лежащего на жестких подушках. Академик тяжело дышал.

— Профессор Эмбертин, — прошептал Фин, заходя в комнату, — это я...

Вдруг кто-то набросился на Фина, прижал к стене и приставил к шее нож.

— Кто ты? — прорычал незнакомец. — Говори, пока не перерезал тебе горло.

Квинт стрелой ворвался в комнату и ткнул нападавшего в спину кончиком кинжала.

— Брось оружие, — приказал он. — Сейчас же. — Нож упал на пол. — Теперь медленно повернись и скажи, кто ты такой.

Оказалось, что на Фина напал молодой воин-академик.

— Простите... Простите... — прошептал юноша. — Я думал, это привратник, как тот, которого я только что зарезал. — Он махнул рукой на дверь.

Квинт опустил кинжал.

— Они избивали декана и морили его голодом. — Воин-академик покачал головой. — И все по приказу Хакса Востилликса. Проклянут Небеса его душу!

Раффикс нахмурился:

— Хакс Востилликс мертв?

— Да, — ответил юноша. — Убит в собственных покоях землеведами, по крайней мере так говорят. Его отравили личинками дремучих ос, полосатые твари съели его изнутри. Для привратников это стало прекрасным поводом объявить нам войну...

С постели послышался слабый голос.

— Кто-то... Кто-то пришел, — прохрипел Филиус Эмбертин. — Дайте мне посмотреть на вас.

Квинт опустился на край кровати и обнял профессора за плечи, поразившись, до чего тот истощал. Профессор протянул руку и нащупал холодные доспехи.

— Скридиус? — прошептал он.— Скридиус, это ты?

Фин порылся в карманах плаща и протянул Квинту древний свиток.

— Мы... Мы отправились в открытое небо... — тихо проговорил Квинт. — Как когда-то отправился туда Гарлиниус Герникс.— Он помахал свитком пред слеповатыми глазами Эмбертина. — Мы взяли с собой грозофракс.

— О, Скридиус, Скридиус! — Лицо профессора просияло. — Скридиус, ты вернул грозофракс Небесам? Это сработало? — Голос декана задрожал. — Ты исцелил Небеса?

— Да, профессор, — ответил Квинт. — Мы вернули грозофракс, и зима прошла...

— Прошла? — повторил профессор, и счастливая улыбка озарила его лицо. — Благодаренье Небесам! Мой друг Линиус Паллитакс был бы очень счастлив. Счастлив, что злу, которое он сотворил, открыв Древнюю Лабораторию, пришел конец... Но ты должен кое-что пообещать мне, Скридиус. Заклинаю тебя именем Линиуса Паллитакса!

Декан притянул Квинта поближе к себе и уставился на него невидящими глазами.

— Заклинаю именем самого великого, почетного и справедливого Высочайшего Академика Санктафракса...

Марис всхлипнула.

— Говорите, —. прошептал Квинт. — Я все сделаю.

— Ты не должен никому рассказывать о том, что произошло, — попросил декан. — Древняя Лаборатория закрыта, каменные соты запечатаны. Если в Санктафраксе узнают, что Линиус виновен в злой, бесконечной зиме, его ждет бесчестие. Его статую сбросят со Ступеней Виадука, а имя опозорят в веках... Слуги Хакса били и пытали меня, но я не сказал ни слова о грозофраксе и старом свитке. И ты, Скридиус, вознаградил меня за страдания... Обещай же молчать!

— Обещаю, — ответил Квинт.

Филиус Эмбертин отпустил юношу и улыбнулся.

— Спасибо тебе, Скридиус Толлинкс, доблестный Рыцарь-Академик, — выдохнул он. — Теперь я могу спокойно улететь в открытое небо...

Договорив эти слова, Филиус Эмбертин закрыл глаза, вздохнул последний раз и ушел навсегда с тихой улыбкой на губах.

Квинт поднялся с кровати и накрыл покрывалом тело старого декана.

— Теперь он на Небесах, — произнес молодой воин-академик. — Никто его больше не обидит...

Он внимательно посмотрел на наследного рыцаря в блестящих новеньких латах, на красивого юношу в старых и потрепанных рыцарских доспехах, оглядел серого гоблина, заплаканную девушку и воина-академика, в котором узнал ученика своего командира.

— Но о чем говорил перед смертью декан? — спросил он. — Грозофракс, Древняя Лаборатория, открытое небо...

Зимние Рыцари обменялись загадочными взглядами, и тот, который носил старые доспехи, ответил:

— Я и сам не понял.

И ласково улыбнулся девушке.

За последующие дни жизнь в Рыцарской Академии постепенно вошла в обычное русло. Следы кровавой бойни и холодной зимы стерлись с лица Санктафракса.

По традиции тела убитых крох-гоблинов и городских гномов сожгли на больших кострах, чтобы души покинули мир живых и вместе с дымом улетели в открытое небо. Глыботроги были похоронены

в Топях, а погибших вейфов унесла в украшенных цветами корзинах Река Края.

Филиуса Эмбертина и Фабиуса Дидекса проводили в путь в Каменных Садах. Эта была первая церемония такого размаха после похорон самого Линиуса Паллитакса.

Жизнь тем временем шла своим ходом. Огромные форсунки и гигантские колеса разобрали, а гигантские свиноморды по приказу Фенвила Вендикса были отпущены на свободу в Дремучие Леса. Зубоскалы вернулись на факультет Перистых Облаков. Пух занял место на центральном насесте рядом с рыцарскими зубоскалами. Избавившись от привратников, воины-академики стали единственным войском Рыцарской Академии.

Зимние Рыцари вернулись к своим повседневным делам и обязанностям: Стоуп — в кузницу, Фин — в бараки, Раффикс и Квинт — в Верхние Палаты. Квинт уступил свою комнату Марис и на время перебрался к Раффиксу. Но оба понимали, что долго это продолжаться не может.

— Ты должна попросить аудиенции у Высочайших Академиков сразу после окончания следствия, — сказал девушке Квинт. — А я пошлю Остроклыа с письмом к отцу, возможно, он что-нибудь придумает.

— А что будет с Вилликсом Подлиниусом? — спросила Марис.

— Оставь это мне, — уверенно ответил Квинт. — Он где-то прячется, но нельзя прятаться вечно. От меня он не скроется.

Он сжал рукоятку меча и больше ничего не сказал.

На следующий день профессора Света и Тьмы собрали большой совет, на котором сообщили о смерти Хакса Востилликса. Со всех концов Санктафракса в Лекционный Зал факультета Всех Облаков с самого утра шли ученые.

На кафедре уже ждали Высочайших Академиков — один в новенькой черной, другой в белой мантии. Пока профессора, их помощники и ученики занимали места на летучих скамейках и высоких

балконах, Высочайшие Академики хранили молчание. И только когда наступила полная тишина, профессор Тьмы поднялся со скамьи.

По Лекционному Залу пробежал шепот, но профессор Света поднял посох, и все угомонились.

— Мы, Высочайшие Академики Санктафракса, — заговорил профессор Света, — с прискорбием сообщаем общественности о безвременной кончине декана факультета Всех Облаков Хакса Востилликса.

— Мы провели расследование, изучили все показания и улики, — продолжил профессор Тьмы, — и пришли к заключению...

— Что Хакс Востилликс был убит! — закончил профессор Света.

В Лекционном Зале стояла мертвая тишина. Все уже знали, что Хакс Востилликс умер насильственной смертью, и у каждого на этот счет была своя теория. На Ступенях Виадука и в трапезной Восьми Дверей только об этом и говорили. Но традиция требовала, чтобы последнее слово было за Высочайшими Академиками.

— У многих были причины ненавидеть декана факультета Всех Облаков, — прогудел профессор Тьмы. — Например, у деканов, снятых Хаксом Востилликсом с занимаемых ими постов.

— Фенвила Вендикса, Арборетума Сиклбау и покойного Филиуса Эмбертина... — вставил профессор Света.

— Мы признали их невиновными по всем статьям! — заключил профессор Тьмы.

— В вечер перед убийством Хакса Востилликса один воспитанник нес в покои декана факультета Всех Облаков ужин, но перед дверью его остановил глава привратников Дексиель Ксексис, — сообщил профессор Света.

— Воспитанник утверждает, что Ксексис забрал у него поднос и поставил на него вазочку со сластями, прежде чем лично внести ужин в покои, — прогремел профессор Тьмы.

— В вазочке лежали яйца дремучих ос в меду и ягодном сахаре, напоминающие по вкусу конфеты, — провозгласил профессор Света.

— Ночью осы вылупились из яиц и набросились на желудок несчастного, пока не съели его изнутри! — заключил профессор Тьмы.

Лекционный Зал зашелся криками, академики неистовствовали, такого поворота событий никто не ожидал. Профессор Света снова поднял вверх свой посох, призывая к тишине.

— Мы постановили, что глава привратников Дексиель Ксексис, опасаясь вспыльчивого нрава своего господина, пошел на жестокое и хладнокровное преступление! — хором произнесли Высочайшие Академики.

— Сейчас в Рыцарскую Академию вернулся мир и порядок, а жуткая зима прошла, да будут благословенны Небеса!

Зал вторил академикам радостными криками.

— Забудем же распри, как дурной стон, — призвал профессор Света.

— И вернемся к нашим наукам, — поддержал его профессор Тьмы.

По сигналу профессора Света летучая кафедра опустилась вниз. Высочайшие Академики вылезли на причал и прошествовали к выходу, где их поджидал худощавый старшекурсник с быстрыми бегающими глазками. Юноша затравленно озирался по сторонам и изо все сил старался стать незаметным.

— Это все? — с надеждой спросил он Высочайших Академиков. — Мне можно вернуться к занятиям?

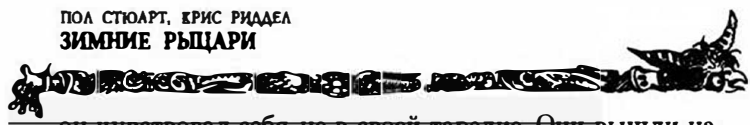
— К каким занятиям? — вздохнул профессор Света. — Игре в прятки по школам Виадука?

Воспитанник зло поглядел на профессора и повернулся к своему покровителю.

— Я рассказал все, что знаю, — взмолился он. — Позвольте мне уйти?

— Погоди, друг мой. — Профессор Тьмы положил руку на плечо юноше и вывел его из Лекционного Зала. — Ты должен еще кое в чем нам помочь.

Вилникса Подлиниуса было нелегко смутить, но сейчас, следуя за Высочайшими Академиками по лабиринту коридоров,



он чувствовал себя не в своей тарелке. Они вышли на улицу, запетляли по мостовым и вскоре остановились перед Школой Света и Тьмы. Войдя в тяжелые двери, они поднялись по роскошной мраморной лестнице и оказались в просторном холле. У Вилникса замерло сердце.

Он стоял перед кабинетами профессоров, в которые вели две двери — черная и белая. Последний раз Вилникс был здесь много месяцев тому назад. В тот вечер профессор Тьмы определил его в воспитанники Рыцарской Академии.

Вилникс был не единственным, кто ждал тогда судьбоносного решения. Рядом на старой скамье сидел сын воздушного пирата Квинтиниус Верджиникс.

Вилникса охватила слепая ярость.

Почему его гениальный план провалился? Каким образом Квинт и глупая, избалованная девчонка остались в живых? Это было загадкой. Пока что парочка держит язык за зубами, но как долго это продлится? Вилникс устал прятаться в грязных чуланах и сырых подвалах. Необходимо что-то предпринять. Придумать, как разделаться с врагами раз и навсегда...

— Заходи, Вилникс. — Профессор Тьмы распахнул дверь и жестом пригласил юношу внутрь.

Вилникс покорно перешагнул порог кабинета своего покровителя. Здесь не горели, как в комнате профессора Света десятки ламп и свечей. В покоях профессора Тьмы было темно, на окнах висели тя-

желые шторы, единственным светлым пятном был старый тусклый канделябр из лунного камня.

Вилникс никогда прежде здесь не бывал, даже когда принес профессору Тьмы потерянный телескоп. И сейчас он был не уверен, что рад такой чести. Постепенно глаза привыкли к темноте, и Вилникс смог различить окружающие его предметы. Вдоль стен тянулись книжные шкафы, на многочисленных столиках пылились склянки и незнакомые стеклянные и серебряные приборы. А у статуи древнего ученого сидели на мягком длинном диване Квинт и Марис.

— Вы ничего не можете доказать! — выпалил Вилникс, кидаясь к двери, но путь ему преградил профессор Света. — Я просто был курьером. Юноша в маске и темных очках попросил передать ей письма. — Он указал на Марис. — Я не думал, что делаю что-то дурное. Наверное, кто-то из глупых друзей Квинтиниуса зло над нами пошутил... — Он умоляюще взглянул на профессора Тьмы. — Поверьте, я невиновен! Балконы Обсерватории Лофтуса совсем старые. Неудивительно, что один отвалился. Все из-за мороза. Да, точно, виноват мороз.

Щеки Подлиниуса пылали, по лбу струился пот.

Профессор Тьмы молча смотрел на своего подопечного. Наконец он тяжело вздохнул.

— Ох, Вилникс, Вилникс...

Тем временем профессор Света приблизился к окну.

— Выходи, Глит, — позвал он.

Темная штора отодвинулась, и желтоглазый худой академик вышел из своего укрытия.

Вилникс затравленно смотрел на художника из Школы Цвета и Светотени.

— Я никогда прежде не видел этого человека! — выпалил он.

— Зато он видел тебя, мой дорогой Вилникс, — тихо произнес профессор Тьмы.

Художник улыбнулся и кивнул.

— Мы не можем доказать, что ты был автором фальшивых писем к Марис, — сказал профессор Света. — И мы не можем доказать, что ты обманным путем добыл образец почерка Квинта.

Лицо Вилникса исказилось от неприкрытой ненависти.

— Также мы не можем доказать, что это ты выманивал золото, а потом, желая прикрыть свои преступления, задумал убить Квинта и Марис...

— Что же тогда вы можете? — выплюнул Вилникс, с яростью глядя на профессоров.

— А знаешь, ты ведь помог нам, Вилникс, — заметил профессор Света. — Без тебя Квинт никогда бы не заподозрил, что Феруль Глит по просьбе Хефта и Дачии Веспиус подделал завещание Линиуса Паллитакса. За это преступление Хефту придется поплатиться всем своим грязным золотом.

— Зачем мне это знать? — вскинулся Вилникс, избегая взглядов Квинта и Марис.

— Действительно, зачем? — усмехнулся профессор. — Да затем, Вилникс, что, допросив Феруля Глита, мы выяснили кое-что интересное.

Профессор сделал художнику знак и тот заговорил.

— Я и раньше видел молодого господина, — вкрадчиво произнес он. — Только тогда он не был закутан в шарф. Нет, я видел его без всякой маскировки, выходящим из Школы Зелий и Ядов, расположенной прямо напротив моей скромной башни. Я видел, как этот юноша положил в карман бутылочку с яйцами дремучих ос.

У Вилникса отвисла челюсть. С минуту стояла тишина, потом профессор Света снова заговорил:

— Но мы не можем доказать, что именно эти яйца убили бедного Хакса Востилликса.

Вилникс криво улыбнулся. И это все? Они ничего не могут ему предъявить? Неужели все сошло ему с рук? Конечно, он-то уж всегда выйдет сухим из воды. Как он умен! Перехитрил их всех!

— Что ж, если это все, — ухмыльнулся он, — то я побегу?

— Боюсь, что не все, — возразил профессор Тьмы. — Ты подавал такие надежды, Вилникс, и так подвел меня, да и себя. К сожалению, мы с профессором Света вынуждены исключить тебя из Рыцарской Академии.

— На каком основании? — взвизгнул Вилникс. — Профессор Света сказал, что у вас нет никаких доказательств...

— Ты был замечен в Школе Зелий и Ядов.

— И что? — вскинулся Вилникс.

Профессор Тьмы склонился над юношей и заговорил тихо и рассудительно, как с маленьким ребенком:

— По понятным причинам никому, даже взрослым академикам, недозволенно переступать порог этой школы. Все в Санктафраксе это знают.

— Все, кто родился и воспитывался в Санктафраксе, — добавил профессор Света.

— Для воспитанника такой проступок просто недопустим и ведет к отчислению.

— Но... но... — проблеял Вилникс.

— Вот теперь ты можешь идти, — профессор Тьмы распахнул пред Вилниксом дверь. — Я оставил для тебя место в Колледже Дождя на факультете дождеведения. Конечно, это не Рыцарская Академия, но все же лучше, чем быть точильщиком ножей. Прощай, Вилникс. Мне очень, очень жаль.

Профессор Тьмы грустно покачал головой и захлопнул за ошеломленным юношей дверь.

Вилникс Подлиниус сжал кулаки.

— Вы еще пожалеете, что отчислили меня, — прошипел он. — Я разделаюсь с тобой, Квинтиниус Верджиникс, и с вами, мерзкие Высочайшие Академики. Даже если это будет стоить мне жизни.

Квинт и Марис выбежали из Школы Света и Тьмы и остановились, глядя на небо.

— Профессор Тьмы был прав! — воскликнул Квинт. — Это «Укротитель Вихрей»!

— Он настоящий небовед, — рассмеялась Марис. — И мухи не пропустит, если смотрит в телескоп, зато не видит того, что творится под носом. Вилникс Подлиниус — лучшее тому подтверждение.

Огромный небесный корабль скользил над башнями Санктафракса, зависнув над Школой Света и Тьмы, он бросил якорь. На капитанский мостик вышел Шакал Ветров.

— Квинт, сынок! — крикнул он, скинув вниз веревочную лестницу. — Я как раз плыл в Санктафракс, когда летучая крыса принесла твое письмо. Поднимайся на борт, мы улетаем!

— Но отец, как же Рыцарская Академия, моя учеба, Марис? — Квинт нерешительно поставил ногу на первую ступеньку.

— Обещаю, мы обо всем поговорим, поднимайся, — поторопил сына пират.

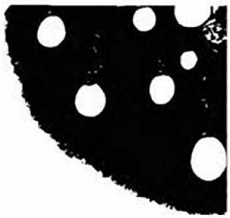
— Без Марис я никуда не полечу, — твердо сказал Квинт, взяв девушку за руку.

— Неужели ты думаешь, что я брошу дочь своего старого друга? — возмутился Шакал Ветров. — Поднимайтесь оба!

Как только Квинт и Марис оказались на палубе, небесный корабль отчалил и стремительно полетел в темнеющие небеса. Марис крепко сжала руку Квинта.

— Я больше никогда с тобой не расстанусь, — горячо выдохнула она. — Слышишь, никогда!

ЭПИЛОГ



Далеко в Топях лежал в жидкой грязи потерпевший крушение небесный корабль, полная луна тускло освещала его страшные обломки. Мачта согнулась, корма треснула, летучий камень раскололся надвое. Одна половина все еще валялась на палубе, вторая утонула в грязи.

На перевернутом бочонке сидел, сжимая в кулаке сырую рыбу, Рыцарь-Академик. Его доспехи были основательно помяты и перепачканы, разбитый шлем откатился в сторону.

Рыцарь-Академик меланхолично смотрел на чернеющие вдали Сумеречные Леса, укутанные рыжими облаками.

— Все пропало,— пробормотал он бесцветным голосом. — Пропало.

Ветви зашелестели, и перед взором академика возникли четыре неясные фигуры.

Рыцарь поднялся на ноги и прищурился. Перед ним стояла семья крох-гоблинов, оставивших свой бедный дом в Сумеречных Лесах в робкой надежде найти приют в Нижнем Городе.

Завидев высокого, осанистого Рыцаря-Академика, они бросились к нему.

— Здравствуйте, добрый господин, — вымолвил самый старший из них. — Мы просим вас о помощи.

— О помощи, — рассеянно повторил Рыцарь-Академик.

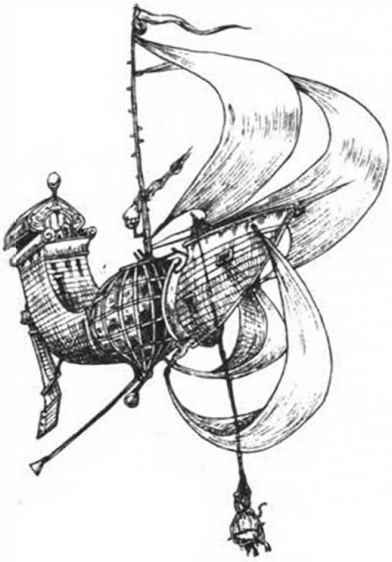
— Мы ищем место для ночлега, — встряла дородная крох-гоблинша. — И проводника, способного вывести нас с этих проклятых болот.

— Место для ночлега, — прохрипел академик. — Проводника.

Казалось, он не понимает, о чем говорит крох-гоблинша, вместо этого он смотрел на крошечные блестящие кристаллики, запутавшиеся у нее в волосах и забившиеся вместе с грязью под ногти.

Рыцарь-Академик опустил глаза, как будто о чем-то напряженно размышлял.

— Может быть, еще не все потеряно, — прошептал он, сжимая рукоятку меча. — Следуйте за мной.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 13

Часть первая. НИЖНИЕ ПАЛАТЫ

Глава первая. Школа Цвета и Светотени 19
Глава вторая. Хор мертвых 31
Глава третья. Точильщик ножей 43
Глава четвертая. Ворота Унижения 59
Глава пятая. Факультет Грозовых Туч 73
Глава шестая. Факультет Кучевых Облаков 85
Глава седьмая. Трапезная Восьми Дверей 99
Глава восьмая. День Сокровищницы 111
Глава девятая. Факультет Перистых Облаков 129
Глава десятая. Скридиус Толлинкс 149
Глава одиннадцатая. Факультет Всех Облаков 167
Глава двенадцатая. «Повелитель Ветров» 185
Глава тринадцатая. Письмо Марис 201
Глава четырнадцатая. Художник 217

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая. ВЕРХНИЕ ПАЛАТЫ

Глава пятнадцатая. Миниатюра 231
Глава шестнадцатая. «Палач Бурь» 245
Глава семнадцатая. Хакс 265
Глава восемнадцатая. Переписка 285
Глава девятнадцатая. Кровь на снегу 301
Глава двадцатая. Зимние Рыцари 321
Глава двадцать первая. Пожиратель облаков 335
Глава двадцать вторая. Летучая крыса 347
Эпилог 371

Стюарт П., Риддел К.

С 88 Зимние Рыцари / Пер. с англ. Ю. Скоробогатовой. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — 384 с.: ил.

ISBN 5-352-01704-4

История Древней Лаборатории продолжается! Квинт — сын знаменитого воздушного пирата поступил в Рыцарскую Академию в трудные времена. Свирепые морозы промораживают насквозь летучую скалу, и недалек тот день, когда она сорвется с Якорной Цепи, и тогда придет конец воздушному городу. Квинт мечтает стать Рыцарем-Академиком и спасти город. Но события, происходящие в Академии, заставляют задуматься сына воздушного пирата о своем будущем и будущем всего Края.

Литературно-художественное издание

Пол Стюарт, Крис Риддел
ЗИМНИЕ РЫЦАРИ

Редактор Евгения Тихонова
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Тамара Глазер, Ирина Щенсняк
Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

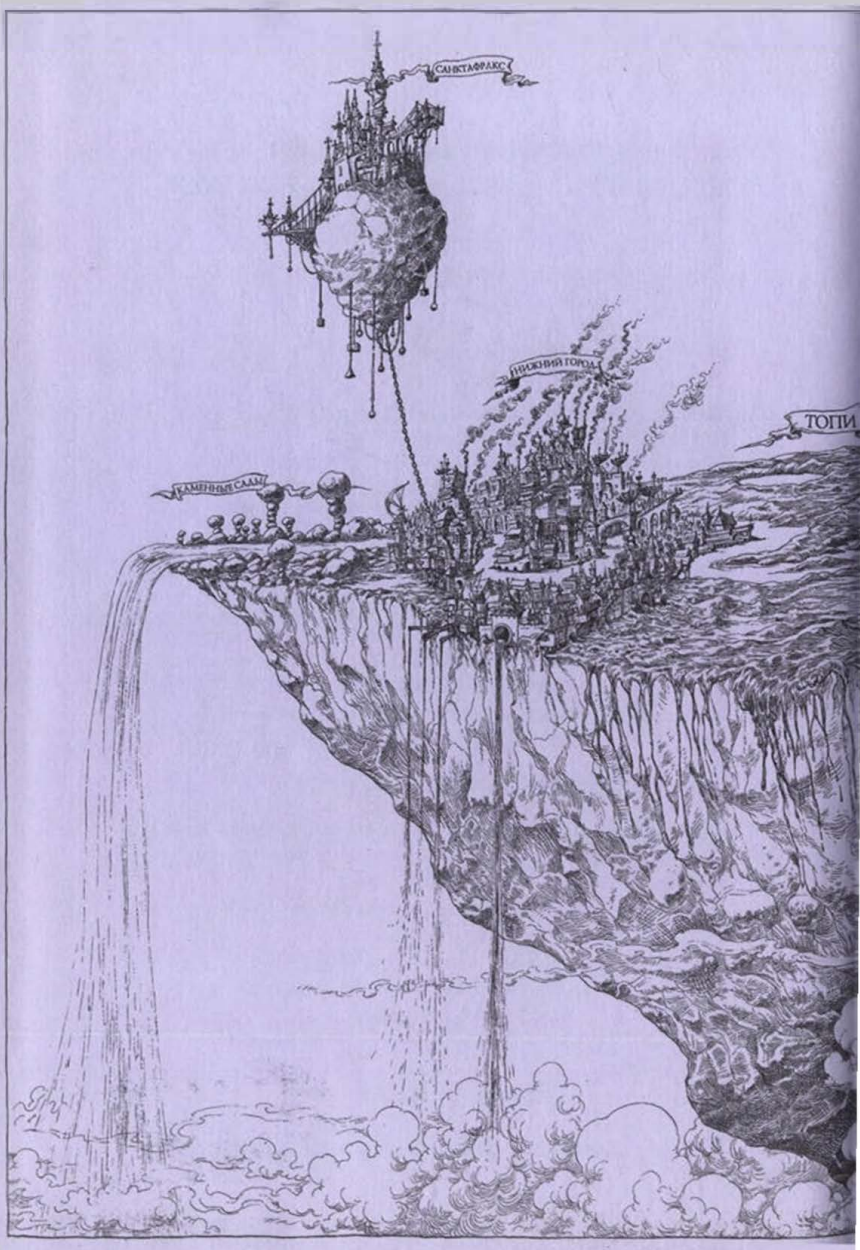
Подписано в печать 29.12.2005. Формат издания 60×84 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая».
Тираж 10000 экз. Усл. печ. л. 21,82. Изд. № 1704.
Заказ № 0518740.

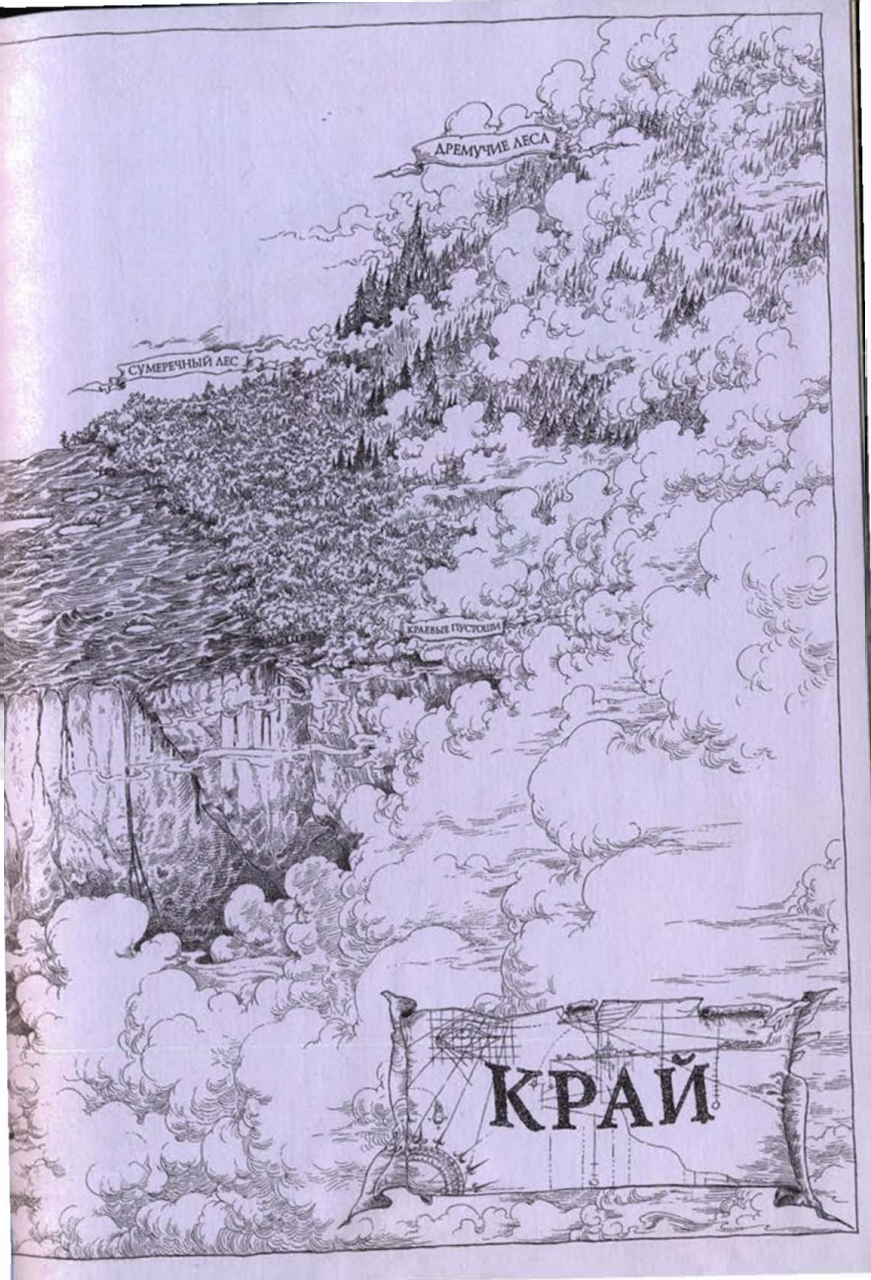
Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ЯПК

Larisa_F


САНКТАФРАКС
НИЖНИЙ ГОРОД
ТОПИ
КАМЕННЫЕ СЛЕПЦЫ


ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА
СУМЕРЕЧНЫЙ ЛЕС
КРАЕВЫЕ ПУСТОШИ
КРАЙ